

Я на войне был школьником блокадным...

Материалы открытой городской конференции

Комитет по образованию Санкт-Петербурга
Государственное бюджетное нетиповое образовательное учреждение
«Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных»
Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 183 с углубленным изучением английского языка
Центрального района Санкт-Петербурга

«Я на войне был школьником блокадным...»

**Работа образовательных учреждений Ленинграда
в период блокады и эвакуации**

Материалы открытой городской конференции

«Я на войне был школьником блокадным...». Работа образовательных учреждений Ленинграда в период блокады и эвакуации / Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных ; авт.-сост.: И.Г. Васильева, О.И. Савельева, Т.Г. Смирнова. – СПб., 2020. – 96 с.

Авторы-составители:

Васильева Ирина Григорьевна, методист;
Савельева Ольга Ивановна, педагог-организатор;
Смирнова Татьяна Геннадьевна, заведующий сектором.

Редакторы:

Мангутова Светлана Дмитриевна, к.п.н., ведущий библиотекарь
Петрова Вера Александровна, заведующий отделом гуманитарных программ и детских социальных инициатив

Рецензент:

Архипова Эльвира Ильинична, ветеран педагогического труда, член Санкт-Петербургского Союза краеведов

Корректор:

Кузнецова Ирина Юрьевна

© ГБОУ «СПб ГДТЮ», 2020

© Отдел гуманитарных программ и детских социальных инициатив, 2020

Отпечатано в РИС ГБОУ «СПб ГДТЮ»

заказ № ____, тираж 150 экз. подписано в печать

Содержание

Чтобы знать и помнить.....	5
Смирнова Т.Г., Васильева И.Г. «Я на войне был школьником блокадным...».....	6
Работа образовательных учреждений Ленинграда в период блокады	
Захваткина И.З. Ленинградские школы в годы блокады.....	8
1.1 Образовательные учреждения	
Столбова Н.П. Школы Красногвардейского района в годы Великой Отечественной войны.....	15
Лукьянова О.Ю. работе школ Выборгского района Ленинграда в дни блокады 1943–1944 гг.	17
Лончинский А.Н. Школы Володарского района Ленинграда в годы блокады. По страницам истории... ..	18
Пасынкова С.В. Блокадные страницы в истории 206-й школы Ленинграда	20
Захарова А.А., Николаев К.А. Гимназия № 209 в годы Великой Отечественной войны (эвакуационный госпиталь № 2015).....	22
Быкарева Л.Н. Блокадная школа в Колпине.....	23
Денисова И.М. Блокадная история одной из ленинградских школ (по материалам Мемориального музея истории Второй Санкт-Петербургской гимназии).....	24
Захваткина И.З. Трудные уроки. Школа № 183 в годы войны и блокады	25
Свидлов В. Школа № 236 в годы Великой Отечественной войны	27
Каталкина О.П., Митина А. «Легендарная 367»	28
Петраускас А. Школа № 50 во время блокады Ленинграда (по воспоминаниям из школьного музея).....	30
Сапрыкина С.О. 155 школа. Блокадное время	31
Безрукова Т.П. Военные страницы истории школы	32
Фурманова И.Б. Чему учила блокадная школа? (по материалам архива школы № 112)	35
Ладыжникова А.Е. Возобновление деятельности и направления работы Ленинградского Дворца пионеров в 1942 году	36
1.2 УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ	
Грушина Л.Б. Блокадный 1941/1942 учебный год в воспоминаниях учителей и учеников 47 школы.....	38
Телешов С.В. Блокада глазами очевидцев-школьников.....	39
Тимир-Булатова Н.С. Учителя и сотрудники школы № 183 в годы войны и блокады.....	42
Калмыкова Е.В. Марк Иванович Морозов – учитель, руководитель, человек. О заведующем РОНО Смольнинского района в годы войны и блокады по материалам школьного музея ГБОУ гимназии № 166.....	43
Ермилова И.Б. Блокадный дневник Юры Ерофеева.....	45
Аршанская А.Ю. «Блокадный» директор – Фаина Абрамовна Усвят.....	46
Овчинникова А. 11 школа Володарского района в годы блокады (по воспоминаниям ученика школы)	47
Гершанюк У. История школы № 207 в воспоминаниях блокадных учащихся	48
Уряшева Т. Блокадный учитель М.Д. Иващинцова в воспоминаниях школьников	49
Демчук В. «Сквозь израненный город» (творчество детей блокады). По материалам Народного музея Педагогического колледжа № 8 «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда»	50
Богачёва Я. «Я не сказала еще многого» (о семье Разумовских)	52
Кольцова Е., Грицынина С. Ксения Владимировна Ползикова-Рубец – автор первой книги о подвиге ленинградских школьников (о чем говорят архивы).....	53
Саррина М.Я. О работе по созданию Зала Боевой славы в ГБОУ СОШ № 236.....	55
Работа образовательных учреждений Ленинграда в эвакуации	
Газиева Л.Л. Проблемы и противоречия эвакуации ленинградских детских учреждений в 1941 году	56
2.1 ЭВАКУАЦИЯ	
Лифоренко М., Богданов В. Эвакуация ленинградских детских домов в Краснодарский край в 1942 году.....	57
Жданкова О.А. Школа-интернат № 1 им. К.К. Грота в период эвакуации.....	59
Верховская С.Н. Школа-интернат № 183 на Вятской земле	60

Кокин В.Л. «От Тургенева до Шостаковича»: из истории школы № 235. Эвакуация школы в годы Великой Отечественной войны.	61
Бойко Т.Н. Исследовательская деятельность учащихся по теме «Наша школа в годы Великой Отечественной войны»	63
Зайцева Т. Эвакуация 238 школы в село Шахово. (по воспоминаниям В.И. Мордасова и М.Н. Антоневиц).....	64
Смирнова М. Вдали от Ленинграда (письма из эвакуации)	65
Куркина Н.А. Дети Ленинграда в Киргизии	67
Левашиова Н.С. Ленинградские дети на Ветлужской земле	68

2.2 ПРОЕКТ «СПАСЁННОЕ ДЕТСТВО»

Васильева И.Г. Проект «Спасённое детство». В начале поиска	69
Павлова Т.А. Краснознаменный Легаевский интернат. О жизни детей Детского сада № 20 Октябрьского района г. Ленинграда в эвакуации	71
Стальмак Е.П. «Не геройствовала, а жила...» Евгения Николаевна Скотникова: ленинградские страницы биографии	72
Литвинская Е. Первый этап эвакуации детского сада № 20 Октябрьского района Ленинграда	75
Белобородова Е. О чем рассказали списки Легаевского интерната, или Список как исторический источник	77
Аксенова П. «Спасённое детство» Исаака Юдборовского.	78
Исламова Ю. «Все мы – дружная семья». О жизни и судьбе директора Таушинского детского дома Бубновой Марии Гавриловны	79
Михеева Е. Судьба человека. О судьбе детей ленинградской семьи Морозовых	81
Савинских В. «Дорогой жизни». О судьбе ленинградской девочки Людмилы Щегловой	82
Капленко А. Печали и радости школьников Некоузского района в годы Великой Отечественной войны	83
Кондырева Д., Рижко Е. Мы родом не из детства, из войны.....	85
Попова А. Эвакуация лагеря ленинградского Литфонда в Гаврилов-Ям по воспоминаниям воспитанников лагеря ..	86
Авдоненкова А. «Память сердца».....	88
Лядова О.Н. «Под свое крыло тепло приняли обездоленных детей».....	89
Зайцева Д., Шилова А. Через призму времени: судьба ленинградских детей, эвакуированных в поселок Сарс Молотовской области в годы Великой Отечественной войны	90

Программа конференции.....	92
----------------------------	----

Список сокращений	96
-------------------------	----

Памяти Валерия Николаевича Селиванова посвящается...

Чтобы знать и помнить...

*Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!
Ю. Воронов*

В год 75-летия Великой Победы в Санкт-Петербургском городском Дворце творчества юных состоялась конференция, посвящённая деятельности ленинградских школ в блокаду и в эвакуации. Великая Отечественная война явилась периодом серьёзных испытаний для школьного образования. Но и в период блокады продолжал действовать Закон о всеобщем обязательном обучении. Осаждённый Ленинград, находясь в кольце блокады, сумел наладить регулярные занятия в школах, полностью учесть ребят школьного возраста, во время бомбёжек организовать уроки в бомбоубежищах.

Авторитетным исследователем этой темы и научным руководителем конференции стал историк и общественный деятель Валерий Николаевич Селиванов. Друг Дворца, он на протяжении многих лет активно участвовал в его жизни, мероприятиях, посвящённых Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда.

В.Н. Селиванов – блокадный ребёнок. Родился в 1939 году в Ленинграде. Отец погиб на Ленинградском фронте уже в 1941 году, а мать, работая на хлебозаводе, умерла от голода в 1943 году. В дом попала бомба, и мальчик был ранен. Год провёл в больнице, затем был устроен в детский дом. После войны окончил Ленинградский государственный Университет, преподавал в школах, в Нахимовском училище, работал в Международном детском лагере «Артек». Являлся инициатором Всесоюзной военно-спортивной игры «Зарница». Затем работа в Областном комитете комсомола, был депутатом Законодательного собрания, председателем профильной комиссии по делам ветеранов и блокадников, по социальным вопросам, здравоохранению, экологии. В

60-е годы прошлого века стал учредителем общественной организации «Союз воспитанников детских домов блокадного Ленинграда» и создателем ветеранской организации «Союз юных участников обороны Ленинграда», которая объединила детей, награждённых медалью «За оборону Ленинграда». Обе эти общественные организации существуют и сейчас. Этой медалью был награждён и В.Н. Селиванов. При его активном участии и поддержке мэра Санкт-Петербурга было организовано и проведено первое шествие ветеранов по главному проспекту города в Дни Победы, которое стало традиционным.

Деятельность Валерия Николаевича Селиванова связана со строительством Зелёного Пояса Славы, идея создания которого принадлежит поэту-фронтовику Михаилу Александровичу Дудину. Работая в Ленинградском обкоме комсомола, В.Н. Селиванов принимал самое активное участие в создании монумента погибшим детям блокадного Ленинграда – «Цветка жизни». Решено было увековечить память о детях блокады, о ребятах, которые учились в школах, в 11–14 лет стояли у станков, делая снаряды, тушили зажигалки на крышах, работали в трудовых и сражались в партизанских отрядах – жили и умирали наряду со взрослыми.

Инициативу строительства «Цветка жизни» на Ржевке, 3-м километре «Дороги жизни», поддержали Александр Александрович Сизов, председатель Ленгорисполкома, и Ленинградский Дворец пионеров – его руководители Галина Михайловна Чернякова и Лидия Петровна Буланкова, а также многие другие замечательные люди.

Валерий Николаевич совместно с архитекторами Алексеем Левенковым и Павлом Мельниковым, кстати, тоже блокадными детьми, придумывали проект памятника «Цветок жизни» и вместе с сотнями добровольцев строили этот мемориал. Через несколько лет появились Аллея Дружбы (архитектор А. Левенков) и траурный курган Тани Савичевой, состоящий из восьми страничек – этого страшного в своей лаконичности документа блокадной истории (архитекторы А. Левенков, Г. Фетисов, инженер М. Коман). Соавторы обсуждали каждую деталь мемориала. Много вопросов возникало. Каким должен быть памятник, что должен нести, как можно на маленькой площади разместить 900 берез? Это символическое количество по числу блокадных дней. Все получилось, и сегодня эта роща круглогодично алеет пионерскими галстуками.

Подлинный дневник ленинградской школьницы Тани Савичевой, ставший обвинительным документом фашизма на Нюрнбергском процессе, Валерий Николаевич держал в своих руках. Работая с документами в Музее истории города, он доказал, что Таня не умерла в блокадном Ленинграде, а была вывезена по Дороге жизни в село Понетаевка Шатковского района Горьковской области. Там она, полуслепая, не вставала с постели, ноги ее уже не слушались. Умерла Таня Савичева в июле 1944 года. Валерий Николаевич установил место ее захоронения на местном кладбище и возложил цветы от ленинградцев. По его инициативе здесь тоже создан мемориал, но меньших размеров.

Память о Тане Савичевой бережно хранится в её родной 35-й школе Василеостровского района и во многих школьных музеях Санкт-Петербурга.

В 2002 году В.Н. Селиванов подготовил издание «Стояли как солдаты: Блокада. Дети. Ленинград». Это серьезное исследование по истории блокадных школ Ленинграда, выполненное на основе изучения архивных документов, множества иных источников. В книге приводятся достоверные цифры о количестве школ, учащихся в разные периоды блокады, участии школьников в помощи блокированному городу, заботе о детстве. В 2002 году, в год издания книги, Комитет по образованию рекомендовал иметь его в каждой школьной библиотеке.

Последняя встреча В.Н. Селиванова с юными исследователями и их руководителями состоялось в Санкт-Петербургском городском Дворце творчества юных 25 ноября 2019 года на конференции «Я на войне был школьником блокадным...». Работа образовательных учреждений в период блокады и в эвакуации». Валерий Николаевич выступил с докладом на открытии конференции перед взрослой аудиторией и школьниками, отвечал на вопросы журналистов и гостей, работал на секции, задавал вопросы, комментировал выступления участников конференции. Говорил о том, что блокада Ленинграда – это тема вечная, и очень важно, что сегодняшняя молодёжь интересуется историей своих школ в годы блокады, подвигом детей и педагогов, побывавших в эвакуации, школьники изучают документы и тем самым вносят свой посильный вклад в сохранение памяти о войне и блокаде.

В начале 2020 года, в памятные блокадные дни, Валерия Николаевича не стало...

«Я на войне был школьником блокадным...»

Смирнова Татьяна Геннадьевна,
заведующий сектором исторического краеведения и школьного музееведения,
руководитель ГУМО, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Васильева Ирина Григорьевна,
методист сектора исторического краеведения и школьного музееведения,
педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Конференция «Я на войне был школьником блокадным...» стала большим событием не только для краеведческого сообщества Петербурга, но и перешагнув границы города, стала большим межрегиональным событием, посвященным сохранению памяти о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда.

Тема конференции в настоящее время видится чрезвычайно актуальной. В школах Петербурга и России, в музеях образовательных организаций накопился материал, объединенный темой Великой Отечественной войны и темой военного детства. Открывшиеся за последнее время новые факты, свидетельства, систематизированные педагогами и учащимися материалы, требовали выхода и обсуждения в рамках крупного мероприятия. В Петербурге в настоящее время насчитывается 229 аттестованных школьных музеев, экспозиции большинства из них, так или иначе, раскрывают тему войны и блокады. Осмысление этих фактов и материалов на новом этапе изучения и понимания исторических событий привело к организации конференции «Я на войне был школьником блокадным...».

Появление идеи организации тематической конференции принадлежит, как это чаще всего и бывает, неравнодушным и заинтересованным людям. Осенью 2018 года с вопросом, каким образом можно актуализировать тему работы образовательных организаций в период блокады, в сектор краеведения и школьного музееведения городского Дворца творчества юных обратились Любовь Константиновна Ермолаева и Ирина Захаровна Захваткина. В 183 школе Центрального района, в которой работает Ирина Захаровна, на протяжении многих лет проводится поисковая работа, связанная с изучением истории школы в блокаду и в эвакуации. Также учащиеся начальной школы вовлечены в проект, который ставит перед собой задачу – собрать сведения о школах, которые работали в трудные годы блокады в Ленинграде. Ребята и педагоги потрудились серьезно, но заглянуть во все школы и школьные музеи для учащихся – задача сложная, а порой и невозможная. Так, идея создания конференции была рождена потребностью педагогического и ученического сообщества.

Подтверждением того, что желание разных людей встретиться, обсудить и поделиться накопленными

материалами назрела, говорит и тот факт, что параллельно и независимо стал развиваться межрегиональный проект «Спасённое детство», посвященный изучению истории эвакуации из Ленинграда и работы в Молотовской области (современный – Пермский край) конкретного образовательного учреждения – 20-го детского сада Октябрьского района Ленинграда.

Активная поисковая и исследовательская деятельность школьников и педагогов Петербурга и Пермского края помогла выяснить важные сведения. По материалам музейных и архивных фондов удалось проследить путь эвакуированного интерната от Ленинграда до Легаевки, выяснить имена, факты биографии, ленинградские адреса всех воспитателей и сотрудников детского сада, проанализировать документы интерната и ответить на вопросы о расхождении ряда фактов, описать биографии старших воспитанников интерната – Валентина Трыкова и Исаака Юдборовского.

Постепенно проект объединил усилия школьников и педагогов трёх регионов: Петербурга, Пермского края и Ярославской области. Учащимся историко-краеведческого клуба «Петрополь» Говоровой Арины, Литвинской Еве, Белобородовой Елизавете, Аксёновой Полине под руководством педагога Е.П. Стальмак удалось разыскать 7 воспитанников интерната. А в сентябре 2019 года провести встречу поколений с участием воспитанников интерната, на которой в режиме онлайн присутствовали педагоги и школьники Пермского края и Ярославской области.

Стало очевидно, что идея обсудить на городской конференции вопросы работы образовательных учреждений стала шире самого факта работы блокадных школ в осаждённом Ленинграде.

На приглашение принять участие в мероприятии откликнулись руководители школьных музеев, педагоги, методисты, историки, преподаватели, специалисты государственных музеев, библиотек, представители ветеранских организаций и обществ, коллеги из регионов, многие из них выступили в качестве экспертов. Валерий Николаевич Селиванов, ребенок блокадного Ленинграда, ветеран, историк, общественный деятель, автор исследования «Стояли как солдаты» стал научным руководителем конференции. 25 ноября 2020 года на семи секциях выступили с докладами 65 человек: четыре секционных заседания были посвящены вопросам работы образовательных учреждений в блокадном Ленинграде и три – в эвакуации.

На конференции представили результаты исследовательской работы участники межрегионального проекта «Спасённое детство». Из Пермского края приехала делегация в составе 21 человека во главе с инициатором проекта, Уполномоченным по правам человека в Пермском крае – Павлом Владимировичем Миковым. А также представители Ярославской области в составе 14 человек из 3 школ региона.

Всего в работе конференции приняли участие более 200 человек.

На открытии конференции с приветственными словами выступили официальные лица: П.В. Миков, Уполномоченный по правам человека в Пермском крае, С.Ю. Агапитова, Уполномоченный по правам ребёнка в Санкт-Петербурге, М.Л. Крупин, Уполномоченный по правам ребенка в Ярославской области, директор Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда Е.В. Лезик и научный руководитель конференции В.Н. Селиванов.

По итогам конференции «Я на войне был школьником блокадным...» вышел сборник, который Вы держите в руках. Он состоит из двух частей и раскрывает тему работы школ, детских садов, специализированных школ в блокадном Ленинграде и в эвакуации. В сборнике опубликованы ценнейшие свидетельства героизма и подвига директоров, учителей, воспитателей и, конечно, детей – учащихся военной поры. Каждый документ, находящийся в школьном музее или в архиве, а может, в семейном альбоме, на который ссылаются авторы статей, позволяет рассказать правду о том времени. В нём без преувеличения собраны уникальные факты, свидетельства, воспоминания, интервью, отрывки из дневников, основанные на подлинных материалах архивов и школьных музеев.

Совокупность разных типов источников, на которых основаны опубликованные статьи, позволяет буквально увидеть и услышать историю блокады Ленинграда и жизни страны в годы Великой Отечественной войны, в которой переплелись горестные страницы и сила жизни героев повествования.

Сегодняшнее поколение детей и молодёжи должно знать, каких невероятных усилий стоило тем блокадным детям учиться, тушить зажигалки, трудиться в полях и на огородах, ухаживать за ранеными в госпиталях, переживать эти страшные годы далеко от дома, в эвакуации, верить в победу, что их родной город не будет сдан врагу. А их наставникам, учителям и воспитателям, не только передавать детям знания в тяжёлых условиях, но и главное – сохранить их жизни, уберечь от голода, болезней, отдавая им всю свою материнскую заботу, любовь и нежность.

И хотя о блокаде много написано, появилось много новых опубликованных документов: дневников, воспоминаний, писем, – сегодня нельзя утверждать, что на этом изучение блокадного детства, деятельности школ и жизни ленинградских учителей и детей в эвакуации можно считать исчерпанным. Всё ещё остаются вопросы: как выживали в этих невероятных условиях, как к ним приспосабливались?

Авторы статей, опубликованных в этом сборнике, отвечают на некоторые вопросы, отмечают штрихи, необходимые для создания правдивой истории блокадного Ленинграда. Каждая статья сборника по-новому раскрывает мужество ленинградцев, показывает во всём величии самоотверженный подвиг и взрослых и детей, внесших свой посильный, а иногда и непосильный вклад в победу. Собранные здесь свидетельства и факты дают представление о масштабах проводимой в те годы работы – как в осаждённом городе, так и в эвакуации.

Авторы собранных в сборнике материалов, взрослые и подростки, школьники и учащиеся колледжей, позволили открыть новые страницы деятельности ленинградских школ в блокадном городе и в эвакуации. Они ещё раз дали нам прочувствовать, как нелегко далась Победа. Помимо того, рассказы, собранные в этом издании, несут ещё одну важную ценность – неразрывную связь поколений.

Мы искренне благодарим всех авторов статей сборника «Я на войне был школьником блокадным...» за их желание достойно нести вахту памяти и приобщить к этой великой

миссии Вас, дорогие читатели!

Работа образовательных учреждений Ленинграда в период блокады

Ленинградские школы в годы блокады

Захваткина Ирина Захаровна,

методист медиотеки ГБОУ СОШ № 183 с углубленным изучением английского языка
Центрального района Санкт-Петербурга

... память о блокаде заменила в городе религию. Официальная идеология отставала в теме блокады героизм и подвиг. Память сохранила трагизм и страдание.
К. Добротворская. Блокадные девочки

Летом 1941 года ленинградские школы не закрылись на каникулы. Учителя, вернувшиеся из отпусков, и ученики, оказавшиеся в городе, объединились в борьбе за укрепление обороноспособности города. К началу войны в Ленинграде было 402, 9 тыс. школьников¹, которые обучались в 419 школах² [8, с. 538].

27 июня 1941 года руководители школ ввели круглосуточное «ответственное дежурство по МПВО», начали оборудовать убежища, готовить чердаки к тушению зажигательных бомб, организовывать светомаскировку. Школьные окна заклеивали полосками бумаги, которые позднее К.В. Ползикова-Рубец³, называла «памятником нашей добомбежной наивности» [2, с. 2]. В школах и домохозяйствах выполнить эту работу без помощи подростков было невозможно. Вскоре добровольных помощников сменили группы самозащиты, в обязанности которых входили: противопожарная охрана, устранение повреждений, оказание первой помощи пострадавшим. Подготовка к работе в группах подлежали все горожане в возрасте от 16 до 60 лет. На деле, они состояли из домохозяек и старших школьников.

С 29 июня школы приступили к эвакуации детей 8-14 лет сначала в Ленинградскую и Ярославскую области.

Старших школьников привлекли к оборонным работам, строительству щелей для укрытия населения во время бомбежки. Из воспоминаний Л. С. Сумкина⁴: «Школьники вместе с взрослыми рыли траншеи в Таврическом саду» [28]. По призыву областного комитета ВЛКСМ создавались санитарные дружины из учениц 9-10 классов. В дружины вступали целыми классами [25, с. 87].

6 июля газета «Ленинградская правда» сообщила, что над Ленинградом нависла угроза фашистского вторжения: враг вступил на территорию Ленинградской области⁵. Остро встал вопрос о производстве средств борьбы с вражескими танками. Простейшим из них была бутылка с зажигательной смесью. Ленинградские школьники собрали более миллиона пустых бутылок, которые наполнили горючим и отправили на фронт, прежде всего, ополченцам [26, с. 60]. Соревновались в сборе черного и цветного металлолома, необходимого для производства вооружения и боеприпасов.

18 июля 1941 года была введена карточная система снабжения хлебом и продовольственными товарами, промтоварами. Учителя школ получили карточки по нормам служащих⁶, ученики с 12 лет и старше – иждивенческие⁷ карточки, ученики до 12 лет – детские. Цены на «пайковые продукты» сохранялись государственные, на довоенном уровне.

Нормы снабжения с 18 июля 1941 года (в граммах) [14, с. 289, 290]

	Хлеб в день	Крупа в месяц	Мясо и мясопродукты в месяц	Жиры в месяц	Сахар и кондитерские изделия в месяц	Рыба в месяц
Служащие (в том числе учителя)	600	1500	1200	400	1200	800
Иждивенцы (в том числе школьники с 12 лет)	400	1000	600	200	1000	500
Дети (в том числе школьники до 12 лет)	400	1200	600	400	1200	500

Созданная 25 июля 1941 года комиссия мобилизовала на завершение строительства Лужской оборонительной полосы сотни тысяч ленинградцев, в том числе юношей с

15 лет и девушек с 16. Преподаватели и учащиеся привлекались к выполнению трудовой повинности через учебные заведения. Десятичасовой рабочий день, усиленное питание,

1 В школу поступали, как правило, в возрасте 8 лет (с 1944 г. – в 7 лет); обязательным было семилетнее образование.

2 В отчете Ленгорсовета указано, что в 1940/1941 учебном году работали 467 школ.

3 Ксения Владимировна Ползикова-Рубец (1889–1949) – учитель истории и завуч школы № 239 Октябрьского района г. Ленинграда. Руководила работой со школьниками в Эрмитаже.

4 Леонард Семенович Сумкин (1929 г.р.) – ученик школы № 4 (183) 1939–1941 гг., (3 и 4 классы).

5 Ленинградская область к 1941 г. охватывала территории совр. Ленинградской, Новгородской и Псковской областей, часть Вологодской.

6 Служащие – социальная группа, включающая всех занятых по найму нефизическим трудом в промышленности (инженеры, бухгалтеры и т.д.), а также наёмных работников в торговле и сфере услуг.

7 Иждивенцы – лица, находящиеся на длительном или постоянном материальном или денежном обеспечении со стороны других лиц.

увеличение отпуска хлеба на 100 грамм. Из воспоминаний К.Я. Анисимовой⁸: «Свыше 3000 человек (в основном учителей и работников школ) в июле и августе 1941 года, орудуя киркой, топором, лопатой, возводили траншеи, доты и дзоты в районе станции Мшинской Варшавской железной дороги по рекам Долгой и Оредеж. ... В августе нас, учителей, направили на оборонные работы у больницы Фореля (ныне Кировский городок). Туда мы ездили на трамвае» [9, с. 45, 46].

22 августа началось немецкое наступление на Ленинград. Подростки вступали в батальоны народного ополчения «для разведки, связи, снабжения личного состава батальонов боепитанием, продовольствием, водой и т.п.» [14, с. 54].

1 сентября 1941 года занятия в школах не начались. «В школах шли консультации, групповые и индивидуальные занятия с учащимися, оставшимися в городе и имевшими осенние испытания. В сентябре, а частично и в октябре 1941 года осенние испытания были пройдены. Не всех учащихся удалось учесть: многие были на оборонных работах, многие поступили в ремесленные училища, часть временно выехала к родственникам, часть школьников эвакуировалась с родителями и школами из Ленинграда. Всего осенние испытания выдержало 2593 чел.» [14, с. 364]. В конце сентября в некоторых школах учителя по своей инициативе начали работать с отдельными учениками, дежурными групп МПВО, с учащимися выпускных классов.

2 сентября, 12 сентября и 1 октября первого года войны были снижены нормы карточного продовольственного снабжения. Состав хлеба, который становился главным продуктом питания, менялся: с 15 сентября в него входили примеси (овес, соевый жмых, ячменный солод, мука из затхлого зерна, льняной жмых, отруби и соевая мука и пр.).

В школьных зданиях 10 сентября выключили отопление, а вскоре и телефоны. Директора объявили о сдаче лыж, лыжных палок с кольцами и креплений для нужд Красной Армии. Для госпиталей собирали матрацы, одеяла, подушки, бильярд, шашки, шахматы, домино, патефоны. При военкоматах организовали обязательное военное обучение мужчин с 16 до 50 лет. Учителя и ученики вместе занимались строевой подготовкой, владением пулеметом, минометом, ручной гранатой, ПХО, рытьём окопов и маскировкой.

В октябре школы начали подготовку к началу учебного года. Из воспоминаний В.Я. Островской⁹: «Услышали приятную новость: с 15 октября начнутся занятия в школе. Проходят инструктивные совещания в институте усовершенствования; мы пишем производственные планы. Началась работа. Как нам это приятно! Несмотря на блокаду, на близость фронта, мы будем вести занятия. Бомбежками, обстрелами нас не запугать. Голод? Ну что ж, и это выдержим. Мы народ крепкий!» [5].

Школы Ленинграда получили разрешение начать занятия с учащимися 1-6 классов в бомбоубежищах школ и домохозяйств с 20 октября 1941 года. Фактически они начались позднее, после включения отопления – 25 октября. В условиях строгой экономии температура в домах с центральным отоплением не поднималась выше 10 градусов.

Исполком Ленгорсовета вынес решение о начале учебного года с 3 ноября для учащихся 7-10 классов Ленинграда

(без Колпина, Кронштадта, Пушкина и Петергофа) на базе школ и об организации занятий с детьми 1-6 классов (не в порядке общего охвата) по месту их жительства в домохозяйствах [14, с. 262]. Указывалось, что «вопрос подготовки молодежи со средним образованием откладывать нельзя в условиях войны, что дети должны находиться под организованным влиянием школы» [14, с. 360]. В трехдневный срок освобождались помещения ряда школ, занятых военными частями. В распоряжение Ленгорсовета выделили 37 командиров запаса для военного обучения в школах. На период учебного года преподаватели и учащиеся освобождались от трудовой повинности [14, с. 235].

1941/1942 учебный год

Из отчета Ленгорсовета известно, что после летней эвакуации в блокированном городе остались 201 082 школьника [14, с. 361]. Приступили к учебным занятиям в бомбоубежищах школ и домохозяйств 60 тысяч школьников 1-6 классов, в 103 школьных зданиях сели за парты более 30 тысяч школьников 7-10 классов [8, с. 538].

Ноябрь-декабрь 1941 года – 1-й этап деятельности ленинградских школ в 1941/1942 учебном году. Из воспоминаний С.Н. Саговской¹⁰: «Школа вступила в первый учебный год. Где же проводить занятия? С одной стороны, многие школы взяты под госпитали, с другой – опасно скоплять (так в тексте – авт.) большое число детей в одном месте: бомбежки стали ежедневными... Решено было проводить занятия в бомбоубежищах. Начались поиски подходящих помещений, разговоры с управхозами, оборудование бомбоубежищ кое-какой школьной мебелью. Наконец, все подготовлено, занятия начались. Подвальное низкое помещение. Маленькие окна почти не пропускают света. Кругом толстые деревянные подпорки, поддерживающие потолок. Под ногами тоже бревна. Посредине один или два длинных стола, вдоль столов скамейки. Сверху опускается электрическая лампочка, освещающая склоненные над тетрадями детские головки. Ровно и спокойно звучит голос учительницы. А кругом по стенам – нары с матрацами и подушками, а иногда просто прикрыты каким-то тряпьем. Ночью здесь спят жильцы дома, спасаясь от налетов. Холодно, под ногами сыро» [26, с. 262].

4 ноября газета «Ленинградская правда» опубликовала заметку «Первый день занятий», которая начиналась так: «Все напоминает в 132 средней школе суровую обстановку города-фронта. Противогазы через плечо у учащихся и учителей. Бочки с водой, ящики с песком, лопаты. Ставни для затемнения на окнах. Во многих классах вешалки для верхней одежды учащихся, чтобы во время воздушной тревоги они могли быстро одеться и спуститься в бомбоубежище» [22, с. 3]. В программу старших классов было введено военное обучение: физическая подготовка, строевые занятия, ПВХО, стрелковая подготовка, военная топография, санитарное дело, знакомство с уставом РККА. Новые учебники по военному делу были напечатаны тиражом четыреста тысяч. [12, с. 3] Военная тематика должна была отражаться в каждом предмете.

Из дневника К.В. Ползиковой-Рубец: «Педсовет в бомбоубежище. Директор школы требует «не

8 К.Я. Анисимова – директор законсервированной школы для взрослых №27, с сентября 1941 г. – директор средней школы № 246.

9 Вера Яковлевна Островская работала в средней школе № 9 г. Ленинграда.

10 С.Н. Саговская – учитель русского языка и литературы школы № 20 Володарского района.

понижать требования к учащимся» [2, с. 3]. Из дневника Юры Рябинкина¹¹: «4 ноября. На сегодня надо было прочесть «Мертвые души» Гоголя, но при тусклом свете читать невозможно». «6–7 ноября. Сидим за партами в шубах, многие ребята совершенно уроков не учат». Из дневника Леры Игошевой: «С 3-го по 6-е были четыре счастливых дня. Открылись школы. ... В школе всего 5 классов. ... В школе же нам давали еду – суп и кисель» [15, с. 46, 73].

Учащиеся в течение ноября и декабря 1941 года получали в школе суп без вырезки талонов из продовольственных карточек [14, с. 362]. Из воспоминаний известно, что чаще всего это был дрожжевой суп¹² – белесая жидкость горьковатого вкуса, в которой плавали несколько крупинки, а если повезет – несколько кусочков мерзлой картошки. Запах этой похлебки напоминал грибной суп. Вспоминают гороховый суп, суп из свекольных листьев. Стоимость супов составляла от 5 до 28 копеек [1, с. 3]. Из воспоминаний Т. (?) Серковой¹³: «Мы, выжившие в суровую зиму блокады, ... не в малой доле обязаны этой тарелке» [25, с. 47].

Четвертое снижение норм снабжения продуктами объявили 13 ноября. К этому времени своевременно продавался только хлеб и, до января, сахар. Учителям и школьникам всех возрастов полагалось в день по 150 грамм хлеба. Из воспоминаний Гали Немчиановой¹⁴: «Продукты по карточкам для нас с мамой «отovarивала» я. Утром, перед школой, надо было выкупить хлеб. Вместо сахара выдавали конфеты, иногда несладкие, или повидло. Мяса или рыбы мне не досталось ни разу» [7].

В ноябре были зафиксированы первые случаи смерти от дистрофии. Среди умерших было больше мужчин и мальчиков. Наступил голод, «смертное время». Иждивенцы, в том числе школьники, за месяц кроме хлеба получили только 1,5 кг продуктов. В старших классах почти не осталось учеников. Каждый старался найти работу, которая давала право на получение рабочей карточки или хотя бы карточки служащего.

20 ноября объявили о пятом снижении норм выдачи хлеба. Учителя и ученики – все получали по карточкам только 125 граммов хлеба в день. Хлеб выпекался из муки, состоящей на 52 % – 60% из примесей, запасы которых тоже были на исходе.

В это трудное время школы поддержали призыв рабочих фабрики «Пролетарская победа» собрать теплые вещи для бойцов. Из воспоминаний К.В. Ползиковой-Рубец: «Собирали теплые вещи, распускали их и вязали нужное. Старую шерстяную нитку укрепляли ниткой от шопки. Много вяжут на дежурстве и на педсоветах» [1, с. 2, 3]. Собирали книги для фронтовых библиотек, помогали госпиталям (заполняли карточки, стирали бинты). 22 ноября «Ленинградская правда» сообщила, что «Раненные бойцы благодарят школьников Фрунзенского района, хор которых исполнил «Песню о Сталине», «Песню о Ворошилове» Юдина, «Песню танкистов» Хейфа, «Морскую походную» Фарди» [31, с. 7].

С 25 ноября в зданиях школ прекращено использование электрического освещения, кроме одной лампочки в комнате ночных дежурных. С 4 декабря прекращено отопление школ углем. Детские учреждения перешли на минимальные нормы дровяного отопления. Остановились трамваи, в школу и из школы надо было добираться пешком. Занятия младших школьников почти повсеместно прекратились.

9 декабря в газете «Ленинградская правда» была опубликована статья «Месяц учебы в школах». В ней сообщалось, что регулярно работали 90 школ, занятия проходили в 7–10 классах, учебные программы по основным предметам выполнены полностью, нарушений дисциплины нет [18, с. 4]. Из воспоминаний Н. А. Анисеевой¹⁵: В 41-м «я училась в 8 классе, мы сидели в школе и мерзли, преподаватели уже почти к нам не приходили. Зато нам давали суп. Никогда не забуду, как я пол-литровую баночку супа несла вот так домой, вцепившись в нее, хотя там в основном была вода. В школе все меньше народу было – тот умер, тот умер, а потом где-то в январе мы и вовсе перестали туда ходить» [16, с. 56].

Перед самым Новым годом, 25 декабря 1941 года, нормы выдачи хлеба были впервые повышены. Учителя и ученики получали теперь 200 граммов хлеба в день. Из дневника Лены Мухиной: «Какое счастье! Какое счастье! Мне хочется кричать во все горло. Боже мой, какое счастье!». [20, с. 161] Это была отчаянная попытка помочь горожанам в условиях, когда имеющиеся в городе запасы продовольствия были полностью исчерпаны [14, с. 298]. Но к проведению новогодних праздников город готовился. 23 декабря Ленгорисполком принял решение об организации праздников для 40 тыс. учеников 1-6 классов и 9 тыс. старшеклассников. Требовалось заготовить 1000 елок, организовать «обслуживание праздников обедами без вырезки талонов из продовольственных карточек и елочными подарками», «художественно-зрелищными» мероприятиями. Билет стоил 5 рублей. Бесплатные билеты получили дети «семей рядового и командного состава РККА и РККФ, семьи пенсионеров и остро нуждающихся» [14, с. 241]. Разносили билеты по домам учащихся учителя. Новогодний подарок весил 250 граммов. В пакетиках могли быть несколько штук кураги и печенья, конфета «Чайка» (из сои) или «солнечный мандарин, кусочек хлеба и плиточка глюкозы с выпуклой звездочкой посередине» [26, с. 350].

Из дневника К.В. Ползиковой-Рубец: «1 января. Пришла в школу. Электричества нет. Комнату освещает коптилочка, сделанная из чернильницы. Окна забиты фанерой. Целый день делаем из листов, вырванных из старых тетрадей, фунтики для гостинцев. ... На елку на 100 бесплатных детских обедов будут даны 4 обеда для учителей. Составляю списки ... Обед будет из 3-х блюд. Кроме того 400 платных 5-рублевых билетов наша школа распространила среди детей, не ходящих в школу. Желающих было гораздо больше» [2, с. 4]. Из воспоминаний О.Т. Бочковской: «Дети ждут елку с нетерпением – обещали подарки. Получаю записку от матери моего ученика,

11 Юрий Иванович Рябинкин (1925–1942) – ленинградский школьник; с 22 июня 1941 г. вел дневник, записи в котором оборвались 6 января 1942 г.

12 Белковые дрожжи – основа супа – производились из древесных опилок, являлись ценным пищевым продуктом; в его состав входят белки (44–67%), углеводы (до 30%), минеральные вещества – 6–8 %. Один килограмм дрожжей с влажностью 75% по содержанию белка почти соответствует килограмму мяса. В дрожжах много витаминов, особенно группы В; больше, чем в овощах, фруктах и молоке.

13 Т. (?) Серкова – завуч школы № 26 г. Ленинграда.

14 Галина Алексеевна Немчианова (1926 г.р.) – ученица школы №4 (183) с 1936 по 1941 гг.

15 Нина Александровна Анисеева – ленинградская школьница, которой к началу войны было 14 лет.

которая была с нами в эвакуации с двумя сыновьями – моим учеником (3 кл.) и пятиклассником. Она пишет, что сын лежит на столе, она зашивает его в саван. Нельзя ли на елку вместо него прийти старшему? ... Обстрел. После отбоя поднимаемся наверх, где приготовлены столы. На столах роскошь: кулечки с лакомствами, на тарелках две котлетки и кусочек хлеба» [3, с. 20].

Январь 1942 года был самым страшным месяцем блокады. Для детей 8–12 лет открыли 30 столовых, в которых дополнительное питание, как правило, тарелку супа, получали 30 тысяч школьников. 24 января и 11 февраля 1942 года норма выдачи хлеба была увеличена, качество его стало лучше. Население получило по карточкам крупу, мясо, сахар; сухую картошку и капусту. Февраль был легче января.

Нормы снабжения хлебом с 11 февраля 1942 года (в граммах) [14, с. 289, 290]

Хлеб в день	Служащие (в том числе учителя)	Иждивенцы (в том числе школьники с 12 лет)	Дети (в том числе школьники до 12 лет)
	400	300	300

Зимние каникулы в ленинградских школах продлили сначала до 15 января 1942 года, потом до 1 февраля. В феврале резко сократилось число школ, в которых после каникул возобновились учебные занятия.

Январь–апрель 1942 года – 2-й этап деятельности ленинградских школ в 1941/1942 учебном году. Продолжили работу, согласно отчетам директоров, 39 школ. В каждой из них было по 30–40 учеников. Кроме того, занятия в бомбоубежищах и квартирах посещали 35 964 учащихся разных школ [14, с. 362]. Из дневника К.В. Ползиковой-Рубец: «Возобновить занятия было разрешено с 7 класса, приходили и 6 классы. В 7 классах – 8 учащихся, иногда – 4, в 9 классе 3 человека, в 10 – 1 ученик». «10 февраля. Холодно, чернила замерзли. 8 и 9 классы занимаются в одном помещении. Урок длится 30 мин. Звонков нет. Учителям дают 2 тарелки супа. Начинаются уроки в 11 ч. К 1 – 1½ заканчиваются. Но некоторые ребята прекрасно учатся. В классах народу мало, спрашиваем часто». «С конца февраля уроки стали длиться 40 минут» [2, с. 37, 58, 60].

В феврале в школах, включая те, в которых занятия были прекращены, было организовано горячее питание. Из воспоминаний М.И. Никольской¹⁶: «Собственно, школа превратилась в нечто вроде детского дома. Учителя отапливали и убирали помещения, стирали белье, обмывали мальчиков и девочек, оставшихся без родителей. Читали школьникам книги ...» [26, с. 456]. Детей, оставшихся без родителей, было много. Только что созданная городская комиссия занималась их устройством в интернаты, которых становилось все больше. Из дневника Вити Крякова: «28 февраля 1942 г. Встретил сегодня товарища по классу. Он говорит, что половина ребят с нашего класса отправилась на тот свет. Сам он живет один и очень грязный» [25, с. 41].

В марте начались работы по очистке города. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 15 до 60 лет и женщины от 16 до 55 лет. Главной силой были домохозяйки и подростки, которые работали 6 часов ежедневно. Ученики и учителя школ, в которых проводились занятия, работали после уроков по 2 часа. Из дневника К.В. Ползиковой-Рубец: «Положена грань между числящимися и действительно учащимися: первые работают по 6 часов по очистке города, вторые – 2 (как служащие)» [2, с. 43].

К весне 1942 года в школах города числилось всего 2800 учащихся. 21 апреля было принято решение о возобновлении работы школ. Предлагалось охватить обучением всех детей школьного возраста, организовать повторение пройденного, вернуть домашние задания. Учителям выдали рабочие продуктовые карточки!

Май–июнь 1942 года – 3-й этап деятельности ленинградских школ в 1941/1942 учебном году. 4 мая 65 тыс. учащихся приступили к занятиям в 148 школах Ленинграда и Кронштадта [8, с. 541]. Из воспоминаний А.В. Молчанова¹⁷ «... 4 мая начались занятия в школах. ... мы сидели притихшие, съездившие, не похожие на детей, и ждали когда же нас будут кормить обещанным обедом. У каждого была сумка с баночкой, в которой мы собирались несъеденную часть обеда принести домой. ... Теперь я понимаю, почему нас собрали в школы фактически на два месяца (май и июнь) совсем не для учебы, а чтобы встряхнуть нас после страшной зимы, вернуть нам радость детства, подкормить нас – ведь для наиболее ослабленных и истощенных в школах предусматривалось усиленное питание. И в связи с общей физической слабостью детей в младших классах должно было быть только три урока, а в старших – не более пяти. ... По-моему, не было ни русского, ни арифметики. В основном, было пение и чтение: читали стихи, кто какие знал, и хором учили новые, вспоминали поговорки и скороговорки, отгадывали загадки» [19, с. 29–30]. Из воспоминаний Жени Шавровой: «21 мая. Каждую неделю кто-нибудь делает маленькое сообщение о положении на фронтах. ... Газеты достать трудно и мне на днях пришлось списывать статьи из промокшей газеты под дождем, на Невском у дома 30, стоя на узких досках, ограждавших забор (дом зимой разбомблен)». «25 мая. ... Родители дежурят в столовой, проверяют чистоту, домашние условия ребят. Недавно мы фотографировались на дворе с учителями» [30, с. 123].

В июне 1942 года в 4–10 классах школ, которые начали занятия 3 ноября 1941 года, не прекращали их и выполнили программу, прошли весенние испытания. Таких школ, согласно отчетам директоров, было 39. К их числу «будет правильным добавить те школы, которые, пусть с небольшими перерывами, но, работая в бомбоубежищах и на квартирах, все же смогли выполнить учебную программу и перевести учащихся в следующий класс. Таких школ по отчетам директоров насчитывалось еще 16 [25, с. 72].

С 20 по 30 июня 1942 года проходили «испытания». Учащиеся 4–9 классов экзаменовались по русскому языку, литературе и математике, а десятиклассники, кроме того, по физике и иностранному языку. 3600 учащихся были переведены в следующий класс. Десятый класс окончили 532 ученика, 70 получили аттестат отличника. 3 июля во Дворце пионеров состоялся праздник выпускников, на котором каждому была вручена книга с надписью: «Окончившему полный курс школы № ... Ленинграда в 1941/1942 году – в год Великой Отечественной войны с фашизмом, блокады

16 М.И. Никольская – учитель русского языка и литературы школы № 31 Октябрьской железной дороги.

17 Анатолий Владимирович Молчанов (1932–2011) – блокадный школьник; инженер; поэт, заслуженный деятель искусств РФ.

и героической защиты города Ленина». Из воспоминаний М.А. Федоровой¹⁸: *«Министерство прислало в конвертах темы для сочинений, а экзамены проводились по предметам. Только наши выпускники не кружились в школьном вальсе, ... тело дистрофика не требовало веселья»* [6, с. 3].

Лето 1942 года. 12 тыс. школьников были отправлены на сельхозработы. «Решение Ленгорисполкома от 19 июня 1942 г. таково: после окончания учебного года учащихся VI-IX классов отправить на огороды в подсобные хозяйства и совхозы, рабочий день 6 часов. Чуть позже выехали в лагерь учащиеся с 8 до 13 лет и тоже работали на огороде, но не более 4-х часов. ... Школьники получали питание по повышенным нормам (хлеб – как промышленные рабочие), за перевыполнение нормы – дополнительные стахановские обеды» [29, с. 20]. Из воспоминаний Е.М. Максимовой¹⁹: *«... К концу мая дети окрепли и даже не прочь были побегать. В начале июля учащиеся 4,5,6 классов выехали в совхоз «Ударник». Было еще очень холодно и на полях нечего было делать, учащиеся собирали траву – мокрицу и лебеду и в ящиках отправляли в город, в столовые. ... Позднее учащиеся помогали сажать картофель, подкармливали овощи, полости морковь и капусту, а осенью, после уроков, ходили убирать овощи с полей»* [4, с. 2].

Летом в городе учителя и работники шефских предприятий готовили школы к новому учебному году. В зданиях сооружали новые печи, восстанавливали водопровод и канализацию, вставляли стекла и фанеру в окна, латали крыши. Шла заготовка дров.

1942/1943 учебный год

1 сентября 1942 года приступили к занятиям ученики 1–4 классов, которых в городе осталось 14 872²⁰. Старшие ученики продолжали работу в пригородных хозяйствах до 15 октября. В 5-7 классах учились 6 105 учеников, в 8-10 классах – 877 [14, с. 366]. В Ленинграде, включая Кронштадт, в новом учебном году открылись 84 школы, в каждой из которых функционировали девять-десять классов.

Добиться 100% посещения учениками уроков не удавалось. Многие лечились в стационарах, другие были заняты домашними делами (уход за младшими или больными членами семьи), работали на производстве, охраняли огороды. Были, конечно, и прогулы из-за безнадзорности.

Школы работали в режиме полного дня, что определялось трехразовым питанием школьников. «В начальных школах дети приходили к 9.15 ч. – физзарядка и завтрак, уроки начинались в 10 часов. В 14 часов обед, затем приготовление уроков и внеклассная работа. Ужин в 17-18 часов. В неполных средних и средних школах – с 8 до 9 – физзарядка и завтрак, с 9 до 14-15 часов – уроки, с 14 до 16 обед, ужин в 18-19.30» [29, с. 21]. Из 24 216 учащихся 1 300 питались бесплатно [14, с. 365].

В декабре 1942 года при детских столовых для 15 тыс. школьников было организовано усиленное питание. При этом дети из семей военнослужащих и инвалидов имели право на получение бесплатного питания или частичную его

оплату. С 1 января 1943 г. к столовым усиленного детского питания (УДП) стали прикреплять на 3-х разовое питание всех ослабленных школьников вне зависимости от возраста [13, с. 38].

Школьные программы продолжали меняться. На военно-физическую подготовку в 5-7 классах теперь отводилось 3 часа, в 8-9 классах – 4, в 10 классе – 5 часов в неделю.

В связи с этим вводилась должность военного руководителя, оборудовались военные кабинеты, предоставлялись физкультурные залы, лыжные базы и тиры для «огневой» подготовки. Школьники учились владеть винтовкой, осваивали приемы огневой, технической и химической защиты. Девушки, помимо знаний санитарного дела, приобретали специальность телефонистки, телеграфистки и радистки.

Состав учеников в школах изменился. Из воспоминаний М.А. Федоровой: *«Преобладали малыши 8-14 лет. Старшие ушли на фронт, не получившие паспорта – к станкам»*. «Прием в школу. У большинства нет документов. Поступающие в 1-ый класс малыши часто приходили без мам» [6, с. 3, 5]. Ряд мер, предпринятых Ленгорсоветом, был направлен на возвращение в школу старшеклассников. В октябре 1942 года ученики 8–10 классов были освобождены от платы за обучение²¹. От руководителей предприятий потребовали освободить от работы детей моложе 14 лет и впредь на работу не принимать. Родители обязывались определить в школу детей до 14 лет. Для работающих подростков старше 14 лет были открыты вечерние школы и 1 заочная школа для работающих в 2-3 смены. К концу 1942 года в школах рабочей молодежи (ШРМ) обучалось более 5 000 человек [25, с. 84].

Условия обучения в городе-фронте оставались тяжелыми. В помещениях было холодно. Питание наладили, но его было недостаточно. Обстрелы города возобновились. Тем не менее, «в первом полугодии школы 47, 62 и 65 Приморского района, 169 школа Смольнинского района, 10 школа Адмиралтейского района, 216 Куйбышевского и ряд других добились хорошей успеваемости и прочных знаний» [24, с. 2].

Учителя и ученики продолжали помогать Красной Армии. «Ленинградская правда» писала об учителях Свердловского района, которые сшили для солдат из обрезков фланели теплые рубашки. За помощь госпиталю школа № 237 получила награду – 2 пары галош. Из воспоминаний Е.М. Максимовой²²: *«Зимой помогали фронту тем, что клеили конверты для солдат, вязали для них носки и варежки, шили кисеты для табака»* [4, с. 3].

30 декабря 1942 года школьниковпустили на каникулы, которые продлились у старшеклассников до 7 января, у младшей школы – до 11 января. К этому времени в городе осталось 27 755 школьников из 637 тыс. жителей. Во время каникул в школах прошли новогодние праздники. А 6 января 1943 года на стадионе «Динамо» состоялся военно-спортивный праздник, в котором участвовали 3000 школьников. Соревновались в беге на лыжах, ползание по-пластунски, перевозке пулемета, доставке раненых на волокушах. Затем

18 Мария Андреевна Федорова – директор школы № 237 Октябрьского района.

19 Елизавета Михайловна Максимова – учитель школы № 370 Московского района.

20 В ходе дальнейшей работы по выявлению и вовлечению детей школу, на 3 декабря 1942 г., было зачислено в 1–4 классы ленинградских школ 20 806 человек.

21 Плата за обучение в 8, 9, 10 классах была введена в октябре 1940 г.

22 Елизавета Михайловна Максимова – учитель школы № 370 Московского района.

солдаты одной из частей Ленинградского фронта показали штурм укрепленной крепости.

18–23 января состоялись районные учительские конференции по итогам 1-го полугодия, на которых решались главные вопросы: как обеспечить вовлечение в школы всех детей школьного возраста, как помочь отстающим, как укрепить дисциплину.

В марте–апреле в Ленинграде была проведена олимпиада детского творчества, в которой приняли участие почти 8 тыс. детей. Заключительный этап состоялся во Дворце пионеров. В жюри входили известные деятели науки и искусства. Из дневника В. Инбер: *«В залах дворца одновременно поют, танцуют, читают, участвуют в оркестре. Комнаты по мере возможности отоплены, прибраны. Устроена выставка рисунков, рукоделий, лепки»* [27, с. 380].

24 марта 1943 года Исполком Ленгорсовета принимает повторное²³ решение о введении всеобщего обязательного семилетнего обучения. Дети в возрасте от 8 до 15 лет, проживающие в Ленинграде, Колпино и Кронштадте, обязаны находиться в школе в установленные учебные дни и не пропускать уроки без уважительных причин [10, с. 10].

Весной школьники готовились к огородным работам и сбору полезных дикорастущих растений, грибов и ягод. Ходили классами на выставку в Ботанический сад, читали брошюры, стояли в длинных очередях за семенами. Огороды для школ Дзержинского района были устроены в Летнем саду на откосах Карпиева пруда и вдоль Лебяжьей канавки. В память об этом Западная аллея сада сохранила название Школьной.

20 мая закончился 1942/1943 учебный год в младших классах. В 7 и 10 классах начались выпускные экзамены. Переводные экзамены (по 7 предметам) с пятого по девятые классы были отменены решением Наркомпроса РСФСР.

Достижения ленинградской школы в условиях блокады вызвали восторженные оценки участников Всероссийского совещания по народному образованию [8, с. 544].

3 июня 1943 года началось вручение медали «За оборону Ленинграда». Среди первых награжденных военных, партийных и советских руководителей и героев труда был секретарь комсомольской организации школы № 239 Октябрьского района Юрий Артюхин и ученица 6 класса школы № 347 Галина Беленкова, возглавлявшая первую в городе гайдаровскую дружину. Всего самой почетной для ленинградцев медалью были награждены 11 тыс. школьников.

В конце июня 1943 года во Дворце пионеров состоялась встреча школьников с бойцами Волховского фронта. Выставка детских творческих работ произвела на гостей особое впечатление [26, с. 439].

Летом 1943 года 6 699 школьников от 12 лет и старше работали в совхозах и пригородных хозяйствах. Отряды, созданные по типу пионерских, комплектовались отдельно из мальчиков и девочек. Учащиеся 9–10-х классов работали наравне с взрослыми, рабочий день учеников 7–8-х классов составлял 7 часов, 4–6-х классов – 6 [13, с. 40]. Из воспоминаний Е.М. Максимовой: *«Совхоз «Светлана». С удовольствием с шутками поливали капустные грядки фекалиями (другого удобрения не было). Получали за это по кружке натурального коровьего молока. В школе давали соевое молоко, но не все желудки его принимали ... Для фронта собирали*

лекарственные травы ... Сажали сырую, порезанную на части картошку, ребята ее ели. Когда началась прополка овощей, их ели без ограничения» [4, с. 3]. В городском соревновании по прополке овощей победили учащиеся школы № 239.

В ходе подготовки к третьему блокадному учебному году ремонтировались здания школ и спортивные площадки, заготавливали дрова, запасались керосиновыми лампами, закупали подержанные учебники. Постепенно восстанавливалась работа методических служб районов и города, домов пионеров. В школьных киосках наладили продажу тетрадей, дневников, карандашей, ручек, перьев. Исполком потребовал организовать внеочередной ремонт одежды и обуви для учителей, обеспечить их дровами, выдать самым нуждающимся учителям и ученикам ордера на покупку обуви, одежды, белья.

Из-за нехватки учителей в ряде школ отдельные предметы не преподавались. По решению правительства учителя, работавшие не по специальности или мобилизованные на производство, стали возвращаться в школы, заработная плата работникам школы была повышена на 50%, был учрежден почетный знак «Отличник народного образования» [23, с. 4–5].

1943/1944 учебный год

Учебный год 1 сентября начался только для младших школьников. Старшие охраняли и собирали урожай в пригородных хозяйствах до 15 октября.

Главной новостью было введение раздельного обучения школьников. В постановлении от 16 июля 1943 года указывалось, что при совместном обучении «не могут быть должным образом приняты во внимание особенности физического развития мальчиков и девочек, подготовки тех и других к труду, практической деятельности, военному делу и не обеспечивается требуемая дисциплина учащихся» [21, с. 177]. В Ленинграде открылись 51 мужская, 51 женская, 11 школ совместного обучения и 3 специальные школы [11, с. 246–247]. Число учащихся составило 36 тысяч.

С первого дня учебы началось изучение только что опубликованных Правил для учащихся. В документе были сформулированы обязанности учеников по отношению к школе и окружающим людям, устанавливались правила поведения как в школе, так и вне ее. Например: «Бесприкословно подчиняться распоряжениям директора школы и учителей», быть «почтительным с директором и учителями», «внимательным и предупредительным к старикам и маленьким детям», «вести себя скромно и прилично». Часть требований к учащимся дошла до наших дней: вставать при входе в класс учителя, директора, при ответе учителю, поднимать руку, вести дневник и т.д. [21, с. 178]. Кроме того, учащиеся с 5 класса и старше получили документ, удостоверяющий личность – ученические билеты, которые следовало «иметь при себе, бережно хранить, не передавать другим, предъявлять по первому требованию директора и учителей» [21, с. 177]. На одной стороне «корочек» содержались сведения о школьнике, на другой – правила для учащихся.

В соответствии с постановлением от 3 октября 1943 г. физически слабые учащиеся, сдавшие в школы свои продовольственные карточки, получали в день 500 г хлеба и 200 г овощей. В месяц им полагалось около 20 кг различных

²³ Впервые решение об обязательном семилетнем образовании было принято 12 марта 1941 г.

продуктов, от круп до овощного повидла и галет из белковых дрожжей [13, с. 39].

В ночь на 1 января 1944 года по радио прозвучал новый гимн СССР. 3 января в залах возобновившего свою работу Дворца пионеров состоялся главный городской новогодний праздник. В гости к детям впервые пришел Дед-мороз (орфография 1943 г.) и принес подарки: красивые пакеты с мандаринами, печеньем, конфетами.

Ленинградцы встретили новый год с верой в скорое освобождение города от фашистской блокады. С особым подъемом проходили уроки русского языка и литературы, географии и истории родной страны, родного города. Создавалась система учебных экскурсий на базе выставки «Героическая оборона Ленинграда» и краеведческих музеев города [23, с. 3–5].

После каникул, в третьей четверти 1943/1944 учебного года «в целях более четкой и точной оценки» была введена цифровая пятибалльная оценка знаний и поведения учащихся, которая пришла на смену словесной – отлично, хорошо, посредственно, плохо и очень плохо [21, с. 179].

Из воспоминаний А.В. Молчанова: *«Последний блокадный учебный год был, конечно, не таким, как два предыдущих. В классах было тепло, и горел электрический свет. Учителя и ученики уже не падали в голодные обмороки, не умирали от голода»* [19, с. 36].

Учителя и ученики ленинградских школ выдержали испытание войной и блокадой. Так оценил их труд писатель и журналист А. Фадеев: «И самый великий подвиг школьников Ленинграда в том, что они учились. Да, они учились, несмотря ни на что, а вместе с ними навеки сохранится в истории обороны города прекрасный мужественный образ ленинградского учителя».

Список использованной литературы и источников

1. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 343 (Воспоминания К.В. Ползиковой-Рубец).
2. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 33 (Ползикова-Рубец К.В. Заведующая учебной частью 239 средней школы г. Ленинграда. Дневник. 31 декабря 1941 г. – 31 декабря 1942 г.).
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1434 (Собрание материалов школьного музея «Ленинградский учитель»). Д. 18 (Бочковская О.Т. Мой жизненный путь. Воспоминания. – 1960-е – 70-е гг.).
4. ОР РНБ. Ф. 1434. Д. 38 (Максимова Е.М. Воспоминания о блокаде. 1941 – 1945. – 1981).
5. ОР РНБ. Ф. 1434. Д. 57 (Островская В.Я. Воспоминания о войне и блокаде Ленинграда с 22 июня 1941 года по 19 апреля 1942 года).
6. ОР РНБ. Ф. 1434. Д. 69 (Федорова М.А. Из воспоминаний директора 237 школы Октябрьского района).
7. Архив ГБОУ СОШ № 183. Воспоминания Г.А. Немчаниновой, ученицы школы 1936-1941 гг. Запись 2015 г.
8. Народное образование / В.Б. Азаров, Т.С. Александрова, А.Р. Дзенискевич и др. // Очерки истории Ленинграда. Т. 5 : Период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. – Л. : Наука, 1967. – С. 538–551.
9. Анисимова К.Я. Школы в дни блокады // Выстояли и победили : воспоминания участников обороны Ленинграда, воинов и тружеников Октябрьского р-на. – СПб., 1993. – С. 45–46.
10. Всеобщее обязательное семилетнее обучение. Решение Исполкома Ленгорсовета от 24 марта 1943 г. // Бюл. Ленингр. гор. совета депутатов трудящихся. – 1943. – № 7/8. – С. 10.
11. Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде, 1941–1944 / [под ред. Г.Л. Соболева]. – СПб. : Нестор-История, 2014. – 428 с.
12. Годовщина Великого Октября // Ленингр. правда. – 1941. – 7 сент. – С. 3.
13. Данилов П.П. И в блокадном Ленинграде дети учились // Отечеств. история. – 2004. – № 3. – С. 35–41.
14. 900 героических дней : сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / сост. и авт. введ.: Х.Х. Камалов, Р.В. Серднук, Ю.С. Токарев. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 424 с.
15. Детская книга войны : дневники, 1941–1945 / ред. совет: Е. Факторович и др. – М. : Детская книга войны : АИФ. Доброе сердце, 2015. – 479 с.
16. Доброворская К.А. Блокадные девочки. – М. : Новое изд-во, 2013. – 125 с.
17. Итоги работы школ в 1943/1944 учебном году. Решение Исполкома Ленгорсовета от 13 июля 1944 года. // Бюл. Ленингр. гор. совета депутатов трудящихся. – 1944. – № 13/14. – С. 35.
18. Месяц учебы в средних школах // Ленингр. правда. – 1941. – 9 дек. – С. 4.
19. Молчанов А.В. Я на войне был школьником блокадным // Дети и блокада : воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. Кн. III серия «Блокада рассекреченная». – СПб., 2000. – С. 29–38.
20. Мухина Е.В. «...Сохрани мою печальную историю...» : блокадный дневник Лены Мухиной / вступ. ст. С.В. Ярова ; подгот. дневника к публ. и коммент.: В.М. Ковальчук и др. – М. : КоЛибри, 2015. – 381 с.
21. Народное образование в СССР : общеобразовательная школа : сборник документов 1917–1973 гг. / сост. А.А. Абакумов и др. – М. : Педагогика, 1974. – 559 с.
22. Начался учебный год // Ленингр. правда. – 1941. – 4 нояб. – С. 3.
23. О подготовке к новому учебному году. Решение Исполкома Ленгорсовета от 19 июля 1943 г. // Бюл. Ленингр. гор. совета депутатов трудящихся. – 1943. – № 15. – С. 4–5.
24. Работа школ в первой половине 1942/1943 года. Решение Исполкома Ленгорсовета от 25 января 1943 г. // Бюл. Ленингр. гор. совета депутатов трудящихся. – 1943. – № 3/4. – С. 2.
25. Селиванов В.Н. Стояли как солдаты : Блокада. Дети. Ленинград. – СПб. : ЭГО, 2002. – 223 с.
26. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1 : Июнь 1941 – май 1942. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2013. – 696 с.
27. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 3 : Январь 1941 – январь 1944. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2017. – 748 с.
28. Сумкин Л.С. Основные этапы и интересные случаи... // Двенадцать книг : о времени и наших судьбах : [сайт]. – 2002. – URL: <http://www.airnat.narod.ru> (дата обращения: 23.11.2019).

29. Тетюева И.П. Война, блокада, ленинградские дети // Дети и блокада : воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. – СПб., 2000. – С. 10–21. – (Серия «Блокада рассекреченная» ; кн. 3).

30. Шаврова Е. Мы учились в Ленинграде (по страницам дневника бывшей школьницы) // Белое пламя седин :

сборник воспоминаний детей блокады немецкого происхождения / отв. ред. В.А. Коробова. – СПб., 2014. – С. 117–133.

31. Школьная художественная самодеятельность // Ленингр. правда. – 1941. – 22 нояб. – С. 7.

1.1 Образовательные учреждения

Школы Красногвардейского района в годы Великой Отечественной войны

Столбова Наталья Павловна,

методист, педагог дополнительного образования ГБУ ДО ДД(Ю)Т «На Ленской»
Красногвардейского района Санкт-Петербурга

Занятия в школах блокадного города начались осенью 1941 г. По решению Исполкома Ленинграда от 20 октября 1941 г. было разрешено заниматься в бомбоубежищах школ и домохозяйств с учащимися 1-4-х классов, а 3 ноября начался новый учебный год для остальных. Всю блокадную зиму работали 39 школ города.

Без перерыва принимала учеников школа № 148 на Панфиловой улице (сейчас – ЦТТ «Охта»). В разное время в годы войны ребята учились в:

- 133-й школе на шоссе Революции;
- 134-й – на Отечественной ул.;
- 149-й – на Челябинской ул.;
- школе на «3 поселке» на Лесопарковой ул.;
- 141-й школе – сначала в бомбоубежище на Гусевой ул., потом на пр. Металлистов в здании бывшей богадельни Елисеевых, которое в начале войны было занято под госпиталь;

• школе № 140, размещавшейся в дореволюционном здании училища им. Петра Великого, в котором в начале войны тоже размещался госпиталь.

Самозабвенно трудились педагоги Охты: Е.В. Связева, З.Н. Кочергина, Л.И. Кавторина, Л.Н. Хлопонина, Е.А. Могилевская, А.И. Иванова, Т.П. Вихрова, Л.С. Цатурова, А.В. Дебоньская и многие другие. В годы блокады умерла Л.И. Нехорошева – основательница женской гимназии на Охте. С февраля по июль 1942 г. за работы по эвакуации отвечала инспектор РОНО Л.Н. Хлопонина.

27 октября 1941 г. состоялось заседание Красногвардейского райисполкома, посвященное учебно-воспитательной работе с детьми школьного возраста. Красногвардейский район в годы войны был значительно больше и, по сути, объединял территории Красногвардейского и Калининского районов. В настоящей статье речь идет в основном о школах, находившихся на территории современного Красногвардейского района.

На заседании райисполкома присутствовали Заведующая РОНО (Районный отдел народного образования) Маркова М.П., директор школы № 143 Вороневский М.С. Было принято решение организовать учебные занятия 7-10 классов в школе № 134 (Отечественная ул., 3) и школе № 143 (Объездное ш., 23), закрепив учащихся остальных школ в них. Директором 134-й школы в то время являлся

Фиросевич Е.В., завучем – Ярыгина Е.М. В 143-й школе – директор Вороневский М.С., завучи – Афанасопуло Н.Н. и Осиновская С.А.

Тогда же приняли решение просить Горисполком освободить помещения школ № 140 (Конторская ул., 6), № 144 (Горюшечная ул., 34), № 145 (Средний пр., 33), занятых к тому времени воинскими частями и госпиталями.

В этом же заседании определили помещения для внеклассной работы с учащимися младших классов. Размещались они в освободившихся квартирах жилых домов и в школах в разных частях района, назывались «детскими комнатами».

Зимой 1941 г. на Пороховых работали детские комнаты по адресам: Ильинская слобода, 26; 4 линия, 51; 2 линия, 32, прикрепленные к 133-й школе; Коммуны ул., 13, кв. 2 – при 138-й школе. На Малой Охте: Пустая ул., 11, кв. 53 – при 135-й школе; Малоохтинский пр., 53 – при 145-й школе.

На Большой Охте «детские комнаты» располагались: Георгиевская ул., 9 – при 140-й школе; Тарасова ул., 21 (в бомбоубежище), Георгиевская, 51 и Георгиевская, 3а, кв. 10 – при 141-й школе; Горюшечная ул., 34 – при 144-й школе; Большеохтинский, 55, кв. 4 и Панфилова ул. 4, кв. 1 – при 148-й школе.

В районе Ржевки: Новый рабочий поселок – при 137-й школе, на ул. Кабаниха и на Морском полигоне – при 149-й школе²⁴.

Ряд школьных помещений в годы войны был передан для военных нужд. На 15 января 1942 г. помещения школы № 133 (ш. Революции, 37а) занимали войска противовоздушной обороны. Воинскими частями и госпиталями были заняты помещения школ: № 134 (Отечественная, 3), № 135 (Весенняя ул., 10), № 137 (3 поселок), № 138 (Конторская ул., 4), № 140 (Конторская ул., 6), № 141 (Георгиевская ул., 54), № 143 (Объездное ш., 23)²⁵.

С 17 сентября 1941 г. в здании 152-й школы на Таллинской, 7 разместился 56 военный эвакуогоспиталь на 400 коек с терапевтическим, хирургическим и инфекционным отделениями. Госпиталь был свернут 7 января 1943 г., больные были переведены в другие учреждения.

29 декабря 1941 г. состоялось заседание Красногвардейского райисполкома об организации для детей новогодней елки. Для учащихся 1-6 классов школ

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 4793. Оп. 3. Д. 28. Л. 60, 61.

²⁵ Там же. Л. 219.

№ 125, 131, 133, 137, 149 елка проводилась в 148-й школе на Панфилова, 31. Здесь же был праздник для учащихся 4-6 классов школ №134, 135, 140, 141, 145, 148, 152²⁶.

На 1 июня 1943 г. в Красногвардейском районе, который включал тогда территорию нынешних Красногвардейского и Калининского районов, работали четыре неполных средних школы, в которых было начальных (1-4) классов – 38, детей – 1003; 5-7 классов – 12, детей – 189.

Средних школ было две, в которых начальных классов (1-4) – 18, детей в них – 626; 5-7 классов – 6, детей в них – 120; 8-10 классов – 2, детей в них – 20.

Работала одна начальная школа, в которой в четырех классах обучался 61 ребенок. В районе работали две школы для взрослых с 11-ю классами и 182 учащимися. Филиал школы был при заводе, в нем в трех классах учились 44 человека. Действовала одна школа для малограмотных, в которой было 18 групп и 327 учащихся. Работал один детский дом с 92-мя воспитанниками.

Детских садов Наркомпроса работало 12, групп в них было 33, мест – 950, детей – 934. Круглосуточно оставались в них 256 детей. Детских садов по организациям – 15, в них групп – 38, детей – 1095, круглосуточно оставались 458 детей. В Красногвардейском районе действовали две детских библиотеки с фондом 84700 единиц хранения, активных читателей в них было 250²⁷.

Очень важные архивные сведения, дающие представление о системе образования района в годы войны, не содержат подробностей о блокадной школьной жизни, которые есть в дневниках и воспоминаниях.

Пять семиклассниц блокадной Охты под руководством учительницы 141-й школы Евгении Васильевны Связевой написали рассказ о первом блокадном учебном годе в форме дневника. Занятия начались 3 ноября 1941 г., когда старшеклассников собрали в здании на Большой Пороховской (бывший Дом пионеров). К учебе приступили 8 седьмых классов, 4 восьмых, 3 девятых, 3 десятых: в каждом классе по 40 – 50 учащихся. Учились ребята в школе № 148 на ул. Панфилова.

Перелистаем страницы блокадного дневника. Начало ноября 1941 г.: «...Бомбежки срывают уроки. Первые дни я очень боялась налетов, но теперь привыкла и даже дома, в жакте, состою в группе самозащиты. В классе не успеваем проходить намеченное за день, но и дома мало времени остается для занятий: тревога и я на посту...».

Конец ноября: «...Класс с каждым днем становится все меньше. Многие оставляют школу. Причина – голод... На каждом шагу слышишь о смерти. Мы теряем своих близких, друзей и знакомых...».

Декабрь: «...В школе невыносимо холодно, здание не отапливается. Занятия продолжаются, но работаем в пальто и рукавицах. Сегодня было только два урока: больше мы не в силах выдержать этот адский холод...».

22 января 1942 г.: «...Из семи седьмых классов осталось только два, да и те неполные. Объединяемся в один для занятий, так как не во всех помещениях поставлены печурки и нет учителей по многим предметам. Очень холодно».

Июнь 1942 г.: «...Закипела работа на огородах. На каждом участке, даже там, где никогда ничего не росло, люди

стараятся вырастить овощи. Все учащиеся нашего класса имеют свои огороды...».

Последняя запись: «В работе над дневником принимали участие Кудряшова Люся, Прохорова Вера, Милентьева Шура, Семенова Сима, Фулеринова Тося, ученики 7-а класса под руководством учительницы Е. Связевой».

Девочки, писавшие дневник, сдавали экзамены на аттестат зрелости в мае 1945 г. Это был единственный в районе выпускной 10-й класс. В 1942 году на Большой Охте 10-й класс заканчивали 15 человек.

Возобновились занятия в помещениях 141-й школы осенью 1943 г. Школа к этому времени стала мужской (девочки учились в 140-й школе). В 1943 г. начальные классы размещались в особняке П.И. Иванова на Б. Пороховской улице. Сведения о работе школ во время войны на Большой Охте собраны основательницей музея школы № 141 (бывшей гимназии Л.И. Нехорошевой) Н.П. Васильевой.

По воспоминаниям учителя школы № 140 Доры Ефимовны Богуславской 21 июня 1941 года учителя ушли в летний отпуск, но 23 июня вернулись в школу. По приказу директора были организованы дежурства по школе, на крыше, чердаке, дворе. Необходимо было упаковать оборудование кабинетов естествознания, химии, физики и перенести его в подвал, так как школу отдали под госпиталь.

Д.Е. Богуславская сопровождала группу детей 5-7 и 2 классов в составе 50 человек в эвакуацию на станцию Кабожа Хвойненского района Новгородской области. Через пять недель дети были возвращены в Ленинград, после чего учителей отправили рыть окопы на Карельский перешеек. После небольшой передышки педагоги отправились на строительство оборонительных сооружений на станции Славянка. С 1 апреля 1942 года Д.Е. Богуславская работала воспитателем в детском доме на Охте, помогая детям, потерявшим родителей.

Осенью 1943 г. школа 140 начала работу в своем помещении. Выпускница 1946 г. школы № 140 Нина Стотик (Н.П. Смирнова) в 1998 г. писала: «После окончания 7-го класса в 146 школе (Мечников пр.), где во время войны была только семилетка, нас перевели в 140 школу (Конторская, 6). Это было осенью 1943 года... Блестящие уроки по истории Анастасии Ивановны Ивановой запомнились на всю жизнь. Очень глубокие и четкие были уроки по русскому языку и литературе Евгении Васильевны Связевой. Как тут не сказать об интересных уроках по физике! Их вела Татьяна Петровна Вихрова...».

15 июля 1943 г. было опубликовано постановление СНК Союза ССР «Об обучении подростков, работающих на предприятиях». Воспоминания о школе рабочей молодежи при Охтинском химкомбинате оставила Н.Н. Коновалова: «Занимались мы 4 раза в неделю... Не у всех подростков были силы сидеть и слушать учителя, но вот присутствовать на занятиях мы были обязаны все, потому что часть учебного времени входила в наш рабочий день... Когда закончилась вторая четверть, наступил, наконец, в нашей жизни великий день – день снятия блокады 27 января 1944 года!...».

И архивные материалы, и воспоминания ценны для нас: в них звучит «голос эпохи». Они позволяют достоверно представить жизнь блокадной школы в те трагические годы каждодневного подвига!

26 Там же. Л. 245, 246.

27 Там же. Д. 77. Л. 7, 7 об.

О работе школ Выборгского района Ленинграда в дни блокады 1943–1944 гг.

Лукьянова Ольга Юрьевна,

заведующий Музеем Ученика ГБОУ средняя школа № 534

с углублённым изучением английского языка имени Героя России Тимура Сиразетдинова
Выборгского района Санкт-Петербурга

В ЦГА СПб в фонде 7405 сохранились документы о школах Выборгского района преимущественно за 1943–1944 годы. По этим данным на 1943–1944 учебный год в районе работали уже 12 школ с 2910 учащимися (в 1941–1942 гг.: 5–6 школ (№№ 98, 105, 110, 114, 122, с перерывами 123).

Школы подразделялись на мужские неполные средние: №№ 93, 94, 97, 98, 117; женские неполные средние: №№ 103, 110, 112, 114, 116. Была одна полная средняя 105, проработавшая всю блокаду и одна школа начальная смешанная – 101. В соответствии с количеством школ весь район разбит на 12 микрорайонов. Школы расположены на небольшом расстоянии друг от друга (с наибольшим радиусом обслуживания – 1,5–2 км – Дорога в Гражданку).

Летом 1943 года, согласно переписке с ЛенГорОНО по вопросам организации и проведения учёбы в школах РОНО, из трёх школ (№№ 93, 97, 117) необходимо было вывести расположенные в них воинские части.

Во всех школах к началу учебного года силами работников школ, шефствующих заводов и подрядных организаций, был произведён ремонт кровли, водопровода и канализации, установлены печи, сделан косметический ремонт. Отмечается, что ряд школ (№№ 97, 105, 114) по качеству выполнения работ достиг довоенного уровня. Важным вопросом по подготовке к новому учебному году была обеспеченность школ дровами или торфом. В результате к 10 октября 1943 года было завезено 80% годовой потребности.

В отчёте сказано, что все школы имеют методические кабинеты (кроме школы № 112). В школах №№ 93, 97, 105, 110, 116 кабинеты естествознания, физики и химии были хорошо оборудованы. «В этих кабинетах можно проводить демонстрационные и лабораторные работы». Во всех школах имелись киоски, через которые учащиеся «своевременно были снабжены тетрадями, канц. принадлежностями и учебниками».

В Ленинграде важнейшим делом в 1943 году по-прежнему оставалась организация работы столовой, отмечалось, что для детей военнослужащих – 210 чел. – организовано бесплатное питание, на школьном усиленном детском питании находятся 1680 человек. Родители принимали участие в работе школьных столовых. Были семьи, которые отказывались от 3-х разового питания, указывались причины: дорогая плата за рацион, обеспечение родителей огородами, дальность хождения на ужин.

Райсовет, РОНО и школы уделяли «большое внимание улучшению материально-бытовых нужд учителя». Большинство учителей имели полную нагрузку (исключение – учителя химии, рисования и черчения). В каждой школе была учительская, в большинстве учреждений оборудовали комнаты на случай задержки на работе, работали столовые. В 3 школы (№№ 101, 105, 116) летом завезли торф. Однако, об истинных проблемах учителей можно судить из рекомендаций по итогам отчёта: «организовать для учителей

города промтоварный магазин, сконцентрировав там одежду и обувь для работников школы, удовлетворяющую условиям школы, и «организовать городской санаторий для учителей, пропустив через него остро нуждающихся по состоянию здоровья (в каникулы)».

Школы были полностью укомплектованы учителями, но в тех же рекомендациях отмечалось, что необходимо «отозвать всех учителей, работающих в других системах, на работу по специальности». Учителя, нуждающиеся в повышении своей деловой квалификации, были направлены на курсы. Учителя-мастера взяли шефство над молодыми учителями. Особо отмечалась обеспеченность школ военными руководителями. «В школах №№ 112, 117 преподаватели военной гимнастики только что окончили краткосрочные курсы. А потому нуждаются в большом внимании руководства школ».

Раздельному обучению, на которое школы перешли в 1943 году, по документам уделялось особое внимание, начиная с кадров. «На 5 мужских школ приходится 2 директора – мужчины. Основной состав руководящих работников – опытные, имеющие большой стаж административной работы, зарекомендовавшие себя хорошими организаторами учебно-воспитательной работы в школе». Вместе с тем, для руководства стало неожиданностью, что часть директоров и учителей не хотели идти на работу в мужские школы.

На собраниях в домохозяйствах, фабриках и заводах были проведены беседы о раздельном обучении. С первых дней сентября проводился строгий контроль за посещаемостью. В мужских школах количество учащихся, не посещающих школу, было выше, чем в женских. К учащимся, пропускающим занятия по неуважительным причинам, применялись взыскания (внушения, вызов родителей, в том числе и в РОНО, оставление после уроков для выполнения домашнего задания, вызов на педсовет).

С начала учебного года школы работали по твёрдому расписанию, были составлены и утверждены полугодовые планы работы школы, учебные и воспитательные планы учителей. Инспекторы РОНО регулярно проверяли работу учителей. В отчётах отмечалось, что коллективы школ работали над методическими темами, например, в 105 школе – «Развитие устной и письменной речи», в 103 – «Самостоятельная работа учащихся», в 117 – «Воспитание патриота – борца за свою Родину». За первый месяц отставаний в прохождении программы не было, а методические кабинеты обеспечивали учителям наглядность преподавания на уроке. Ряд посещённых уроков показал образцы организации урока, ведения ученических тетрадей, повышенную требовательность к себе и учащимся. Названы имена лучших учителей. Не замалчивались и недостатки: «имеют место случаи плохого планирования уроков, больших отвлечений от темы уроков, слабой его организации, слабого контроля над знаниями учащихся».

Но вернёмся к раздельному обучению. «Итоги первого месяца работы школ показали, что раздельное обучение

сказалось благоприятно на состоянии дисциплины в школах. Состояние дисциплины в целом удовлетворительное. Справились с этим все женские школы в районе. Лучшие: №№ 105, 110, 112, 114, 116. В них изжиты пропуски по неуважительным причинам, добросовестно выполняют домашние задания, исполняют правила для учащихся». «Мальчики при раздельном обучении ведут себя спокойнее и естественнее: поют, играют на переменах, подметают и моют полы, обслуживают столовые, не считая для себя это позором. На уроках изжита переписка, уменьшились разговоры, значительно повысилась дисциплина на уроках пения, рисования, военной гимнастики в школах №№ 97, 98».

Но эта идеальная картина, конечно, уравнивается следующими замечаниями. «Слабым местом является дисциплина учащихся на улице». «Отдельные учителя мужских школ недостаточно учитывают психологические особенности мальчиков (медленный темп работы, недостаточное внимание самостоятельным видам работ, недостаточная требовательность на уроках, излишнее сюсюканье)». «Хуже дело обстоит с дисциплиной во вновь образованных мужских школах №№ 93, 117. Там, где коллективы учащихся соединяются из нескольких школ. Здесь есть прогулы, уходы с урока. Администрация и педагогические коллективы недостаточно применяют соответствующие меры воздействия, способствующие искоренению данного явления. Недостаточно работают над внешним видом учащихся: костюмы отдельных

учащихся без пуговиц, неопрятны, ботинки грязные, головы не подстрижены, руки грязные». «Известные трудности в работе учителя представляют дети-переростки, не учившиеся в школе в течение 1-2 лет».

Как же коллеги пытались решить эти проблемы? Работой кружков, организацией массовых мероприятий, экскурсий, прогулок, трудовой работы. Заполнение продлённого дня чтением художественной литературы, беседой, политинформацией, подготовкой домашнего задания. Привлечением школьников к общественно-полезному труду (подготовка школ к зиме, уборка помещений, заготовка дров, озеленение района, сбор металлолома, изготовление подарков для госпиталя, штопке и починке белья шефствующей воинской части...).

Среди потребностей, в которых нуждается школьное образование, перечислены следующие: ввести, хотя бы частично, форму для учащихся, организовать патрулирование улиц и работу детских комнат при отделении милиции, организовать по одной мужской и женской школе для переростков, организовать обучение детей-инвалидов.

Выводы: несмотря на продолжение войны и блокады, 1943–1944 учебный год стал временем перехода к нормальной школьной жизни. Деятельность коллег вызывает чувства гордости и уважения. К сожалению, формат данной статьи не позволил рассказать хотя бы о некоторых из них.

Школы Володарского района Ленинграда в годы блокады. По страницам истории...

Лончинский Алексей Николаевич,

методист, заведующий музеем ГБУ ДО «Правобережный дом детского творчества»
Невского района Санкт-Петербурга

Военные будни для педагогов школ Володарского района начались с общих собраний трудовых коллективов, которые, по воспоминаниям ветеранов, начинались с 9 часов утра понедельника, 23 июня 1941 года.

Администрации школ ещё не имели чёткого плана работы в новых условиях, поэтому повестки дня этих собраний, в основном, носили общий характер. Выступающие говорили о патриотизме, о победе над врагом, о трудовых подвигах ради скорой победы!..

Началась активная мобилизация. Большинство педагогов-мужчин, годных к призыву в действующую армию, ушли на фронт в первые дни войны. Директора школ изменяли свои штатные расписания согласно новым реалиям... Мужчин заменяли женщины, там, где было это возможно, но в большинстве школ возникли вакансии, которые ещё предстояло восполнить к сентябрю 1941 года. Никто не мог подумать о том, что город очень скоро окажется в угрожающем положении, затем в полной блокаде и что новый учебный год не начнётся вовремя!

К концу недели РОНО Володарского района, уже имело представление о действиях в военный период, и приступило к выполнению планов городского руководства.

Уже 27 июня, по распоряжению суженного заседания Исполкома Ленгорсовета «О передаче 15 школьных зданий под госпитали», началась подготовка к консервации имущества школ, подлежащих передаче в ведение военных медиков. В нашем районе это были самые новые школы: на Большой Щемиловке, 2 и на набережной Правого берега

реки Невы, 96. По воспоминаниям педагогов-ветеранов и школьников того времени, сохранившихся до наших дней в архивах некоторых школьных музеев, «консервация» проходила следующим образом: всё ценное школьное имущество, различные пособия и библиотека собирались в одном из классов, пересчитывалось и описывалось «по акту» в присутствии представителей РОНО и военных. Затем помещение опечатывалось и сдавалось будущему госпиталю «на ответственное хранение». Парты и прочая мебель, которая не требовалась в оборудовании госпиталя, складировалась в подвале или в каком-либо другом помещении школы. Стоит отметить, что школьное имущество бережно сохранялось и впоследствии успешно возвращалось к использованию в возрождённом образовательном процессе.

Тогда же было издано и другое распоряжение Ленгорисполкома «О привлечении граждан к трудовой повинности...», согласно которому работоспособное население города с 16 лет, привлекалось к «оборонным работам», в том числе к строительству оборонительных рубежей вокруг и внутри Ленинграда. В начале июля школьники старших классов и педагоги Володарского района выехали в сторону Луги, где приняли участие в создании знаменитого «рубежа», позволившего задержать быстрое наступление врага. Часть старшеклассников была привлечена к созданию линии обороны города «Ижора», строившейся на его окраинах (за Московской заставой, в Купчине – Обухове – Рыбацком).

Ребята помладше принимали участие в создании «пожарных постов» во всех школах и домохозяйствах

района. В их задачи входило обеспечение песком и водой противопожарных ёмкостей на чердаках домов и школ.

Пионеры Володарского района первыми в городе освоили навыки нанесения на деревянные поверхности чердаков антипожарной пропитки, придуманной ленинградскими химиками назло фашистам! Её делали из разведённого водой до кашеобразного состояния суперфосфата – удобрения, которое производилось на «Невском химкомбинате». Примеру володарцев последовали ребята из других районов Ленинграда. Этот нехитрый раствор спас от огня тысячи ленинградских домов...

На момент начала Великой Отечественной войны в Володарском районе работало 27 школ. К началу блокады более десяти из них были переданы в ведение военных, в них были размещены различные военные части (прежде всего, МПВО и НКВД), а с октября 1941 года в школах начали размещать военные госпитали различного профиля.

Размещение воинских подразделений внутренних войск было связано с прифронтовым положением района, возникшим в сентябре 1941 года. Одна из таких «особых» частей расположилась в здании школы на Куракиной даче (ныне школа № 328). На основании некоторых официальных документов и воспоминаний свидетелей тех событий, можно сказать, что здесь располагался так называемый «фильтрационный пункт». Он работал с населением, прибывающим из занимаемых немцами районов области, а также из занятых врагом пригородных населённых пунктов. Здесь производили проверку документов у всех прибывших в город, выявляя и задерживая дезертиров и диверсантов, старавшихся проникнуть в него под видом беженцев... Этот «пункт» просуществовал до ноября 1941 года, позже его сменил военный госпиталь.

Части МПВО были расквартированы в зданиях школ, находящихся рядом с важными стратегическими объектами города, безопасность которых обеспечивалась артиллерией (у Володарского моста – в школе № 344 на Прямом проспекте, у ГЭС № 5 «Красный Октябрь» – в школе № 338 на набережной Правого берега реки Невы), а также в школах № 341, 349)...

После решения городских властей от 26 октября 1941 года «О начале нового учебного года...» в районе, как и во всём городе, была проведена большая работа по учёту школьников, оставшихся в Ленинграде. 3 ноября 1941 года свои двери открыли школы № 329, 331, 333, 338, 339, 340, 342, 344, 347. В зданиях школ начали обучение ребята 7-10 классов, а дети 1-6 классов были переведены на обучение в помещения меньшей площади, которые были обеспечены печками. Для этих целей приспособлялись «красные уголки» домохозяйств, учительские квартиры в самих школах или бомбоубежища. Из-за сокращения количества учеников в районе объединялись несколько школ. Это позволяло сократить расходование дров на отопление помещений и оптимизировать процесс обучения. Так, например, были объединены школы № 331 и 344, находящиеся в одном квартале, причём базой для них стало здание школы № 331 на Кладбищенской улице, откуда выехал в другое место один из первых военных госпиталей, открытых на территории района. Здание 344 школы осталось за подразделениями МПВО.

К большому сожалению, не все из открывшихся школ смогли продолжить свою работу в период самой суровой блокадной зимы 1941–1942 года. В июне 1942 года по

итогам учебного года произвели перевод учащихся в следующий класс, а также сделали полноценный выпуск только пять районных школ: № 329, 331, 333, 334 и 338. Именно эти школы могут по праву носить гордое звание «блокадных».

С весны 1942 года школьники Володарского района продолжили активное участие в жизни города. Они вместе со всеми несли трудовую повинность по очистке улиц после зимы, строительству внутренних рубежей обороны, заготовке дров и работе на огородах, разбитых при школах и домохозяйствах. Школьники района внесли огромный вклад в обеспечение продовольствием горожан в 1942–1943 годах. Именно их заботливыми руками на Володарской станции юных натуралистов (Агробазе Володарского РОНО в парке Куракина дача) было выращено большое количество капустной рассады, которую получил каждый ленинградец для посадки на своём участке земли. Знаменитые кочаны капусты, растущие в сквере у Исаакиевского собора, чьи изображения вошли во все блокадные фоторепортажи, тоже были выращены из той самой юннатской рассады!

Летом, по решению городских властей, большое количество школьников района отправилось в пригородные совхозы на правом берегу реки Невы. Там они занимались посадкой, затем прополкой и уборкой овощей, заготовкой сена. По итогам работы многие ребята были отмечены почётными грамотами и премиями. Общий труд взрослых и детей позволил городу успешно пережить вторую блокадную зиму.

Несмотря на военное время в районе активно действовали пионерская и комсомольская организации. Под их руководством возродилась «шефская работа» районных предприятий над школами. Например, 347 школа стала подшефной заводу «Большевик», 341-я – Писчебумажной фабрике имени Володарского, а 338-я – 5-й ГЭС «Красный Октябрь»... Шефы помогали школам чем могли: восстанавливали окна, выбитые при обстрелах, трубы, замёрзшие зимой и многим другим... Интересно, что зародившееся в те суровые годы сотрудничество сохранялось вплоть до распада СССР в начале 1990-х годов! Шефские связи возникли также и с воинскими частями, находившимися в нашем районе.

Отдельной большой страницей военной истории школ Володарского района может стать глава, посвящённая военным госпиталям, размещавшимся в школах на протяжении всех четырёх военных лет. Как уже было сказано выше, первый госпиталь был открыт в нашем районе в конце июня 1941 года. По мере приближения линии фронта к городу, Лечебно-санитарное управление Ленинградского фронта начало активное развёртывание госпитальной системы, обеспечивающей полноценное лечение всех типов ранений и болезней. Поскольку Володарский район с сентября 1941 года стал фактически прифронтовым, то на его территории были сосредоточены несколько типов медицинских учреждений. Первым звеном госпитальной помощи стали МСБ (медицинские санитарные батальоны) при воинских подразделениях, базировавшихся в районе. Функция этих батальонов была непосредственная эвакуация раненых с поля боя. После завершения боестолкновения, персонал медсанбатов имел возможность для отдыха в расположении своих частей. Предположительно подобный пункт отдыха располагался в здании 332 школы на Троицком поле.

Другим типом полевых медучреждений были ЭП (эвакуационные приёмники при Главном полевом эвакуационном пункте Ленфронта). Функцией этих пунктов была непосредственная

приёмка раненых с поля боя и дальнейшее их распределение по системе госпиталей города исходя из типа и степени ранения. Такие приёмники были организованы сначала в селе Усть-Ижора, затем в селе Рыбацкое Служского района Ленинградской области. С декабря 1941 года они открываются уже на территории Володарского района г. Ленинграда, в зданиях школ: № 337 (в Мурзинке) и № 341 (на набережной Правого берега р. Невы).

Параллельно развёртывается сеть ППГ (подвижных полевых госпиталей), которые самостоятельно выезжали за ранеными на места боёв и стационарных ЭГ (эвакуационных госпиталей) с различной специализацией. Госпитали создавали единую лечебную цепь, по которой раненые доставлялись в осаждённый город в кратчайшие сроки, что сохраняло им жизнь.

Школьники района принимали посильное участие в работе всех госпиталей, находившихся на его территории. Санитарками в них часто работали старшеклассницы, прошедшие школьный курс санподготовки.

Школы Володарского района, в которых в годы войны работали военные госпитали: 327, 328, 331, 332, 337, 341, 343, 345, 347.

Самым большим госпитальным центром района была знаменитая 120-я школа имени КИМа (с 1941 года – школа № 343) на улице Ткачей. В этом огромном школьном здании, памятнике советского конструктивизма, располагалось пять госпиталей с различной специализацией, в том числе знаменитый «1000-й госпиталь», чей коечный фонд равнялся тысяче мест. Таких медцентров в городе было всего три!

О военных страницах истории школ Невской заставы можно говорить бесконечно... Все её грани достойны освящения!

Те суровые годы всё далее уходят от нас, но есть в этом своя изюминка! Истекают сроки хранения «секретов» тех далёких лет и всё больше и больше документов выходят в широкий доступ в городских архивах, открывая новые аспекты в истории нашего города. Они позволяют нам складывать недостающие звенья во многие головоломки истории, оставшиеся нам с тех пор, дополняя воспоминания современников сухой фактологией документов эпохи!

Блокадные страницы в истории 206-й школы Ленинграда

Пасынкова Светлана Владимировна,

заведующий Музеем истории школы, учитель ГБОУ СОШ № 206

Центрального района Санкт-Петербурга

1 сентября 1941 года занятия в школе так и не начались. Ребята стали учиться только в конце октября. Школа № 206 была одной из 39 школ Ленинграда, в которой обучение детей не прекращалось на протяжении всей блокады города фашистскими войсками.

В сентябре 1941 года в школе был развернут мобилизационный пункт. В ее стенах шло формирование батальонов Народного ополчения из коммунистов и комсомольцев. Прямо на сцене актового зала добровольцам вручались удостоверения бойца народного ополчения. Затем построение во дворе школы, и оттуда прямо на фронт. Вместе со своими учениками со двора школы № 206 ушел ее директор Владимир Памфилович Памфилов. Был батальонным комиссаром. В том же 1941 году он погиб под Кингисеппом. Из пяти выпускных классов нашей школы в 41-м году юноши ушли добровольцами на фронт. Большинство погибло на Синявинских болотах, под Гатчиной, в Невской Дубровке.

С октября месяца занятия в школе проводились для младших учеников в подвалах, а для старших в кабинетах каменного коридора. Из учеников и учителей была создана группа самозащиты (пожарная бригада). Руководила этой группой учительница математики Н.Н. Мошкина. Ребята и учителя дежурили по два человека на крыше здания в астрономической вышке, возведенной еще до революции для проведения уроков по космографии. С отвагой и самоотверженностью школьники и учителя боролись с зажигательными бомбами, сбрасывая их с крыши или засыпая песком, топили в бочках с водой. Школьная группа самозащиты сыграла огромную роль в спасении здания, школа не загорелась ни разу. Выписка из журнала дежурного по Куйбышевскому РОНО свидетельствует о количестве бомб, сброшенных на школу немецкой авиацией за сентябрь-октябрь 1941 года. Всего осенью 1941 г. на школу было сброшено 52

зажигательные бомбы, и все они были потушены силами учеников и учителей.

Это было важно и потому, что в школе был создан детский приемник-распределитель, который разместился на первом этаже здания в надежном каменном коридоре здания. Здесь можно было ощутить безопасность не только по причине толстых стен и мощных потолков, но еще из него можно было спуститься в подвал-бомбоубежище. За 11 месяцев работы через него прошли 3000 детей, и всех их удалось поставить на ноги. Детей находили в подвалах, на улицах, в разрушенных квартирах и привозили на Фонтанку, 62 в школу № 206, где лечили, кормили и опраивали на большую землю.

В нашем музее хранится небольшой искореженный кусочек металла – это осколок от немецкого снаряда, который пробил угол левого флигеля здания в 1942 году и разорвался во дворе. Его сохранила ученица 7-го класса в 42 году Зоара Штерн. По ее рассказу, во время обстрела все ученики побежали в бомбоубежище, она отстала и видела разорвавшийся снаряд. Сама не зная почему, схватила маленький осколок и зажала в руке. Так и хранила его всю жизнь. Сейчас это экспонат нашего музея, как и ее удостоверение к медали «За оборону Ленинграда».

Бесценные воспоминания о блокадной школе оставили выпускники, которые жили в то время в городе и видели все своими глазами.

Наш выпускник 1944 года известный ленинградский поэт Игорь Борисович Западалов всю блокаду провел в стенах родной школы. В 1941 году он перешел в 8 класс. В 1941–1942 годах Игорь Западалов прошел боевую подготовку и сдал экзамены на командира отделения группы самозащиты. В своих воспоминаниях Игорь Борисович рассказывает о деятельности своей группы самозащиты, состоявшей из учеников 206-й школы. Они копали окопы,

строили заграждения, дежурили на крыше школы и других домов, собирали пустые бутылки для изготовления «стеклянных» гранат с горючей смесью, производство которых было налажено в Ленинградском университете и педагогическом институте имени Герцена. По воспоминаниям поэта они дежурили в страшные ночи, когда горели знаменитые Бадаевские склады, Апраксин двор. Игорь Борисович писал, что только в начале блокады они прятались в бомбоубежище. А потом при любом обстреле и бомбежке ребята носились по крышам домов, были на чердаках, а по улицам ходили в самую беспокойную тревогу. В 1942 г. Игорь Западалов был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Из мемуаров поэта Игоря Западалова:

«Мне 15-летнему подростку довелось возглавлять группу самозащиты. В мое отделение противовоздушной обороны входили мои одноклассники. Мы рыли окопы, строили баррикады, носили песок на чердаки, дежурили на крышах домов».

С первого дня блокады ученик 8-го класса 206 школы Игорь Западалов стал вести своего рода стихотворный дневник. За годы блокады накопилось восемь толстых тетрадей. После войны вышел поэтический сборник «Дом окнами в блокаду», где поэт рассказывает о блокаде города, школе, одноклассниках, учителях.

Блокаду города пережил наш выпускник 1945 года известный петербургский художник Дмитрий Петрович Бучкин. Когда началась война, он учился в 6-м классе 206-й школы. В своих книгах и статьях оставил бесценные воспоминания о блокадном городе. По его воспоминаниям, жителям города самим приходилось спасать свои дома от зажигательных бомб. Дима Бучкин входил в состав группы самозащиты школы. «А кто на крыше во время тревоги? Мальчишки и девчонки. И никто нас туда не гнал, мы все были в одной команде противовоздушной обороны», - писал он. По словам художника, в начале блокады войны в городе еще не ощущалось. Никто не верил, что немцы будут бомбить город. Тогда в городе пели песню «Любимый город может спать спокойно...», верили, что сталинские соколы не допустят немцев близко. Но вдруг среди бела дня немецкие самолеты над городом – первые бомбы упали на Колокольную улицу, прямое попадание в трамвай. И ровно в 7 часов утра начало бомбежки, и так каждый день.

Недалеко от дома, где жили Бучкины, было бомбоубежище. Художник рассказывает, что однажды при бомбежке они в убежище не пошли. Его отец сказал, что лучше погибнуть дома, чем в подвале под обломками. Бомбежка ночью была жуткая и бомба прямым попаданием угодила в дом, где было бомбоубежище. Все люди были погребены заживо, потому что разгрести обломки ни у кого не было сил.

Дима с отцом и матерью ходил на рытье окопов на окраину города. Однажды, когда рыли окопы, увидели в небе немецкий самолет, и все поле покрылось листовками: «Милые дамочки не копайте ямочки, все равно по этим ямочкам пройдут наши таночки». Так, фашисты были уверены, что захватят город.

«Мне вспоминается блокада, как одна сплошная черная ночь», - вспоминал художник. «С наступлением морозов исчезло отопление, замерз водопровод. Приходилось добывать воду, выкупать хлеб, нормы которого все уменьшались. Самое ценное в жизни перестало быть ценным. Ценилось лишь то, что можно было положить в рот, хлеб заслонил все», - писал он в своей книге «Картины и воспоминания». Дима

Бучкин иногда делал зарисовки того, что видел на улицах блокадного города. Блокадные мотивы юный художник отразил в своих графических рисунках, которые сохранены по сей день и опубликованы. Надписи под их сюжетами создают яркий «образ» трагедии города на Неве.

Это было невероятно, но в 1942 году в нашей 206-й школе состоялся выпуск 10-го класса. Аттестаты получили 15 человек. В условиях самого страшного года фашистской блокады состоялись выпускные экзамены и вручение аттестатов. Среди этих 15-ти выпускников был Станислав Мацко. После войны прислал в школу свои воспоминания: «Когда началась война, мне было 16 лет. Я только что закончил учебу в 9 «б» классе нашей 206-й школы. В конце июня 1941 г. я был назначен членом штаба жилого квартала в центре города. Участвовал в оборудовании чердаков жилых домов на случай пожара от попадания зажигательных бомб. Помогал милиции в поимке вражеских лазутчиков-ракетчиков, участвовал в строительстве оборонных сооружений, проверял маскировку окон жилых домов нашего микрорайона. В ноябре 1942 года возобновились занятия в нашей школе, и я вернулся туда для продолжения учебы в 10-м классе. Это был единый класс вместо 5-х предвоенных. Нас было 15 человек. Аттестат зрелости я получил в июне 1942 года».

В 1948 году выпускником нашей школы был известный историк, профессор МГУ Аполлон Борисович Давидсон. Из блокадного города был эвакуирован по «Дороге жизни» после гибели всех родных в конце 1942 года. Историк писал, что в блокаду интеллигенция оказалась самой неприспособленной. То, что она умела, не помогало выжить, а то, что помогало, она не умела. Не умела делать печи буржуйки, а наоборот платила за них. Платили из своего голодного пайка даже те, кто был уже обречен. И деваться было некуда – морозы стояли за минус 30. Не умели делать гробы. А это, как и буржуйки, было доходным делом. Легче было выжить продавцам магазинов, работникам тех немногих столовых, которые еще сохранились для привилегированной публики. Но для основной массы населения Ленинграда период блокады 1941–1942 года – это однообразные дни без воды, без света, без тепла с систематическими бомбежками и артобстрелами. Главное – без еды. В своих мемуарах Аполлон Борисович писал, что уже с сентября начались бесконечные бомбежки и артобстрелы и первой жертвой блокады в их квартире стал любимый кот, который не смог есть хлеб из суррогатов, который ели они.

Из мемуаров Давидсона А.Б.:

«В начале ноября немцы обрушили на город бомбовый шквал. Встречи между родственниками и друзьями прекратились. Не было сил. Раньше люди пригибались при свисте снарядов. Теперь уже нет. Не потому, что стали храбрее, просто не хватало сил. Уже в пятый раз снизили нормы хлеба. По карточкам вместо положенных жиров, сахара – немного яичного порошка, кусочек американского кокосового масла. Кто умел – как-то доставал дуранду, так в Ленинграде называли жмых. Ни мы, ни наши близкие этого не умели. В какой-то мере нас выручило, что мама запаслась чечевицей. В одной из листовок, которые немцы бросали на город, были слова: «Чечевицу съедите – город сдадите. Долгое время после войны мне казалось – нет ничего вкуснее чечевицы».

Один за другим умирали мои родственники. Никто не знал, когда наступит его черед».

Блокадная страница 206-й школы в ее богатой истории особо хранима в нашем школьном музее. Она представлена подлинными документами наших выпускников

военной поры, их литературными произведениями, мемуарами, живописью, вещами и предметами о блокаде Ленинграда.

Гимназия № 209 в годы Великой Отечественной войны (эвакуационный госпиталь № 2015)

Захарова Анастасия Александровна,

заведующий музеем, педагог дополнительного образования ГБОУ гимназии № 209
«Павловская гимназия» Центрального района Санкт-Петербурга

Николаев Константин Адамович,
создатель музея истории гимназии

Великая Отечественная война 1941–1945 годов явилась тяжёлым испытанием для страны и всего народа СССР.

Огромны были санитарные потери, не дающие отдыха медикам, которые создали целую систему спасения раненых и больных красноармейцев и командиров, от санинструктора и фельдшера роты до армейских и фронтовых госпиталей. В этой сложной системе свою нишу занимал и эвакуационный госпиталь № 2015, располагавшийся в стенах бывшего Павловского института, ныне гимназии № 209 «Павловская гимназия».

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года, а уже 23 июня последовало распоряжение о развёртывании, согласно мобилизационному плану, хирургического эвакогоспиталя № 2015 на 500 хирургических коек в помещении школы № 4 по улице Восстания, дом 8 [1, л. 1]. Близость к Московскому вокзалу предполагала удобство транспортировки раненых. Имея опыт создания госпиталя ещё накануне войны с Финляндией в 1939 году, с организационными вопросами и мероприятиями управились быстро. Особенностью госпиталя было то, что развернуть госпиталь в помещении 14 тыс. кв. метров было возможным только лишь с помощью студентов и школьников. Таким образом, ученикам нашей школы пришлось внести свою лепту в приближение Дня Победы.

Уже в первые дни войны, к 24 июня, пришлось срочно избавиться от школьного имущества. Начались работы по проверке, ремонту и дооборудованию помещений. Проводились, где не доставало, водопроводные системы, дополнительное освещение, оборудовались палаты и кабинеты. Поступало оборудование и медикаменты. Уже 27 июня заработал рентгеновский кабинет. Полностью были оснащены зубоучастковый кабинет [4, л. 68] и лаборатория, размещённая в подвале. Госпиталь полностью был готов к работе уже 28 июня 1941 года. Первые раненые поступили в госпиталь 6 июля [2, л. 98].

Госпиталь создавался первоначально на четыре хирургические отделения, но в сентябре 1941 года было создано пятое [3, л. 5]. Аварийная операционная находилась в подвале. Приёмное отделение рассчитывалось на прибытие 40–50 раненых в сутки. Но в период сильных боёв, особенно по прорыву и снятию блокады, оно принимало до 250–300 раненых, занимая под них не только свои 8–10 палат, но и почти все кабинеты и коридор своего крыла, а зачастую и огромный вестибюль школы.

Кроме медицинских отделений и служб, служб обеспечения, в госпитале функционировали кухня со специальными цехами по изготовлению дополнительного питания, столовая, прачечная, библиотека, клуб и кинозал. В парке, во дворе, находился бассейн с запасом воды. В 1942 году за

госпиталем был закреплён участок леса для заготовки дров в Токсово и участок в 19 гектар для подсобного хозяйства в селе Коркино Всеволожского района [1, л. 102, 103].

Большая роль в переоборудовании госпиталя принадлежала учителям и ученикам 209-й школы. Некоторые из учителей изъявили желание работать в госпитале на добровольной основе. Директор школы Георгий Виссарионович Воробьёв организовывал эвакуацию учеников школы с близлежащего Московского вокзала. Вот как об этом вспоминает житель блокадного Ленинграда, выпускница школы № 209 1950 г. Елизавета Павловна Новоженина: «На Московском вокзале я бывала только, когда мы выезжали на дачу. Тогда на вокзале было малоллюдно и спокойно. Теперь же здесь так много людей, все оживленные, озабоченные. Подходят колонны отъезжающих. За ними идут провожающие. На перроне все перемешалось.

На путях эшелоны, эшелоны из вагонов и теплушек. Все на фронт... Вскоре был издан приказ – всех детей вывезти их города в организованном и обязательном порядке. Нас всей школой, за исключением старших классов, стали собирать в эвакуацию в Малую Вишеру, что в ста километрах к югу от Ленинграда. Как потом оказалось – прямо навстречу наступающим немцам...» [4, с. 45–46].

По своему направлению госпиталь был хирургическим, который специализировался на лечении ранений верхних и нижних конечностей. В связи с этим большая часть работы падала на хирургов. В таком напряжённом труде помощь детей врачей была как нельзя кстати. Так, всегда своей маме, начальнице первого хирургического отделения Тамаре Николаевне Володимеровой, в операционной помогала её дочь Ольга. Она стирала бинты, готовила гипсовые растворы, ухаживала за больными, даже давала наркозы. На момент начала войны Ольге было всего 10 лет. Бойцы называли её «Дочь госпиталя». Из воспоминаний Ольги Володимеровой: «Мама оперирует. Маска, эфир, я впервые даю наркоз – большое поступление раненых с фронта. Все коридоры, актовый зал – койки, койки, койки с ранеными. Мы работаем...» [2].

Благодаря слаженной и самоотверженной работе медицинского персонала был высок процент возвращённых в строй красноармейцев и командиров из стен госпиталя – более 61.

Несмотря на то, что в госпитале беспрестанно шли операции, его сотрудники не забывали и о научной работе. Регулярно в госпитале проходили конференции по повышению квалификации медицинского персонала, результаты работы которых публиковались в рукописном журнале госпиталя «За Родину» [3].

Добавляли работы медицинскому персоналу постоянные бомбёжки. Приходилось дежурить на крышах, чтобы предотвратить пожар от зажигательной бомбы. А зажигательные бомбы, упавшие на крышу здания, никто не считал, так их было много. Первое время, пока дети сотрудников ещё не были эвакуированы, на крыше дежурили дети врачей и школьники.

Большое внимание в госпитале уделялось моральной атмосфере, поддержанию боевого духа. Среди подшефных госпиталя, которые давали концерты для раненых, кроме Военторга, Лентрикотажа, Горздравотдела, ГорОНО, Института повышения квалификации учителей, фабрики «Красный химик» были учащиеся 205-й и 194-й школ и других образовательных учреждений Дзержинского и Куйбышевского районов города.

За время пребывания госпиталя в стенах школы № 4 через него прошло 24092 человека. Много это или мало? Да разве есть на свете мерило человеческой жизни, конечно, если это нормальное общество. Возвращённые жизни – высшая оценка труда врачей, медсестёр, санитарок, их детей, школьников, истопников, поваров и ещё десятков людей, которые занимались самым благородным делом. Благодаря их усилиям, их отношению к делу, к раненым и больным, несмотря на неимоверно трудные условия,

удавалось сохранять жизнь почти безнадёжным раненым, так что не удивительно, что в госпитале умерло всего 2,2% от всех поступивших военнопленных, а это даже ниже, чем в среднем по стране.

Истории работы госпиталя посвящена отдельная экспозиция школьного музея, который включает в себя воспоминания работников госпиталя, экспонаты той эпохи: фотографии тех лет, медицинский набор, памятная доска, на которой высечены имена учителей и учеников школы, погибших на фронте.

Список использованной литературы и источников

1. Архив Военно-медицинского музея. Ф. 7467. Оп. 10083. Д. 1.
2. Музей истории ГБОУ гимназии № 209 «Павловская гимназия». МГ-39/Д1 (Воспоминания Ольги Николаевны Володимеровой).
3. Музей истории ГБОУ гимназии № 209 «Павловская гимназия». МГ-81/Д34 (За Родину : рукоп. журнал эвакогоспиталя 2015. 1942. № 1 (апр.). Копия).
4. Новоженина Е.П. Воспоминания. – СПб. : АураИнфо, 2012. – 223 с.

Блокадная школа в Колпине

Быкарева Лариса Николаевна,

заведующий Музеем педагогической памяти, учитель русского языка и литературы
ГБОУ гимназии № 446 Колпинского района Санкт-Петербурга

К концу 1940–1941 учебного года в Колпине было 7 школ: из них 3 средних и 4 неполных средних, они помещались в четырех специальных типовых зданиях, остальные – в приспособленных под школы помещениях. Кадры руководящих работников и педагогический состав соответствовали возрастающим к школе требованиям, учителя были центром культурной жизни района. Объявление войны резко изменило содержание работы отдела Народного образования, но не изменило одного: школа осталась центром. Правда теперь уже не только образования, но и выживания.

29 августа 1941 года утром на улице Труда в Колпине разорвались первые снаряды. Несколько человек были ранены, население укрылось в убежищах, подвалах, щелях, землянках. Начались военные страшные будни, тем не менее, приказами РОНО от 18.09 и 30.11 организуются занятия с детьми при убежищах. На учителей района возлагалась обязанность готовить население к ПВО. Занятия в основном проводились в убежищах, и учителя посещали закрепленные за ними помещения, сообщали последние военные сводки, проводили с детьми чтения и беседы, следили за их здоровьем. Был даже случай, когда в убежище здания школы № 401 у женщины ночью начались роды. Вызвать врача не было возможности, и тогда ребенка приняла учительница Нина Васильевна Васильева (Серикова).

Учителя (а это были в основном женщины, т.к. все учителя-мужчины ушли на фронт, включая заведующего РОНО двойного времени Петра Алексеевича Парфенова) жили при школах. Окна были заложены кирпичом, установлены печи-временки. К началу зимы 1941 года стали сокращаться нормы выдачи питания, подступал голод. Но для детей блокадной школы выдавался из фабрики-кухни по списку учителей суп (из хряпы, дрожжей) – то, на что дети раньше и

смотреть бы не стали, теперь они с жадностью ели. Многие изменились, о чем в мирной жизни и речи не могло быть. Так, в здании школы № 401 на Лагерном шоссе мертвецов складывали в пустой классной комнате на втором этаже, для этой же цели служил сарай школы № 402.

А голод все сильнее подступал – настало очень тяжелое время, но все жили надеждой на скорое освобождение и как могли боролись за сохранение жизни, помогая друг другу переносить тяжесть блокады, поддерживая в других уверенность, бодрость. Велика в этом была роль учительницы – матери, друга. Её прихода ждали с нетерпением. А она, сама с опухшими ногами, изнуренная голодом, находила в себе силы для приветливой улыбки, ласкового слова, желания помочь, утешить, успокоить, посоветовать.

Первого января 1942 года кто-то из бойцов принес с передовой маленькую ёлочку. Собрали кое-что из игрушек, и дети смотрели на неё, вспоминая недавнее прошлое и весёлые праздничные хороводы. Теперь можно было только смотреть. На игру и хороводы нет ни места, ни сил. Ёлочка кочевала из убежища в убежище и радовала изнуренных голодом детей.

...Ко всему привыкает человек. Привыкли и жители Колпина к ежедневным и ночным обстрелам. Научились различать по звуку свои и вражеские снаряды. Наладили кое-как свой новый быт. Под обстрелами фашистов ползали на поля совхоза им. Тельмана за мерзлыми капустой и картошкой – и не все дети дождались после таких вылазок своих матерей. Все больше становилось сирот – и именно учителя блокадной школы помогали им, оставшимся без родительской поддержки, переезжать в детские дома Ленинграда. Учительницы возили детей на санках до Усть-Ижоры, затем поездом до Ленинграда, а потом по городу

снова на санках. И это все делали, сами еле передвигая ноги от голода. Поэтому очень скоро возникла необходимость в Колпинском детском приемнике-распределителе, который и был открыт в апреле 1942 года.

Дети были разного возраста. Был маленький мальчик Дима, который тосковал по дому и все время твердил: «Гамой!» – домой просился. Были дети, которые, кроме своего имени, ничего о себе не знали. Не знали о них и те, кто их привел. Была девочка Валя, которой дали фамилию Славянкина, потому что её нашли в Славянке. По возможности детей эвакуировали на большую землю – всего 530 человек.

Несмотря на непрерывную эвакуацию детей, в Колпине оставалось еще значительное количество детей школьного возраста, и Колпинский Исполком депутатов трудящихся открыл в районе 3 школы, среди которых наиболее известна школа на проспекте Ленина. В настоящее время на фасаде этого здания находится мемориальная доска. 3 мая 1942 года в ней начались занятия. Всего обучалось 475 человек с 1 по 9 класс, работали в школе оставшиеся в районе учителя – 18 человек и 4 человека техперсонала. Так началась работа блокадной школы в Колпине, директором которой стала Новосельская Александра Андреевна, она же впоследствии была и заведующим Колпинским РОНО в 1942–1946 гг.

Тяжелая была обстановка. Дистрофики – учителя, дистрофики – ученики. Оконные проемы были закрыты, тускло горела единственная на комнату лампочка. Но очень большой поддержкой для детей было трехразовое питание, которым их обеспечивали в школе. Материал по учебным предметам был использован с максимальной приближенностью к нуждам военной жизни. Пришлось внести коррективы в учебную программу: учили составлять статистические отчеты, деловые бумаги, заполнять ведомости заработной платы. На уроках ботаники, которые вела С.В. Луговая, изучались дикорастущие съедобные травы. Ребятам учили выживать в тяжелых условиях. Расписание школьного дня включало, кроме уроков, ещё и общественные работы: заготовка дров, уборка помещения, работа на школьном огороде, который весной стал большим подспорьем для истощенных детей. Летом учащиеся 6–9 классов с учителями Луговой С.В., Вединой Л.В., Диевой А.А. были направлены в подсобное хозяйство Колпинторга, выращивать урожай. На учителях лежала и задача вести агитационную работу с населением: читка газет, приказов, разъяснение о положении на фронтах.

Скоро в помещении школы № 400 начала работать Районная библиотека для взрослых и детей, книги в неё

несли отовсюду. Так школа снова стала культурным центром для района.

Ко второй блокадной зиме детей в Колпине осталось мало, большая часть была эвакуирована. На 1 сентября 1942 года в 400-й школе обучалось всего 18 человек, однако к весне 1943 года их стало уже 42. Дети ходили в школу охотно. Здесь было и относительно светло и тепло. Здесь же они получали пищу. Учились добросовестно, жили дружно, так что дружеские связи сохранили и после войны. Блокадная школа умела создать теплую атмосферу добра и радости, пусть небольшой. Несмотря на трудности, дети выпускали стенгазету «Школа на фронте», выступали с самостоятельными концертами перед ранеными, устраивали праздники к Красным дням календаря, ставили отрывки из пьес. Особенно, по словам очевидцев, был ярким и запоминающимся вечер, посвященный Великой Октябрьской социалистической революции в 1943 году. Все очень много веселились, а в конце праздника по телефону из Райкома партии сообщили, что освобожден от фашистских захватчиков Киев, и в зале прогремело мощное «Ура!» А к Новогодней ёлке 1943 года все дети получили подарки: по два мандарина и по малюсенькой коробочке обсыпанной сахаром клюквы. Радости детей и подростков не было конца!

За самоотверженный труд и нелегкое ученье во время блокады Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года одними из первых в Колпине были награждены медалью «За оборону Ленинграда» учителя и старшие учащиеся школы.

В декабре 1942 года в Колпине была открыта вечерняя школа для молодежи, чтобы дать возможность работающим на Ижорском заводе юношам и девушкам получить образование. Первый выпуск десятиклассников (7 человек) состоялся в мае 1944 года, среди выпускников Николай Красильников – ставший спустя десятилетия после войны профессором.

После снятия блокады в Колпине стали восстанавливать школьные здания, учителя и учащиеся принимали активное участие в строительных работах – так велико было желание ускорить этот процесс. Уже к концу 1945 года в Колпине заработали шесть школ: №№ 399, 400, 401, 402, 403, 452. Началась новая история – история послевоенного школьного образования, у которого были уже свои проблемы и особенности.

Статья составлена по материалам воспоминаний директора блокадной школы А.А. Новосельской.

Блокадная история одной из ленинградских школ (по материалам Мемориального музея истории Второй Санкт-Петербургской Гимназии)

Денисова Ирина Михайловна,

заведующий Мемориальным музеем истории Второй Санкт-Петербургской Гимназии
Адмиралтейского района Санкт-Петербурга

Второй Санкт-Петербургской гимназии 214 лет. Она имеет большую историю. Эта история всегда была частью истории страны. Эту историю, с основания Гимназии и до наших дней, бережно хранит Мемориальный музей Гимназии.

В фонде Музея истории Гимназии есть документы, рассказывающие обо всех этапах ее работы. Среди них

– многочисленные документы, книги, воспоминания учеников и учителей о трагических и героических блокадных днях. У каждого документа своя история, связанная с тем, как он оказался в нашем музее. Каждый документ – это маленькая частица, помогающая написать правдивую страницу истории школы в годы блокады.

А блокадная история школы – это работа эвакогоспиталя № 2010 в стенах школы, учеба детей, оставшихся в блокадном Ленинграде, в школе № 239. Это рассказы о выпускниках, участниках Великой Отечественной войны и защитниках Ленинграда. «Дети и война – нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете», – сказал А.Т. Твардовский. Но это было.

Какие же главные источники помогли нам написать блокадную страницу истории школы? И какие из них стали экспонатами нашего музея?

В фондах музея Гимназии хранится уникальный экспонат – Проект на санитарно-технические работы по приспособлению школы на Плеханова, 27 под эвакогоспиталь. План секретный, и сделан был еще до начала войны. С этого плана начался поиск документов о работе эвакогоспиталя в стенах школы. В результате исследовательских работ были обнаружены документы из научного Архива Российского Географического общества и Российского архива военно-медицинских документов, большинство из которых до сих пор нигде не публиковалось. Некоторые из найденных в архивах документов были оцифрованы впервые.

Настольными книгами для изучения блокадной истории школы являются книги Ксении Владимировны Ползиковой-Рубец, учительницы истории нашей школы, «Они учились в Ленинграде» и «Дневник учителя блокадной школы». Первая из них давно стала бестселлером. А вторая – это уникальное издание с тиражом в 50 экземпляров и большим именованным указателем, в который вошли имена учителей и других работников школ, летних школьных лагерей и других учреждений системы народного образования и педагогической науки; имена школьников и выпускников школ, с которыми работал автор дневника; имена родственников и знакомых автора и других лиц, упоминаемых в дневнике.

О том, как был организован госпиталь и помощь в этом учителей и учащихся школы № 232 (Вторая СПб гимназия) удалось узнать из официальных источников и из воспоминаний очевидцев тех событий. В организации госпиталя самое активное участие принимали старшеклассники и вчерашние выпускники. Все они 22 июня сбежали к школе. Как вспоминала впоследствии одна из учениц: «Девочки мыли все классы, окна, полы, стены. Мальчики вытаскивали парты и приносили откуда-то привозимые кровати. Потом занимались бесконечным гипсованием бинтов и сворачиванием их в рулоны. Все это выполнялось с большой ответственностью. Дети чувствовали себя нужными, это была их «доля труда для обороны страны».

Воспоминания ученицы дополняют дневниковые записи К.В. Ползиковой-Рубец: к вечеру 25 июня здание уже было похоже на госпитальное помещение: «там, где

был кабинет директора, – «ординаторская», в учительской – «перевязочная», а в классах – «палаты»... Многое в госпитале сделано руками наших ребят: расставлено все оборудование и мебель, на окнах наклеены крест-накрест полоски бумаги. Девочки меняют постельное белье, набивают подушки».

Сохранились воспоминания очевидцев и о повседневной жизни госпиталя:

«Ребята увлекаются работой в госпитале. Мы там 22 января провели в приемном покое прием в пионеры 2 класса целиком. Чудный солнечный день, масса снега и сильный мороз. Идем от школы к «Англетер» с развернутым красным знаменем. Ухает артиллерия. Наша или немецкая, непонятно. После приема присутствующие командиры рассказывают детям об эпизодах взятия Шлиссельбурга и Марьино. Все ранены там» (К.В. Ползикова-Рубец).

«Когда началась война, мне было 10 лет. В памяти остались отдельные эпизоды... Когда мы приходили, нам, во-первых, давали сладкий чай, а после этого мы шли в палаты к раненым. Читали или писали письма под их диктовку. Кто-то пел, танцевал. Я читала стихи, и меня слушали со вниманием. Я изо всех сил старалась как можно лучше читать стихи, считая, что этим помогаю фронту» (Е.М. Бараш).

Совсем недавно эти воспоминания были дополнены воспоминаниями Алексея Петровича Кожемякина, пережившего блокаду ребенком. Он жил с матерью в Демидовом переулке в годы блокады. Бывал в госпитале, т.к. в нем работала его мать. У него свои воспоминания:

«Помню, что в длинном коридоре висела простыня для показа кинофильмов. Смотрели раненые с одной стороны и с другой (наоборот).

Артисты давали концерты. Кто-то читал стихи. Некоторые врезались в память – стихи, песни, кинофильмы... Один из раненных в 1943 году нарисовал мой портрет, моей матери и отца. Он рисовал с довоенных фотографий». Портреты Алексей Петрович бережно хранит и сегодня.

Есть еще одна блокадная страница в истории нашей Гимназии (школа № 232). Школа была переведена в другое помещение – в школу № 239 («дом со львами» на Исаакиевской площади). О том, как учили (В.В. Бакрылов, учитель математики; А.А. Починков, учитель естествознания; К.В. Ползикова-Рубец, учитель истории; А.М. Москалев, учитель географии и мн. др.) и учились, как проходили уроки в бомбоубежище, – обо всем этом хранят память документы музея гимназии.

Потом занимались бесконечным гипсованием бинтов и сворачиванием их в рулоны. Все это выполнялось с большой ответственностью. Дети чувствовали себя нужными, это была их «доля труда для обороны страны».

Трудные уроки. Школа № 183 в годы войны и блокады

Захваткина Ирина Захаровна,

методист медиатеки ГБОУ СОШ № 183 с углубленным изучением английского языка
Центрального района Санкт-Петербурга

В архиве Комитета по образованию Санкт-Петербурга сохранились книги приказов по РОНО и по школе № 183 Дзержинского района Ленинграда времен войны [1], [2]. Ученики тех лет, дети и внуки сотрудников школы поделились

воспоминаниями, познакомили с документами домашних архивов [4], [5], [6], [7]. Это источники наших знаний о школе 1941 – 1945 гг.

«Война в Ленинграде началась с воздушных тревог. Мы рыли траншеи в Таврическом саду, таскали песок на чердаки. По вечерам бегали с ребятами в поисках нарушений светомаскировки», – вспоминал Л.С. Сумкин²⁸ [9].

Лето 1941 г. Эвакуация учеников школы началась 4 июля 1941 г. Группа младших школьников, числом не менее 250, была вывезена в деревню Канищево Молвотицкого района Ленинградской области. Через две недели началась экстренная эвакуация. Часть детей была возвращена родителями в Ленинград. Часть удалось отправить поездом со станции Валдай прямо в Кировскую область. Одна из групп, судя по воспоминаниям, оказалась в эшелоне на станции Лычково во время бомбежки 18 июля вместе с учениками других школ Дзержинского района. Домой вернулись не все [9].

Учителя и старшеклассники «отбивали на окопы». Новый директор А.А. Перов²⁹ дважды в месяц «выезжал на фронт Красной Армии» с очередной группой. В здании круглосуточно дежурили педагоги, технический персонал и учащиеся.

Осень 1941 г. 11 октября в 22 часа 45 минут во время авианалета на здание школы были сброшены зажигательные бомбы. «...4 затушил на панели и в палисаднике школы дворник тов. И. Л. Лазуто и 2 шт. – ученики из группы самозащиты Владимирович и Литке» [2, л. 50]. В школе шел сбор лыж, теплого белья и одежды для бойцов Красной Армии. Отопления не было с сентября. В октябре новая проблема: потеря и кража карточек «1 продовольственной, 1 промтоварной, 1 на мясо, 1 в столовую» [2, л. 51].

20 октября открылась библиотека и читальня. 27 октября ученики 1, 2, 3 классов начали занятия в «бомбоубежищах, по группам в 2 смены по 2 часа с каждой» [2, л. 51]. С 3 ноября 1941 г. «занятия 7, 8, 9 и 10 классов будут проходить в 187 (быв. 9 шк.)³⁰ в утреннюю смену; 4, 5, 6 классов – во 2-ю смену с того же числа» [2, л. 53]. «В 187-й школе, в классе на 1-м этаже было холодно. Ребята из разных школ, по списку много, а приходили несколько человек. Кормили супом? Я бы запомнила... Шли уроки, задавали на дом. До школы выкупала хлеб. Математика казалась трудной, а замечательного Саввы Семеновича³¹ с нами не было. Проучилась несколько недель и все» [5].

Здание школы № 183 было передано в пользование Ленгорздравотделу. Но госпиталя в школьных стенах не было. За сохранность здания отвечал М.Н. Николаев³² и учителя, дежурившие по графику, независимо от того, где давали уроки [2, л. 51].

Зима 1941/42 гг. 6 января 1942 г. в Театре кукол на ул. Некрасова для 1-6 классов школ Дзержинского района была елка. Давали сказку «Волшебная лампа Алладина». В

подвале театра угощали киселем и котлетой из шрота [8]. Подарок дети получили в кулечке: соевая конфета, печенье, мандарин.

После каникул наша школа и школа № 187 объявили об отмене занятий. 10 февраля по школе № 183 был издан приказ: «Выбыли Григоров Б.Н. (физик), Кацнельсон Я.Г. (III кл.) и Глебов Ф.Ф. (рисование) за смертью» [2, л. 56].

Весна 1942 г. В марте коллектив нашей школы получил задание очистить трамвайные пути перед зданием школы от снега, льда и мусора. Работали семь женщин и единственный мужчина – дворник дядя Миша.

В апреле учителя обходили дома и записывали в школу всех, кто должен, в соответствии с возрастом, учиться. Обещали горячее трехразовое питание! 3 мая в помещении школы № 183 возобновились занятия для учеников нашей и соседней школы № 197. Шестнадцать учителей из обеих школ с 10 группами учеников 1-6 классов два месяца занимались повторением. О серьезных требованиях говорит приказ: «Феленковской И.В.³³ за небрежное отношение к обязанностям: плохое дежурство, отсутствие рабочего плана на уроке 28/V, воспитательского плана и, в связи с этим, в отсутствие внеклассной работы, объявляю строгий выговор» [2, л. 56].

Лето 1942 г. В июне, судя по записи в журнале регистрации вечера встречи «Савельева В.В., выпуск 1942 г.», прошли экзамены.

В первых числах июля старших учащихся отправили в Парголово, в подсобное хозяйство выращивать овощи. Провожала новый директор школы В.А. Майорова³⁴. Ребят подкармливали, и они справились с работой. Но было и такое: за хищение овощей двое учеников были «отстранены от работы и сняты с питания», «ученицам Томм Л. и Зайцевой Г. за организацию невыхода на работу из-за плохого завтрака» был объявлен строгий выговор [2, л. 63, 64]. Младшие работали на грядках в Летнем саду.

1942/43 учебный год. Для 1-4 классов занятия начались 1 сентября. Для старших – 15 октября, когда они собрали урожай и вернулись в город. Педколлектив пополнился двумя учителями начальной школы. Учителя постарались собрать в классах всех детей в возрасте до 14 лет. Летом «мобилизованные учащиеся» работали в подсобном хозяйстве Дзержинского РОНО во Всеволожском районе области.

1943/44 учебный год. Мальчики нашей школы были отправлены в школу № 188³⁵ (тогда мужскую), девочки – в школу № 194³⁶ (женскую). Учителей тоже распределили по школам. Здание школы № 183 «законсервировали». В.А. Майорова стала директором еще трех «законсервированных» школ – №№ 187, 197, 203.

28 Сумкин Леонард Семенович (1929 г.р.) – ученик школы №4 (183) 1939–1941 гг., (3 и 4 классы).

29 Перов А.А. (? - ?) - преподаватель географии; директор школы с 09.1941 г. по 07.1942 г.

30 Школа №187 (до 01.02.1941 – №9) находилась по адресу ул. Чайковского, д.62; была известна благодаря ученику В. Симбирскому, который внес деньги, оставленные ему отцом, на строительство танка.

31 Банкузов Савва Семенович (1892-?) - окончил физмат.факультет ЛГПИ им. Герцена (1927), учитель математики; работал в школе №4(183) в 1937–1944 гг.: с 1944 г. – в школе №188.

32 Николаев Михаил Николаевич (1896 - ?) в школе с 1938 по 1947 гг.: швейцар, истопник, дворник.

33 Феленковская И.В. (? - ?) – учитель истории школы №183, принятая на работу 11.05.1942 г.

34 Майорова Валентина Александровна (1899 - ?) – в школе с 1936 г.; преподавала в нач. школе, потом вела уроки рус. язык и литературы. Директор школы №183 в 1942 – 1945, завуч школы в 1945 – 1946 гг.

35 Школа №188 (до 01.02.1941 - № 10) находилась по адресу ул. Чайковского, д.48.

36 Школа №194 (до 01.02. 1941 - №17) находилась по адресу ул. Некрасова, д.15.

В здании на ул. Салтыкова-Щедрина, 28а с 1944 г. находилось подразделение МПВО. В апреле 1945 г. Х.Д. Кляус³⁷, назначенная директором нашей школы, приступила к подготовке здания к первому послевоенному учебному году. Школа стала мужской.

Список использованной литературы и источников

1. Объединенный архив Комитета по образованию СПб. Ф. 4. Оп. 3. Д. 12-15 (Книги приказов по РОНО 12.42 – 04.1943 гг., 05.1943 – 10.1943 гг., 10.1943 – 12.1943 гг., 01.1944 – 06.1944 гг.).
2. Объединенный архив Комитета по образованию СПб. Ф. 4. Оп. 4. Д. 51 (Книги приказов по школе № 183 03.1941- 03.1943 гг., 03.1945 – 05.1945 гг.).

3. Архив семьи Титовых.
4. Архив семьи Фокиных.
5. Воспоминания В.Д. Барвиша, ученика школы 1936-1940 гг. Запись 2016 г.
6. Воспоминания Г.А. Бровко, ученицы школы 1936-1941 гг. Запись 2015 г.
7. Воспоминания Э.С. Василевской, ученицы школы 1936-1941 гг. Запись 2016 г.
8. Воспоминания С. П. Никанорова, ученика школы №183 в 1936-1941 гг., школы № 187 - с 1944 г. Запись 2019 г.
9. Сумкин Л.С. Основные этапы и интересные случаи... // Двенадцать книг : о времени и наших судьбах : [сайт]. – 2002. – URL: <http://www.airnat.narod.ru> (дата обращения: 23.09.2018).

Школа № 236 в годы Великой Отечественной войны

Свидлов Владимир,

учащийся 9 класса, ГБОУ СОШ № 236 Фрунзенского района Санкт-Петербурга имени Героя Советского Союза Ивана Морозова (руководитель – Саррина М.Я.)

Школа № 236, которая находилась в Октябрьском районе по адресу наб. р. Мойки, д. 108, была одной из 39 ленинградских школ, работавших в тяжелые годы блокады. Мы можем многое узнать о работе школы в военное время благодаря опубликованным в сборнике «Эстафета вечной жизни: сборник воспоминаний уходящего поколения блокадников» (СПб., 1995) и на сайте «Непридуманные рассказы о войне», воспоминаниям одной из учениц школы блокадных лет А.А. Аскназий.

Находиться в этой части Октябрьского района было очень опасно, потому что район сильно обстреливался (напротив – Новая Голландия, справа – завод «Судомех», правее – военные училища и казармы). Однако в нижних этажах школы были устроены бомбоубежища, где и проходили уроки, которые длились 20-25 минут.

А.А. Аскназий вспоминает учителей страшных блокадных лет: учительницу литературы Жилину, учителя математики Трифонова, который «внушал, что заниматься надо гораздо интенсивнее, чем в мирное время, иначе мы можем не успеть, <...> стремился пройти с нами как можно больше, и практически за один месяц мы прошли программу, рассчитанную на полугодие. Возможно, он чувствовал, что сам протянет недолго. До конца учебного года не дотянул, умер от истощения, но большую часть программы со своими учениками прошел»³⁸.

Дополнительно к скудному пайку дети получали в школе суп, за который не вырезались талоны из продовольственной карточки. Как и многие ученики блокадных лет, А.А. Аскназий вспоминает этот суп: «Сначала с отдельными крупинками перловки и «капнутым» маслом. Потом «хряпа» из заквашенных наружных листьев капусты. <...> Иногда было два супа, и можно было выбирать. Тогда мы с Кирой брали один – с крупинками, второй – «хряпу», так как невозможно было заранее угадать, в каком из них больше гущи. И ели вместе – с

двух сторон, сначала – один, потом – другой. Иногда нам удавалось часть супа отлить в баночку, чтобы отнести домой «на потом». Но учителя за этим следили, хотели, чтобы мы съедали сами. Скоро не стало ни хряпы, ни крупинки. Появился суп из дрожжей. После войны я узнала, что его разработали ученые-химики из университета. В этом уже гущи не бывало. Стали давать настой из хвои от цинги. Вообще каждая еда, перепадавшая в те страшные месяцы, запомнилась на всю жизнь...».

Вскоре школу № 236 объединили со школой № 33 Василеостровского района. Уроки А.А. Аскназий, уже десятиклассница, стала делать в бомбоубежищах Эрмитажа. Новый классный руководитель, Нина Александровна Кирсанова, «фанатично была предана своему делу», «тщательно готовилась к каждому занятию, причем строила уроки совсем не так, как привыкла до войны. Разработала методику для нас, ослабевших, заботилась о том, чтобы прямо на уроке добиваться усвоения и запоминания, чтобы дома было легче». Когда однажды ребята ушли с урока физики, «гнев учительницы был безмерен, она преподавала стенам, на нас не глядя, – наказывала».

В этот период школьников прикрепили к столовым на полноценные обеды, и Нина Александровна водила учеников ежедневно сама в столовую на 8-линию, при этом сама не обедала, ждала и вела обратно, часто под обстрелами вдоль линий Васильевского острова. Ведь учителя стали получать рабочие продуктовые карточки только в апреле 1942 года.

Из воспоминаний А.А. Аскназий удалось узнать, на какие темы писали сочинения выпускники в блокадном Ленинграде: «На экзамен было прислано 4 темы: «Драматические особенности пьес Чехова», «Безумству храбрых поем мы песню» – по Горькому, по Маяковскому (эпиграфом служили «строчки – обоймы», «слова – пули»), и 4-я по «Разгрому» А. Фадеева или по «Поднятой целине» М. Шолохова. Больше всего в

37 Кляус Харитина Дмитриевна(1896 -?) – директор школы № 21(198) в 1936 – 1941 гг. и в эвакуации; директор школы №183 с апреля 1945 г. по январь 1946 г.

38 Аскназий А.А. Выпускники 1942 года. 236 школа // Непридуманные рассказы о войне : [сайт]. 2008. URL: <http://www.world-war.ru/vypuskniki-1942-goda-236-shkola/> (дата обращения: 23.11.2019). Далее цитируется по указанному источнику.

городе писали по Маяковскому и Горькому. По Чехову никто не писал...».

В аттестаты были включены следующие предметы: русский язык, литература, арифметика, тригонометрия, естествознание, Конституция СССР, физика, химия, иностранный язык, алгебра, геометрия, история, география, черчение, рисование – 17 оценок. Какие-то оценки вносились в аттестат по справкам из ведомостей предшествующих лет.

В воспоминаниях А. А. Аскназий упоминаются два необычных, но характерных для блокадного Ленинграда

«Легендарная 367»

Каталкина Ольга Петровна,

заведующий Музеем народного образования ГБОУ СОШ № 367

Фрунзенского района Санкт-Петербурга

Митина Александра,

учащаяся 10 класса, ГБОУ СОШ № 367 Фрунзенского района Санкт-Петербурга

Экзамен по физике (фото из фондов музея, 1942 год)

Мы вновь перечитываем дневник бесменного директора блокадной 367 школы Якова Михайловича Каменецкого, дневник, который он вел все блокадные дни и передал 1 сентября 1979 г. в школу – новостройку на Дунайском проспекте:

«Ребятам и учителям 367 школы. Берегите, цените, приумножайте славные традиции 367 школы. Я.М. Каменецкий».

Эта надпись – написание, наказ мужественного человека, выстоявшего в блокаду и сохранившего школу и детей. И этому наказу надо обязательно соответствовать. Мы с ребятами помним об этом и в своих экскурсиях с удовольствием рассказываем об истории нашей школы.

Наша школа № 20/367 была открыта в 1939 г. на Тамбовской ул., д. 17. Два года она успешно и спокойно работала. На выпускном вечере в июне 1941 г. красивые, возбужденные музыкой, поздравлениями и дружественными напутствиями юноши и девушки кружились в вихре прощального школьного вальса и вдруг... Это страшное слово война!

Единым патриотическим порывом был охвачен коллектив учителей и старшеклассников. Сразу ушли на фронт школьные учителя: завуч Михаил Михайлович Миронченко, учитель химии Евгений Павлович Иванов (оба погибли смертью храбрых уже осенью 1941 г.), Андрей Антонович Ганзен – учитель математики, Александр Васильевич Суворов – учитель физкультуры и другие. Добровольцами ушли на фронт ученики школы Челин Борис, Зиновьев Виктор, девушки Иудина Надя (работала в госпитале),

школьных предмета, о которых ранее нигде не удавалось прочитать: агротехника и военно-санитарное дело. Однако выехать за город на посадки удалось всего два раза.

Школа № 236 была одной из тех ленинградских школ, которые работали в тяжелые годы блокады. О детях, учениках военных лет, напоминает ныне мемориальная доска. На гранитной плите золотыми буквами выбиты имена учеников и учителей школы № 236, тех, кто героически погиб на поле боя и в осажденном Ленинграде.

Денисова Татьяна (радистка на Балтфлоте), Прокофьева Люба (шофер на Дороге жизни) и другие. Они, не задумываясь, в первые часы войны страну «заслонили собой».

Тяжело было на фронте, но не легче в осажденном городе. В грозные дни августа большая группа учителей и старшеклассников строили укрепления в районе Пулково, Красного Села, а в школе сначала работал эвакупункт. Позже начались занятия. Бои уже шли на подступах к городу.

В школе создали боевые звенья: химическое, противопожарное, санитарное. Днем и ночью при сигнале воздушной тревоги ребята вместе с учителями занимали свои посты у ворот, на чердаках, тушили зажигалки. 3 ноября в школе прозвенел первый звонок, но относительно спокойная жизнь продолжалась всего несколько дней. От артобстрела в классах вылетели стекла, пришлось перебраться в бомбоубежище, где отсеки не были изолированы друг от друга, говорить приходилось тихо, чтобы не мешать другим классам. Но погас свет. РОНО разрешило закрыть школу, однако учителя решили бороться до последнего: из подземелья поднялись в промерзшие классы, заложили разрушения в стенах, окна заколотили фанерой, оставив по одному застекленному отверстию, установили «буржуйки», трубы вывели в окно. Дров и тепла хватало на 2-3 урока. Мучительно было вставать, чтобы подойти к доске. А тут еще и голод. 20 ноября было пятое снижение хлебопайка: рабочим 250 г, всем остальным – 125 г.

У нас хранится дневник ученика 7 класса Миши Тихомирова – потрясающее свидетельство трагедии города. Он вел его с декабря 1941 г. по май 1942 г., пока не был убит при артобстреле по дороге из школы.

8 декабря он пишет: «Едим два раза в день: утром и вечером. Каждый раз суп с хряпой, довольно жидкий. Дуранда кончается. Закупили 5 кг столярного клея, варим из него желе с лавровым листом и едим с горчицей».

7 января 1942 г. «Люди по городу ходят, как тени, еле передвигая ноги. На больших «дорогах» к кладбищам много гробов и трупов без гробов. Трупы, лежащие просто на улицах – не редкость. Они обычно без шапок и обуви. Трудно будет выдержать этот месяц, но надо крепиться и надеяться». На этом дневник обрывается. Миша погиб от снаряда. Похоронен на Волковском кладбище. Мы с ребятами прошли тем маршрутом, которым ходил в школу Миша с Кузнечного переулка, составили экскурсию и представили

ее в районе, в городе и на Всероссийском конкурсе экскурсоводов в Москве. Без слез нельзя читать этот дневник.

Ученики ходили в школу, и это спасало их от неминуемой смерти. Учителя, как могли, поддерживали детей, порой умирали, но ни один ребенок в школе не погиб. Они держались, как могли, и при этом давали уроки и какие!

Вот что пишет в своем дневнике учитель биологии Людмила Николаевна Леончукова: «Кончился школьный день. Четыре часа, пора идти домой. ...Я живу близко от школы и через 10 минут дома... Сажусь в угол кушетки грузным тюком – в зимнем пальто, платке, галошах, перчатках. На ноги кладу старую шубу и замираю без движения, чтобы согреться. Сначала обдумываю урок. Тема большая, обычных лабораторных занятий провести нельзя. Как изложить ее наглядно, ясно, как добиться, чтобы ребята усвоили все в классе – ведь дома готовить урок они не могут, света нет, да и все условия неблагоприятные. Обдумывать методику приятно, так хочется какой-то творческой педагогической работы».

Учителям блокадной школы, кроме мужества, требовались талант и высокое профессиональное мастерство. При том, что дети болели, голодали, мерзли дома и в школе, в часы занятий нередко заготавливали дрова или стояли в очередях, они получали действительно прочные знания. В условиях работы в полутемном, холодном классе, где замерзали чернила, окоченевшие пальцы ученика не могли держать мел или карандаш, ведущим элементом урока была беседа. Она позволяла учителю активно влиять на настроение класса, поддерживать его на предельно высоком уровне.

Александр Верт, английский писатель-журналист, корреспондент газеты «Санди Таймс» и радиокompании BBC, находился в России с 1941 по 1946 годы. Он поставил перед собой задачу написать правду о Второй Мировой войне. В своей книге «Россия в войне 1941-1945 годов» он рассказывает о том, как посетил 367 школу в 1943 году. Это была ближе всех расположенная к линии фронта школа. Он писал: «Незабываемые воспоминания оставило у меня посещение средней школы на Тамбовской улице, расположенной в 4-5 км от фронта и подвергавшейся усиленному обстрелу». Писатель включил в свою книгу отрывки из сочинений десятиклассниц – Вали Соловьевой, Любы Трещенковой и др. Александр Верт издал свою книгу впервые в США в 1964 г., а когда в 1967 году книга вышла на русском языке, снова посетил нашу школу, о чём у нас в музее свидетельствуют редкие фотографии. Он сам признавался, что страницы книги, посвященные 367 школе, оказались самыми яркими и впечатляющими.

Выпускники школы так успешно сдали экзамены за 1941/1942 учебный год, что почти каждый третий был медалистом. У нас есть уникальная фотография 1942 года, на которой показан выпускной экзамен по физике, его принимает директор школы, представитель РОНО и учитель физики Мария Григорьевна Ратаева. Она пишет: «Слушаю

их ответы, и чувство радости за нашу молодежь, гордость за Ленинград и уверенность в победе над фашизмом охватывает душу и заставляет ласково и с любовью смотреть на отвечающих и с удовольствием выводить «отлично» и «хорошо» в своем ассистентском листке».

За пределами человеческих возможностей кажется то, что совершали истощенные учителя и ученики. Разве они все не герои?! Леончукова Л.Н. в своем дневнике писала: «Иди навстречу людям, и пока им нужен, полезен ты, не погибнешь». Ведь об этом же писала в своей поэме «Блокада» поэтесса Зинаида Шишова:

*«Пока ты улыбаешься стихам,
Пока на память Пушкина читаешь,
Пока ты помогаешь старикам
И женщине дорогу уступаешь,
Пока ребенку руку подаешь
И через лед заботливо ведешь
Старательными мелкими шажками,
Пока ты веру бережешь, как зная,
Ты не погибнешь, ты не упадешь!»*

Сейчас, уже после многих лет, образ блокадного учителя представляется поистине величественным. Только одержимость, внутренняя озаренность, не позволявшие организму расслабиться, давали ему силу не только обучать детей, но и учить их мужеству, человечности, борьбе, учить жизни. Низко склоняем головы перед музейными фотографиями. Вечная память погибшим во время блокады учителям и ученикам блокадных школ!

Мы только что отметили 80-летие нашей школы со дня открытия на Тамбовской улице и 40-летие начала ее работы на Дунайском проспекте. На праздничном вечере присутствовал ученик блокадной 367 школы Сергей Николаевич Собуров. Он ещё раз рассказал о блокадной школе, своих одноклассниках и, конечно, учителях. И всем стало очевидно: ничто не в силах разорвать связь времен и поколений.

Список использованной литературы и источников

1. «Нас жёг огонь смертельный» : воспоминания учителей Фрунзенского района о войне 1941–45 г. / [сост.: Кухаронок Н.Г., Кудряшова Л.С.]. – СПб., 1995. – 64 с.
2. Воспоминания учеников блокадной школы Рубцова А.Н., Собурова С.Н. // Фонды музея народного образования Фрунзенского района.
3. Дневник ученика блокадной школы Миши Тихомирова // Фонды Музея народного образования Фрунзенского района.
4. Личный дневник директора блокадной школы Каменецкого Я.М. // Фонды Музея народного образования Фрунзенского района.
5. Личный дневник учителя биологии блокадной школы Леончуковой Л.Н. // Фонды Музея народного образования Фрунзенского района.

Школа № 50 во время блокады Ленинграда (по воспоминаниям из школьного музея)

Петраускас Алина,

учащаяся 8 класса, ГБОУ СОШ № 50 Петроградского района Санкт-Петербурга
(руководитель – Короткевич А.Л.)

Наша школа, в 1941 году – средняя школа № 50 Приморского района, работала всю блокаду, таких школ было в Ленинграде всего 39. Правда, 1 сентября 1941 года, как и в других школах города, занятия в школе № 50 не начались. Многие школы были отданы под госпитали и воинские части. 25 октября 1941 года Ленинградский горком партии принял решение освободить школьные здания, и уже 3 ноября в 103 школах Ленинграда дети сели за парты. В числе этих школ была и средняя школа № 50.

В 1941 году в нашу школу пришла молодая учительница Конкордия Власовна Преображенская. Она, вспоминая первую блокадную зиму 1941-1942 гг., писала что «в школе ребята учились мало, они не кричали, не бегали, у них просто не было сил делать лишние движения». Продолжая свой рассказ, Конкордия Власовна отмечает что, в это время голодным ребятам было трудно учиться и некоторые дремали на уроках. От слабости ребята не выходили на перемену, потому что им было трудно ходить.

Декабрь 1941 и январь 1942 годов были самыми тяжелыми для детей Ленинграда. По распоряжению Ленсовета в конце декабря многие школы начали прекращать занятия. Но даже в это трудное время 39 школ решили не прекращать занятия и после каникул 2 января продолжили заниматься. Продолжила работу и школа № 50. Учиться в таких условиях было настоящим подвигом для ребят и учителей, к тому же приходилось самим заготавливать дрова, следить за чистотой в школах и решать все другие хозяйственные вопросы.

В 1942 году в 1-й класс школы № 50 пришла Серафима Григорьевна Елизарова. Она рассказывала, что первая блокадная зима была очень холодная, и ребята ходили в ватных сапогах с калошами. В школу, по словам Серафимы Григорьевны, школьники ходили с вещевыми мешками вместо портфелей. Учебники с собой не носили, а брали в школьной библиотеке и оставляли в классе. Серафима Григорьевна рассказывала, что их классу с тетрадками повезло. Их учительница Раиса Леонидовна обнаружила в своей новой комнате, куда ее переселили из разрушенного при бомбежке дома, много тетрадей, оставшихся после отъезда в эвакуацию другой учительницы, жившей в этой комнате до нее.

Валентина Ивановна Гусева, тогда ее звали Валя Завьялова, пришла в 50 школу осенью 1942 года, окончив 3-й класс. Вспоминая об учебе в блокадное время, Валентина Ивановна рассказывала, что однажды на уроке немецкого языка ребята спрятались под парты, потому что не хотели изучать язык врагов. Когда учительница сказала, что сейчас пойдет к директору, ребята вылезли из-под парт, и урок продолжился [5].

Несмотря на то, что школы в Ленинграде закрывались одна за другой, потому что учеников становилось меньше, наша школа продолжала работать. С сентября 1943 года школа № 50 стала неполной женской школой, когда было введено раздельное обучение мальчиков и девочек.

В блокированном немецкими и финскими войсками Ленинграде уже в сентябре 1941 года начали сокращать

нормы выдачи хлеба и других продуктов, а в ноябре они стали в 2 раза ниже сентябрьских. Чтобы как-то поддержать силы ребят, в декабре в школах стали давать по тарелке дрожжевого супа, который школьники ели с большим удовольствием, а на десерт маленькую баночку фруктового желе. Конкордия Власовна тоже пишет, что «в школу привозили немного супа, но этого было очень мало, чтобы восстановить свои силы».

В декабре 1941 – январе 1942 года в соответствии с решением Ленгорисполкома были организованы детские новогодние елки. Праздничный обед состоял из тарелки супа с лапшой из серой муки и с маленьким ломтиком черного поджаренного хлеба, а на второе – из каши с мясной котлеткой. Кроме обеда детей ожидали подарки – конфеты из льняного жмыха, пряник и 2 мандарина. О похожих подарках в конце 1942 года рассказывала Серафима Григорьевна Елизарова. Она хорошо запомнила новогодние подарки, состоящие из 1 апельсина, 2 соевых конфет и 2 пряников.

Валя Завьялова вспоминала конец 1942 года: «В школе для нас было организовано питание. Ш.П. – школьное питание (стакан компота и кусочек хлеба). У.Д. – усиленное детское (не помню, чем отличалось). Иногда были «сырники» – их называли шроты. Это какие-то отходы от сои или еще чего-то» [2]. Усиленное детское питание (УДП) было введено в декабре 1942 года для ослабленных детей в возрасте от 3 до 13 лет. С 1 января 1943 года к столовым УДП стали прикреплять всех ослабленных школьников вне зависимости от возраста.

Продолжая свой рассказ, Валя Завьялова пишет о весне 1943 года: «И вот наступает 8 марта – чем поздравить классного воспитателя Лидию Михайловну? Придумали: договорились с буфетчицей, чтобы она наши порции хлеба и компота объединила в буханку хлеба и банку компота. И всем этим мы поздравили Лидию Михайловну. Что было, я помню до сих пор – она рыдала, и мы плакали вместе с ней» [2]. Валентина Ивановна, во время одного из визитов в школу, показала нам, где находился школьный буфет в те годы. Это кабинет № 22, сейчас там учатся начальные классы.

Осенью 1943 года нормы выдачи продуктов стали увеличиваться. Кроме этого большинство ленинградцев имели огороды, и дети получали дополнительное питание дома. Все эти факторы положительно сказывались на здоровье и успеваемости ребят.

Серафима Григорьевна Елизарова рассказывала, что по всему Ленинграду за школами были закреплены участки для посадки овощей. Школа № 50 выращивала овощи на проспекте Добролюбова возле Князь-Владимирского собора [4].

Конкордия Власовна Преображенская дополняет рассказ воспоминаниями о школьном блокадном огороде. Весной 1942 года весь Ленинград покрылся огородами, стали сажать овощи и в школе № 50. Огород устроили на месте нынешней спортивной площадки, ребята с учителями расчистили участок от щебня, камней и посадили семена капусты. Когда капуста стала подрастать и появились «маленькие кочешки», учительница увидела, что ребятам

очень хочется ее съесть. Конкордия Власовна пишет: «...я видела, как жадно загорались глаза у ребят, когда они смотрели на эти кочешки. Я испугалась, вдруг ребята съедят! А ведь капусту мы собирались отправить на фронт. Тогда я собрала ребят и сказала: «Я видела ваши глаза. Я знаю, что вам очень хочется есть. Но ведь даже если вы съедите всю грядку, вы все равно не насытитесь!» [3].

В книге «...И победили человек и город» [1, с. 49] опубликован фрагмент этих воспоминаний Конкордии Власовны со ссылкой на архив музея школы № 50. В нашем музее эти воспоминания являются частью альбома подготовленного пионерами 6 «А» класса к Дню снятия блокады Ленинграда в 1975 году.

Во время летних каникул 1942 года, они начались 30 июня, все ученики 5-10-х классов, по решению руководства Ленинграда, были направлены для выращивания овощей в совхозы и подсобные хозяйства. В числе этих ребят была и Валя Завьялова, она вспоминала: «в каникулы 43 года я работала в совхозе, жили около Серафимовского кладбища в здании какого-то училища – на казарменном положении... Из совхоза не имели права вынести ни одного листика, но по дороге в училище мы рвали крапиву и лебеду с братских могил Серафимовского кладбища и сдавали на кухню... В совхоз ходили строем – как раз по центральной аллее кладбища, напротив церкви, и пели песни разные строевые» [2]. Валентина Ивановна запомнила одну из популярных песен. Пели ее на мелодию довоенной песни «Песня – душа», а текст в годы войны был изменен. Автор музыки Н. Будашкин, слова М. Червинского и И. Финка. Валентина Ивановна приводит в своих воспоминаниях последний куплет переделанной песни:

Гитлер ждал ответа от Наполеона:

Ты скажи, чем кончу я с Россией бой?

Тот ему ответил из могилы сонно:

Я, дружок, подвинусь, ты ложись со мной?

На встрече с учащимися школы в январе 2017 года Валентина Ивановна рассказывала, что в совхозе они

работали с июня по сентябрь. Ребята выращивали капусту, свеклу и морковь и не имели права ничего выносить с поля [5].

В книге «...И победили человек и город» [1, с. 45] опубликована фотография ребят из школы № 47 на поле совхоза. А Валентина Ивановна рассказывала нам, что она работала как раз с ребятами из 47-й школы. Она считает, что на фотографии, 4-я справа во 2-ом ряду, изображена именно она – Валя Завьялова, она была самой младшей.

Многие ребята, во время блокады, работавшие на выращивании овощей, были награждены медалями «За оборону Ленинграда». Среди этих ребят была и Валя Завьялова, которую наградили медалью Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года. Вале Завьяловой тогда было 12 лет. А вручена медаль была 9 марта 1944 года.

Список использованной литературы и источников

1. «...И победили человек и город» / сост.: Ю.Н. Антонов, Е.Е. Шаламайко, А.С. Сиваченко, М.И. Кошуева. – СПб.: Златоуст, 2010. – 96 с.
2. Гусева В.И. Воспоминания о блокаде // Музей ГБОУ СОШ № 50. № 02.01 / МШ50СПб.
3. Преображенская К.В. Воспоминания // Музей ГБОУ СОШ № 50. № 26.01 / МШ50СПб.
4. Беседа учащихся ГБОУ СОШ № 50 Санкт-Петербурга Алекперовой Л. и Петраускас А. с Елизаровой С.Г., учащейся школы № 50 с 1942 г. от 03 февраля 2017 г.: [текст стенограммы] // Музей ГБОУ СОШ № 50. № 06.01 / МШ50СПб. Публикуется с согласия С.Г. Елизаровой.
5. Встреча учащихся ГБОУ СОШ № 50 Санкт-Петербурга с Гусевой В.И., учащейся школы № 50 с 1943 г. от 25 января 2017 г.: [видеозапись беседы] // Музей ГБОУ СОШ № 50. № 07.01 / МШ50СПб. – 1 ч. 2 мин. Публикуется с согласия В.И. Гусевой.

155 школа. Блокадное время

Сапрыкина Серафима Олеговна,

заведующий музеем ГБОУ гимназия № 155 Центрального района Санкт-Петербурга

22 июня в 4 часа утра Германия начала войну с нашей страной. Немедленно была объявлена всеобщая мобилизация. Несколько учителей из нашей гимназии, которая тогда называлась 155 средней школой Смольнинского района города Ленинграда, сразу были призваны в армию (учитель рисования, учителя физики, химии и физкультуры). Уже 23 июня над городом раздавалась тревога, и появилась необходимость составить график дежурств по школе. Эти дежурства, в которых принимали участие даже младшие классы, продолжались до самого конца блокады. Они были круглосуточными. Главный пост был на чердаке, рядом с ящиком песка, чтобы в случае необходимости схватить щипцами зажигательную бомбу, которая упала на крышу школы и сунуть ее в песок, чтобы она не взорвалась. Пять бригад дежурили по очереди, они назывались группами самозащиты. В эти группы добровольно записывались выпускники прошлых лет, которые чувствовали свое родство со школой и ответственность за ее сохранение. Учитель начальной школы, Кира Александровна Калмакова, хрупкая молодая женщина, была назначена командиром пожарного

звена и, несмотря на вой и грохот бомбежек, она вместе со школьниками дежурила на чердаке, в вестибюле и во дворе школы, тушила бомбы и снаряды. Крышу школы прямо под воздушным боем красили суперфосфатом, противопожарным веществом. Нужно было постоянно проверять светомаскировку, копать канавы, так как бомбы попали в канализацию, и 5-ю и 7-ю Советскую залило водой. Одна из бомб попала в нынешний сквер Некрасова, и в школе, и во всех соседних домах выбило стекла. По воспоминаниям героев тех событий, школа буквально качалась от взрывов. Ежедневно ровно в 19:30 немцы нещадно бомбят город. Учитывая страшный холод (в начале декабря в канцелярии было -23 градуса), голод, отсутствие электричества, трудно даже представить себе сейчас каким мужеством обладали эти молодые люди. Директор школы, Иван Александрович Стадницкий, жалел детей, особенно девочек, и разрешал им в случае смертельной опасности уходить с крыши и чердака. Но никто не уходил с поста. Многие учителя и школьники были награждены медалью «За оборону Ленинграда», всего их 27 человек. В день снятия блокады группа учеников

вышла смотреть праздничный салют с нашего чердака, на котором до этого они тушили бомбы и пожары. Именно мы обязаны тем, что здание гимназии сохранилось в почти первозданном виде.

Мы знаем, что главное проклятие блокады – это голод. Уже в начале сентября норма хлеба снижена, закрыты магазины и столовые. Столовых, которые кормили наших учителей и учеников, было две – столовая в здании школы и столовая № 13, которая находилась на углу 7-й Советской и Греческого проспекта. В октябре служащим полагалось всего 100 г. сахара и 200 г. мяса на целых десять дней, а в ноябре еще меньше. Настала ледяная зима. В наших столовых кормили вот такими «блюдами»:

Блокадное меню

Суп «брондахлыст» (вода и капустные листья)

Суп из разбавленных дрожжей

Блинчики из льняного семени

Консервированная треска (50 грамм)

«Дуранда» (каша из жмыха) с картофельной шелухой

«Повалиха» (каша из отрубей)

Несмотря на то, что эта пища была почти безвкусной и малокалорийной, она спасла жизни тысячам людей, в том числе нашим учителям и ученикам.

С нашей столовой связана одна примечательная история – поскольку здание школы было захлавлено, побито осколками снарядов, с промоченным водой из разорванных труб подвалом, то там нашли приют несколько крыс. Одна из них, самая хитрая, прогрызла путь в столовую и начала воровать хлеб, который полагался на целый день учителям и ученикам. Крысу долго не могли изловить, ее поймали только, когда блокаду сняли. И наши предшественники, оборонявшие школу, голодавшие и мерзнувшие, попросили не убивать крысу, «она такая же блокадница как мы», – сказали они. И крысу отпустили на свободу.

Средняя школа № 155 – одна из 39 не закрывавшихся во время блокады. Уроки возобновились с 19 ноября 1941 года. Занятия проходили в необычной обстановке. Часто во время урока раздавался вой сирены, возвещавшей об очередной бомбёжке или артобстреле. Ученики быстро и организованно спускались в бомбоубежище, где занятия

продолжались. Каждый учитель обычно имел два плана урока: один – для работы в классах, другой – на случай артобстрела или бомбёжки и занятия в бомбоубежище. Однажды в школу попал снаряд, он пробил кабинет № 73 (Галины Анатольевны), прошел через кабинет завуча и упал в гардеробе. На счастье, он не взорвался, никого не убил, и его успели ликвидировать.

Обучение проводилось по сокращенному учебному плану, в который были включены только основные предметы. Некоторые учителя переселились в школу, некоторые, наоборот, вели уроки у себя дома. Ослабевшие от голода ученики выполняли задания дома, а потом приходили на «сессию». Несмотря на холод, от которого леденели руки, дети успешно осваивали программу, сдавали выпускные экзамены. Аттестаты выпускникам вручили в 157-й школе, около Смольного, после чего в самой 155-й школе были накрыты столы, и впервые после тяжелейшей голодной зимы на столах появились «пирожные», бутерброды, конфеты и настоящий сладкий горячий чай. Помимо выпускного, праздновался и Новый год, была елка, на которой детей тоже старались вкусно покормить.

Фашисты оккупировали множество пригородов Ленинграда, например, Петергоф, Стрельну и т.д. Люди, жившие на оккупированных территориях, бросали дома и искали пристанища в городе, становились беженцами. Для них стали организовываться так называемые эвакупункты. Такой эвакупункт существовал и в нашей школе. Он размещался в актовом зале и почти всех кабинетах третьего этажа. Их регистрировали в нашей школе, чтобы они могли получать хлеб. Начальником пункта беженцев был директор Стадницкий, и он лично отвечал за переправку этих людей в эвакуацию. Но на смену одним приходили новые или возвращались те, кто не смог эвакуироваться с первого раза. Судя по сохранившемуся спискам, среди беженцев было очень много детей, от новорожденных до 4-5-летних. Дальнейшая их судьба нам не известна, хочется надеяться, что после отъезда с ними все было в порядке, и быть может, они запомнили нашу школу как некий «перевалочный пункт» между блокадой и эвакуацией.

Военные страницы истории школы

Безрукова Татьяна Петровна,

заведующий музеем ГБОУ СОШ № 328 с углубленным изучением английского языка

Невского района Санкт-Петербурга

Музейная экспозиция в школе № 328 Невского района была открыта в 2003 году, к 300-летию Санкт-Петербурга, а музей в 2009 году. В 2010 году был создан актив музея, и началась исследовательская работа по изучению истории школы. Информация о школе собиралась по крупицам. Нам очень повезло, что в наших исследованиях нам помогала Нина Ивановна Каменкова – старожил Куракиной дачи.

КАМЕНКОВА НИНА ИВАНОВНА

Родилась 22 февраля 1936 г. на Куракиной даче. Ее бабушка, Варвара Андреевна, родилась в 1879 году в Петербурге, с 15 лет и до 1960 года жила Куракиной даче. В годы блокады работала на Агробазе РОНО. Ее мама, Людмила Васильевна, работала в детском доме, что был в здании лазарета, позже в госпитале. Ее папа, Иван Иванович, работал на Обуховском заводе, а когда началась Великая

Отечественная война, ушел на Ленинградский фронт, был на Невском пяточке, чудом остался жив...

Разговоры родителей, рассказы бабушки не могли не отложиться в памяти маленькой Нины... В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, ей было всего 5 лет. Многие ленинградцы стали уезжать в эвакуацию. Варвара Андреевна, бабушка Нины, твердо сказала: «Никуда не поеду, умирать буду на Куракиной даче». И семья Каменковых осталась в Ленинграде.

ТЮРЬМА В ЗДАНИИ ШКОЛЫ

С конца сентября 1941 года Куракина дача находится на военном положении.

Со слов своих мамы и бабушки, маленькая Нина знала, что как только началась война, школу (№ 122 Единую Советскую Трудовую) закрыли. На Куракину дачу пришли представители

Володарского Райвоенкомата и известили директора о том, что здание, ввиду военного времени, передаётся в ведение военных властей. Школьное имущество было опечатано. Какая конкретно военная организация расположилась в здании школы летом 1941 года, нам пока установить не удалось, но, по словам Нины Ивановны, взрослые шёпотом говорили о том, что там, в левой части здания, находилась некая «тюрьма» (?), куда свозили дезертиров и тех, кто уклонялся от призыва на фронт. Однажды Нина играла в огромных лопухах, что росли возле школы, и видела, как из здания вывели двоих молодых парней, дали им лопаты и приказали копать яму, «...а потом выстрелили в них и засыпали яму землей». Выстрелы на территории сада Нина слышала часто, но мама с бабушкой старались переключить внимание девочки и не отвечали на ее вопросы. Когда «тюрьма» покинула здание школы нам не известно. Можно предположить, что это случилось в конце 1942 или в первой четверти 1943 года. Еще нам предстоит выяснить, какое управление НКВД располагалось в здании школы. Ведь Куракина дача находилась не так далеко от передовой линии фронта.

ГОСПИТАЛЬ В ЗДАНИИ ШКОЛЫ

В ноябре 1941 года к школе начали приезжать грузовики, в которых сидели солдаты. В кузовах машин были сложены сетки и спинки от разборных кроватей. Мама и бабушка рассказали Нине, что в школе будет расположен военный госпиталь, который будет лечить раненых бойцов! Но, номера госпиталя Нина Ивановна назвать нам не смогла. Мы поставили перед собой задачу найти информацию о госпитале, а также найти сведения о людях, которые там работали или лечились.

САНИТАРКА

От Нины Ивановны мы уже знали, что ее мама, Людмила Васильевна, в конце июня 1943 года была принята на работу в госпиталь № 262 санитаркой. Вместе с другими санитарками она убирала в палатах, дежурила на крыше во время налетов, разгружала уголь, стирала и кипятила бинты...

ЛЕВ БАЗЛОВ

Номера госпиталя мы еще не знали, поэтому обратились к Интернету. В нём по ключевой фразе поиска «Госпиталь на Куракиной даче» мы обнаружили ссылку на материалы официального форума петербургского «Телеканала 100». В текстах, посвящённых воспоминаниям о войне, собранных журналистами накануне 65-й годовщины Победы, мы нашли письмо Татьяны Владимировны Кондаковой. Она писала его как воспоминания о своём родственнике (двоюродном деде) Льве Базлове, который «... умер от ран в госпитале № 262 на Куракиной даче...». Мы написали ей электронное письмо. Завязалась переписка. Из общения с Татьяной Владимировной нам удалось выяснить, что «Лёва, Лёвушка» – так называли единственного сына из шести детей дружной семьи Базловых... Любимый сын и брат. Он был долгожданным поздним ребёнком, самым младшим. Он хорошо учился в школе, прекрасно рисовал, мечтал как отец стать профессиональным художником. В семье сохранился его карандашный автопортрет и небольшая картина. Но война перечеркнула все его планы...

В начале зимы 1941 года он ушел на фронт. Местом службы Льва Базлова стал 389 ЗСП (запасной стрелковый полк), находившийся в составе 55 Армии Ленинградского фронта. В ходе боевого столкновения с противником,

6 апреля 1942 года Лев Базлов был тяжело ранен в голову и был доставлен в 262 эвакуогоспиталь. У него было «сквозное ранение в голову, сзади отсутствовал кусок черепа 4 см на 10 см.» Умер 16 апреля 1942 года. Похоронен на кладбище у бывшей деревни Сосновка, располагавшейся на правом берегу реки Невы в районе квартала современной застройки, ограниченной Октябрьской набережной (дома 70,72-76) и проспектом Большевиков (дом 100).

Получив сведения о номере медицинского учреждения, мы обратились в Архив военно-медицинских документов при Военно-медицинском музее МО РФ. Так у нас появился официальный документ, подтверждающий, что с ноября 1941 по декабрь 1943 года в здании школы располагались четыре эвакуогоспиталя: № 262, 823, 857, № 922 и 140 эвакуоприемник.

На портале «Мемориал» нам удалось найти материалы «Именной список умерших от ран и болезней в СЭГ № 262 в период с 1 апреля 1942 года по 30 апреля 1942 года» и «Алфавитную книгу умерших в госпитале № 262».

МЕДСЕСТРА УСТИНОВА НИНА

Информация о медсестре Устиновой Нине Алексеевне попала к нам случайно!

На одной из конференций, которая проходила в нашей школе, присутствовала Устинова Татьяна Николаевна, учитель школы № 195. Она посетила наш музей и после экскурсии рассказала нам, что ее мама, Устинова Нина Алексеевна, с января по апрель 1942 года работала в эвакуогоспитале № 262 на Куракиной даче.

Татьяна Николаевна поделилась фотографиями, документами и воспоминаниями: «Когда Ленинград был полностью окружен немцами, в госпиталь привозили много горюжан, попавших под бомбежки. Однажды привезли красивую девушку, будущую балерину. Она попала под бомбежку, осколок сильно повредил ногу. Врачи боролись за сохранение ноги, но пришлось ампутировать. Нина Алексеевна вспоминала, как горько плакала девушка, понимая, что балериной она больше не станет».

«Пайки в госпитале были очень скудные, иногда подкармливали нас сами раненые. Голова часто кружилась от голода и усталости. Но мы продолжали работать».

После войны Нина Алексеевна 40 лет работала на заводе «Мезон» диспетчером цеха, вырастила троих детей. В День Победы, 9 мая каждый год встречалась с сотрудниками госпиталя № 262 на Марсовом поле. Умерла в возрасте 88 лет.

ВЫСТУПЛЕНИЕ К.И. ШУЛЬЖЕНКО

Осенью 1943 года на Куракину дачу приехала концертная бригада артистов Ленконцерта. Со сцены небольшого актового зала школы играл эстрадный джаз-оркестр под управлением Владимира Коралли, пела Клавдия Ивановна Шульженко.

Зал не мог вместить всех желающих, поэтому в нём были открыты все окна и певицу слушали в саду. Нина Ивановна рассказывает: «Помню, как молодой офицер взял меня, маленькую девочку, на руки и понёс в актовый зал школы... Я видела выступление Клавдии Шульженко. Очень хорошо мне запомнилось её лёгкое ситцевое платье в горошек... После каждой песни зал аплодировал... Все в зале кричали «Браво!» и просили певицу спеть снова любимые песни «Курносый нос» и «Синий платочек».

ШКОЛА № 347

В сентябре 1943 года Нина пошла в школу № 347. Школа располагалась напротив Обуховского завода. Это бывшая Техническая школа Обуховского завода. В школу и из школы маленькая Нина ходила одна или с подружками пешком, от Куракиной дачи до Обуховского завода. «Однажды, – вспоминает Нина Ивановна, – закончились уроки, вышла я с одноклассницами из школы... Началась бомбежка, встали мы под металлический козырек какого-то дома (нас было человек пять) из дома вышла женщина. – «Девочки, зайдите в коридор, переждите бомбежку». Когда (после бомбежки) мы вышли на улицу, посмотрели на козырек, а он весь в дырках, как сито. От нас бы ничего не осталось...».

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Тому факту, что школа работала в 1942 году, у нас есть такое подтверждение – книга «Дети города героя». Ее однажды принесла в музей Нина Ивановна и прочитала рассказ «Здравствуй, Галя». В декабрьское утро 1943 года, девочки пришли в школу, разошлись по классам, сели за парты тут «...послышался свист снарядов. Самые маленькие, первоклашки, чинно сидели за партами, а снаряды ложились все ближе и ближе к школе... Учительница, Валентина Николаевна Брусникина, задерживалась...». Пионервожатая Галя Беленкова поняла, что самые маленькие в классе одни... побежала к первоклассницам и с порога крикнула: «... живо бегите вниз...». Только спустились первоклашки на один пролет лестницы, послышался грохот, зазвенели стекла, полетела штукатурка, вдребезги разлетелась на лестничной площадке большое зеркало. А там, откуда Галя только что вывела малышей, зияла дыра... 420 снарядов выпустили фашисты в тот день по Володарскому (Невскому) району. Среди тех первоклашек, которых спасла Галя Беленкова, была и Нина Каменкова.

ПЕРЕЕЗД ШКОЛЫ № 347 НА КУРАКИНУ ДАЧУ

Нина Ивановна вспоминает: «Девочки приуныли ... опять не учиться зиму. Вскоре узнали, что школе № 347 отдали здание на Куракиной даче». Но приступить к занятиям удалось не сразу, школу надо было не только привести в порядок (это девочки сделали достаточно быстро) – надо было каким-то образом доставить в школу мебель и учебные пособия, ведь горячее в блокадном городе было на вес золота. Решили – прокатим парты по снегу, как санки. Сказано, сделано, и одним морозным днем отправился от завода «Большевик» к Куракиной даче необычный обоз: парты, загруженные школьными пособиями, географическими картами, стопками книг. А толкали эти парты худенькие девчушки от первоклассниц до старшеклассниц. Информация о переезде школы подтверждена статьей в газете «Ленинские искры» за 6 марта 1948 года. Так, в декабре 1943 года разместились на Куракиной даче № 347 женская школа.

ВЕДОМОСТЬ

У нас есть сведения о том, как училась Нина в блокаду. Нина Ивановна подарила нашему музею свою ВЕДОМОСТЬ за 1 класс 347 школы (1943–1944 учебный год).

Первоклассница Нина училась прилежно. На уроки не опаздывала и если пропускала школу, то только по причине

болезни. Только вот чистописание у Нины всегда «хромало». По нему во всех четвертях и за год была тройка... Почему? Актив музея задал этот вопрос Нине Ивановне. Она, улыбаясь, ответила: «...в школе было печное отопление, а дров не хватало, сидели в пальто, чернила в чернильницах замерзали. От холода распухали пальцы...Обмакнешь ручку в чернильницу и пока донесешь ее до тетради, обязательно рука дрогнет и шлепнется в тетрадь клякса...а надо было выводить буквы и цифры пером под номером 86. Терпения не хватало, получала тройки». Об этом Нина Ивановна написала и в своих воспоминаниях.

УЧИТЕЛЯ

Узнали мы и об учителях 347 школы, работавших в блокаду. Сделали запрос в Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, получили копию «Паспорта школы № 347». Учителем младших классов была Брусникина Валентина Николаевна. Всю блокаду прожила в Учительском доме на Куракиной даче. Нина Ивановна вспоминает: «... тогда в школе не было никаких наглядных пособий. Чтобы научить нас считать Валентина Николаевна разрезала свою бамбуковую штору и сделала для каждой ученицы счетные палочки. А еще она нарисовала большую корзину и несколько грибов, сделала прорези в этой корзине, и мы вставляли туда грибки». Учителем пения была Зоя Терентьевна Ерыхайлова. Нина Ивановна вспоминает, что «... Зоя Терентьевна научила всех девочек не только любить классическую музыку, но и строго следила за правильным ленинградским произношением слов». Учителем физкультуры с 1944 года был Александр Иванович Тулев. Между собой девчонки называли его Саня-Ваня. На сайте «ОБД Мемориал» есть сведения о том, что в годы Великой Отечественной войны Александр Иванович сражался на Ленинградском фронте в 220-й танковой бригаде, которая принимала участие в операции «Искра». Командир танка Т-27 лейтенант Тулев был тяжело ранен и уволен в запас.

БЛОКАДНЫЙ НОВЫЙ ГОД

В январе 1943 года для детей работников завод «Большевик» организовали елку «... занимался этим Валентин Александрович Антонов – председатель завкома завода «Большевик». Я дружила с его дочкой Инной. Елку помню плохо, но помню, что нас накормили! И с собой дали подарок – кисель серого цвета. Это было всего две ложки клюквы и крахмал, но он был сладкий».

ПОБЕДА

Запомнился Нине день Победы: «8 мая, бабушка вскипятила самовар, а я открыла кран, чтобы налить себе чай, но вылила кипятком на себя. Чулок снимали вместе с кожей. Нога была полностью забинтована». Утром 9 мая Нина включила радио и услышала, что война закончилась. «Прыгая на одной ноге, я побежала будить маму с криком: «Мама, мама, Победа!»

Вот так, благодаря Нине Ивановне, живому свидетелю блокады, мы узнали о военных страницах истории нашей школы. Актив музея, работая над исследованиями, понимает, какая не простая и интересная история у нашей Куракиной дачи. Мы очень благодарны Нине Ивановне Каменковой за то, что она делится с нами воспоминаниями.

Чему учила блокадная школа? (по материалам архива школы № 112)

Фурманова Ирина Борисовна,

педагог дополнительного образования ГБУ ДО ДД(Ю)Т Выборгского района Санкт-Петербурга

В замкнувшемся 8 сентября 1941 года вражеском кольце вокруг Ленинграда оказалось около 400000 детей и подростков, в том числе примерно половина – школьники. Что помогло выжить большинству блокадных детей?

В архиве школы № 112 сохранился богатый архивный материал блокадного периода: классные журналы за 1941–1945 гг., итоговые ведомости, контурные карты, школьные тетради, копия Книги приказов по школе и РОНО военной поры; многочисленные воспоминания школьников и учителей блокадной поры, собранные в ходе экспедиций «Красными следопытами» в 1970–80-е годы.

В легендарном списке 39 школ, работавших всю блокаду, нет номера школы 112. По архивным же документам школа № 112 не работала только блокадной зимой 1941/42 гг. и начало весны (январь–апрель) 1942 г. Пропущенную зимой программу, ученики нагоняли в летнее время (июнь–август). Детям были выданы аттестаты об окончании учебного года, оригинал одного из них хранится в архиве школы. Все остальное блокадное и военное время школа работала, хотя ей часто приходилось менять адреса (4 адреса за 4 года войны).

При изучении работы Богданова И.А. о блокадной школе меня удивила фраза о том, что «... в школах дети находились в коллективе, их старались отвлекать от разговоров о еде и тем самым на первое место выходило сохранение их жизней, а не приобретение ими знаний» [1, с. 287]. Поскольку из сохранившихся классных журналов, например, 1942–1943 учебного года, видно, что дети занимались на уроках – проставлены отметки за ответы и письменные задания, есть записи учителей и проверяющих. О том, как проходили уроки и чему учились дети можно узнать из воспоминаний учеников блокадной школы, записанных «Красными следопытами». Из воспоминаний и сохранившихся документов видно, что в школе не только помогали выживать, но и старались дать знания; отправляли лучших учеников на предметные городские олимпиады. Подлинная грамота за победу в олимпиаде за 1943 год хранится в школьном музее.

Наша школа открылась 1 сентября 1935 года. Школа находилась по адресу Английский проспект, 13 (ныне проспект Пархоменко). При открытии школа имела № 38 (с 1935 г. по 1938 г.), затем № 11 (с 1938 г. по 1941 г.), № 112 с 1941 года по настоящее время. С сентября 1941 года школа начала работать в обычном режиме, хотя многие учителя и учащиеся уехали в эвакуацию. В декабре 1941 года в школу попал снаряд, и занятия в ней прекратилось. Затем здание школы занимали воинские части.

Для анализа были выбраны два наиболее полных классных журнала – первого военного 1941–1942 учебного года и победного 1944–1945. Из журналов видно, что предметы велись лишь те, по которым были учителя. Основные предметы давались. Нет уроков по рисованию и музыке, нет рукоделия у девочек, но этот урок компенсирован огородными работами. Всего одну неделю изучался иностранный язык. Содержанию внеклассной работы придавалась большая

значение, также мерам личной защиты детей, занятиям с противогазом.

Последняя страница «Сведения о родителях». Фамилии детей, год рождения, национальность, графы, где работает отец, где работает мать. Из 27 девочек живых отцов 16, включая госпитализированных и тех, кто был на фронте.

В книге приказов по школе и РОНО есть приказы, касающиеся не только организации учебного процесса, но и результаты проверок. Вынесенные благодарности, правительственные награды «...за высокие показания и результаты учебы». И даже тот факт, что в нашей блокадной школе работала учительница Шабунина Зинаида Павловна, дважды награжденная орденом Ленина, говорит о том, что школа не только кормила детей супом, но и учила.

Приказы по школе касаются организации школьной жизни. Для примера приведу только два из сотни других.

«За неучастие в районных спортивных соревнованиях района 28 марта 1943 года объявить выговор директору Ленгер Н.И. и военному руководителю Бонафедее».

«ПРИКАЗ № 47 по ОНО Выб. района от 2 марта 1943 года.

Проведенным 28 марта 43 года районным смотрам детской творческой самодеятельности подвести итоги этой работы в школах района.

Серьезная и глубокая работа проведена в школе № 112 (директор Ленгер Н.И., завуч Аникиева К.А.), учительницами школы 112 Князевой А.А. и Скворцовой А.В. хорошо продуман и подготовлен лито-монтаж, хор. Интересно сделаны спортивные номера, подготовленные пионервожатой Т. Иоффе».

Самым удивительным открытием стали страницы журнала успеваемости в 1945–1946 учебном году, где оказались очень низкие оценки – тройки и двойки. Учителя оценивали знания без скидок на блокаду и войну. После окончания войны, в 1945 году многие дети вернулись из эвакуации, и выяснилось, что во время войны не только в блокадных школьных классах «...повторяли пройденное до войны».

И даже если предположить, что в блокаду школа не давала полных и глубоких знаний по школьным предметам, по-моему, она научила детей очень важному и главному – ценить жизнь, платить за добро добром, помогать, надеяться и вопреки трудностям получать знания. Читая многочисленные воспоминания детей блокадной школы, видно, что многие из них стали успешными людьми, получили отличное высшее образование, не смотря на пробелы образования военного времени. И сегодня блокадники для меня являются образцом интеллигентности и мудрости, а школьные оценки здесь не причём!

В ходе подготовки статьи были использованы архивные материалы школы № 112: классные журналы учащихся, социалистические обязательства школьников, воспоминания, собранные «Красными следопытами» в 1969–1986 гг., копии Книги приказов по школе и РОНО.

Возобновление деятельности и направления работы Ленинградского Дворца пионеров в 1942 году

Ладыжникова Анна Евгеньевна,

педагог дополнительного образования, руководитель клуба «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

В конце июня 1941 года, в связи с военным положением, Ленинградский Дворец пионеров (ЛДП) был законсервирован. 39 сотрудников Дворца ушли на фронт, 17 записались в народное ополчение, часть была мобилизована на работы в эвакуопункты, большинство было сокращено. Например, был сокращен весь состав вокальной студии, которая кроме работы с детьми, единственная в Советском союзе занималась изучением особенностей детского голоса и вела систематическую научно-практическую работу в этом направлении. Во Дворце был оставлен небольшой штат сотрудников во главе с Марией Львовной Гольденштейн (заведующий художественным отделом). По ее воспоминаниям, на служебных пропусках были поставлены большие буквы «К» – консервация. В бюро справок гражданского госпиталя работала сокращенная с должности руководителя студии художественного движения Роза Абрамовна Варшавская. Всю блокаду проработала во Дворце библиотекарем Аста Васильевна Пашкевич. Все оставшиеся сотрудники находились на казарменном положении и жили на территории Дворца.

Задача правильной консервации имущества учреждения не была выполнена полностью, так как следом было принято решение о размещении на территории ЛДП команд МПВО, мастерских и гражданского госпиталя.

Директор ЛДП – Натан Михайлович Штейнварт, был мобилизован. Он работал на эвакуации детей из Ленинграда. А.Я. Блатин в книге «Вечный огонь Ленинграда. Записки журналиста» вспоминает, как зашел к Штейнваргу в июле 1941 г. в специальный эвакуопункт – школу рядом с Московским вокзалом. Он совершал по несколько рейсов в день из Ленинграда в Ваганово на Ладожском озере (всего им было сделано около двухсот рейсов на Большую землю). А с 26 января по 20 апреля 1942 года Штейнварт работал уполномоченным Ленсовета по эвакуации со станции Череповец. За трехмесячный срок ему удалось пополнить аппарат эвакуопункта станции. Три штатных сотрудника были приняты на работу за счет сумм, утвержденных Военным советом Ленфронта на организацию на станции Череповец эвакуопункта второго класса. Также были организованы три питательных точки, поставлены дополнительные кипятильники, для обеспечения эшелонов кипяченой водой, на вокзале был организован медицинский пункт, в задачу которого входило проведение медицинского осмотра и оказание медицинской помощи проходящим эшелонам. Был организован дом ночлега, стационар для дистрофиков и создана бригада по обеспечению проходящих эшелонов топливом.

После 20 апреля Н.М. Штейнварт возвращается в Ленинград, для того, чтобы начать подготовку к открытию Дворца пионеров. Однако, и он сам, и другие сотрудники ЛДП привлекались к эвакуации из блокадного города с лета 1942 года – во время второй волны эвакуации. Например, Владимир Федорович Смирнов, работавший во Дворце с 1939 года, был мобилизован в 1941 году, а после ранения уволен в запас, с 15 мая 1942 года был принят на должность заведующим политико-массовым отделом Дворца пионеров, а 11 июля 1942 года эвакуирован с детским домом

в качестве директора. Среди сохранившихся приказов по городскому отделу народного образования, относящихся к деятельности Дворца за 1942 и 1943 года, для сопровождения детей, эвакуируемых из г. Ленинграда в Уфу к родным, была назначена экономист Дворца И.С. Эйгис, которая числилась в командировке два месяца с 10 сентября по 10 ноября 1942 года, а сам Н.М. Штейнварт был направлен в служебную командировку в г. Троицк Челябинской области и в город Ялуторовск Омской области для проверки работы с эвакуированными детскими учреждениями города Ленинграда с 12 февраля по 12 марта 1943 года.

В марте 1942 г. Ленсовет принял решение о возобновлении деятельности Дворца пионеров. Это было смелое решение в условиях блокады, но оно имело большое моральное значение. Для реализации этого, нужно было решить много задач. Прежде всего, собрать довоенных воспитанников Дворца. Педагоги делают попытки разослать письма по домашним адресам своих учеников, но большинство писем осталось без ответа. Тогда педагоги во главе с Марией Львовной Гольденштейн отправляются в поход по адресам своих воспитанников. По воспоминаниям Лиды Американовой «из двух тысяч детей нас оказалось в городе на тот момент 13: кто умер, кто эвакуировался. Истощенным голодом и холодом, артобстрелами и бомбежками, нам, вроде было не до песен. И эта маленькая, но сильная духом, претерпевшая не менее нашего женщина с огромной доброй душой отогрела своим сердцем нас, блокадных детей. Заставила говорить, что лучшее впереди. Поместила нас в интернат, что на Стремянной улице рядом с Дворцом пионеров. Нас здесь отмыли, отогрели, подкормили. Начались занятия с педагогами Дворца, которые остались живы». Действительно, в марте 1942 года на Стремянной ул., 10 по инициативе М.Л. Гольденштейн был создан детский дом для одаренных детей, где с ними велась планомерная художественная работа.

Еще одна важная задача – кадровая. Она решалась на протяжении всего 1942 года, и далее в 1943 г. В своем дневнике А.В. Пашкевич отмечала, что с апреля 1942 года началась подготовка к восстановлению Дворца, освобождались и приводились в порядок помещения, набирались новые кадры. На библиотеку было выделено пять штатных единиц, немедленно вернулись и приступили к работе двое прежних сотрудников библиотеки, но «их возвращение прошло не совсем гладко: учреждения, где они работали во время консервации Дворца, тормозили их перевод, и временно им пришлось работать по совместительству».

17 мая 1942 года Дворец пионеров открылся для работы с детьми. Согласно приказу № 12 по учреждению от 29 мая 1942 года всем заведующим отделами следовало закончить комплектование кружков не позднее 5 июня 1942 года, к 7 июля 1942 года – предоставить расписание занятий и подробный план работы отделов как внутри Дворца, так и по линии города, предоставить календарь массовой работы отделов. Особое внимание заведующих отделов обращалось на ответственность за санитарное состояние отделов, состояние противохимической обороны, сохранность имущества и соблюдение строжайшей пропускной дисциплины.

Был установлен режим работы сотрудников: бухгалтерия и канцелярия работали с 11.00-20.00 (с перерывом на обед с 13.00–14.00), политико-массовый отдел – с 13.00-22.00, сотрудники учебных отделов, находящиеся на окладной системе – с 12.00-21.00, педагоги учебных отделов (художественного, военно-физкультурного, технического, науки) работали в соответствии с утвержденным заведующими отделов расписанием. Во Дворце работала столовая, к зиме 1942 года открыто общежитие для сотрудников.

Деятельность ЛДП в 1942 году велась в нескольких направлениях. Первое – работа со школьниками Ленинграда. Эта работа была направлена на помощь школе и учителю в военное время. Ее координировал политико-массовый отдел. Он был на период 1942 года одним из самых больших отделов. Включал заведующего, коменданта, пианистку, трех педагогов массовой, двух контролеров, концертного работника, научного сотрудника и методиста комнаты Ленина-Сталина, двух педагогов настольных игр. Одно из значимых событий лета 1942 года – это организация Выпускного бала для школьников Ленинграда.

Большую работу с городом проводила библиотека. Согласно штатному расписанию на 4 квартал 1942 года в библиотеке помимо заведующей работала учебно-вспомогательная группа из четырех человек, включающая заведующего абонементом, старшего библиотекаря читальни, библиотекаря по комплектованию и библиотекаря по обработке книг. Ими организовывались городские мероприятия – читки и выставки. Например, в 1942 года был организован цикл выставок на общую тему «Боевые традиции русского народа», в которую вошли выставки под названиями: «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Борьба с польскими интервентами в 17 веке – Минин и Пожарский», «Петровские войны со шведами», «Суворов». В читальню были выделены мелкие рассказы и сказки, а также журналы за прошедшие годы, однако Дворец ввиду его консервации с лета 1941 гг. не получил лимита на журналы 1942 года. Подбор книг обуславливался возрастными

особенностями пришедших ребят, психологическим и физическим состоянием детей, пережившими страшную блокадную зиму 1941–1942 года. По воспоминаниям А.В. Пашкевич каждый день на занятия в читальню приходили новые школы.

Художественным отделом была проведена конференция детей на тему «Искусство – боевое оружие», где было заслушано семь докладов с художественными иллюстрациями. С 1 сентября 1942 г. в ЛДП была передана городская фильмотека со всем имуществом. Заместитель директора городской фильмотеки Л.А. Петрова была переведена на должность заведующий отделом в ЛДП. Остальной штат фильмотеки также был передан Дворцу пионеров по занимаемым должностям. Так с 1 сентября во Дворце появился еще один отдел – Фильмотека, основной задачей которой стала «работа с детьми по обслуживанию кинозрителя». Киносеансы проводились как во Дворце, так и в школах города. Фильмотека имела укомплектованный штат, своего бухгалтера, а также педагога фильмотеки, киномеханика, монтажника и рабочего по подъему и перевозке кинофильмов и аппаратуры.

Второе направление – это работа кружков и секций на территории ЛДП. Их деятельность была направлена на помощь армии. Отдел техники летом 1942 года выполнял военное задание, сдав в военные части около 200 змеев и 5 воздушных шаров для распространения листовок. Рукодельные кружки художественного отдела передали бойцам сотни подарков, сделанных руками детей. Детские концертные бригады выступали в военных частях и госпиталях, пользовались горячей любовью бойцов. Из числа учащихся ЛДП руководителем хореографической студии А.Е. Обрантом была организована танцевальная группа агитзвода 55-ой Армии. Дворец осуществлял педагогическое руководство группой, давал ей костюмы для выступлений.

В приведенной ниже таблице, можно познакомиться с данными об учебных коллективах, должностях, штатных единицах и должностных окладах на 4 квартал 1942 года.

Отдел техники	Художественный отдел	Отдел науки	Военно-физкультурный отдел
Административная группа: Зав. отделом – 1 шт. ед. - 700 Механик - 1 шт. ед. - 400 Комендант – 1 шт. ед. - 350 Педагоги-групповоды 6 шт. ед. - 375 Хозяйственная группа Уборщица-бригадир 1 шт. ед. - 125 Уборщица 2 шт. ед. - 110	Административная группа: Зав. отделом – 1 шт. ед. - 700 Комендант – 1 шт. ед. - 350 Производственная группа: Музыкальный мастер и руководитель кружка – 1 шт. ед. - 400 Портниха она же костюмерша – 1 шт. ед. - 300 Педагоги-групповоды и педагоги аккомпаниаторы – 16,2 шт. ед. - 375 Хоз. Группа: Уборщица-бригадир 1 шт. ед. - 125 Уборщица – 2 шт. ед. - 110	Учебно-производственная группа: Научный сотрудник – 1 шт. ед. - 500 Садовник – 1 шт. ед. - 200 Педагог огорода – 1 шт. ед. - 425	Административная группа: Начальник отделом – 1 шт. ед. - 700 Педагоги групповоды – 4 шт. ед. - 400
Всего 12 шт. ед.	Всего 23, 2 шт. ед.	Всего 3 шт. ед.	Всего 5 шт. ед.

Еще одно важнейшее направление деятельности – обеспечение функционирования объекта – Ленинградский Дворец пионеров – в условиях военного времени.

Вся пожарная и сторожевая охрана с 29 мая 1942 года передавалась комсомольскому пожарному взводу. Все сотрудники пожарно-сторожевой охраны учреждения передавались в непосредственное подчинение командиру комсомольского пожарного взвода. В штате Дворца была выделена должность начальника штаба МПВО, ее в 1941 году занимал С.Д. Певзнер. В его обязанности входило составление и ознакомление сотрудников учебных отделов с планом размещения детей в бомбоубежищах и

целях в момент воздушной тревоги и контроль за исполнением данного распоряжения.

С этого же числа был установлен порядок допуска на объект Ленинградский Дворец пионеров. В политико-массовый отдел – все дети, независимо от наличия пропусков и пригласительных билетов; в художественный, технический, военно-физкультурный отделы допускались дети при наличии пропуска с указанием на нем отдела, сотрудники пропускались при предъявлении пропуска, при этом сотрудники без противогазов на территорию ЛДП не допускались. Командиру комсомольского пожарного взвода предписывалось установить посты, в задачу которых входило: проверка пропусков,

дающих право на вход во Дворец, проверка пропусков на вынос имущества, выдача и приемка ключей от комнат. Такие посты устанавливались при входах в корпуса Дворца.

Особое внимание дирекция уделяла содержанию в порядке бомбоубежищ и щелей на территории учреждения. Ответственность за приведение в порядок щелей в саду с июня 1942 года возлагалась на заместителя директора по хозяйственной части Барского, за приведение в порядок бомбоубежищ – на главного инженера Кутасова. В круг их задач входило следить за систематической выкачкой воды, чистотой и порядком, просушкой и сохранностью помещений. К этой работе был подключен и начальник штаба МПВО Певзнер, который в соответствии с распоряжением директора два раза в день проверял состояние щелей и бомбоубежищ. В случае необходимости срочных

мероприятий для приведения бомбоубежищ и щелей в порядок у Певзнера были полномочия по привлечению работников Дворца, вне зависимости от занимаемой должности к данным работам.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что с конца весны 1942 года ЛДП возвращает себе функции центрального в городе учреждения по работе с детьми Ленинграда, возобновляет работу кружков и секций, количество которых постепенно увеличивается к концу 1942 года. Согласно штатному расписанию за 1942 год были открыты четыре учебных отдела: техники, художественный, науки, военно-физкультурный, с общим количеством 43,2 шт. единицы. Вместе с тем конкретных данных о количестве воспитанников Дворца на это период в бухгалтерских сметах не приводится.

1.2 УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Блокадный 1941/1942 учебный год в воспоминаниях учителей и учеников 47 школы

Грушина Людмила Борисовна,

заведующий музеем, библиотекарь, учитель ГБОУ СОШ № 47 им. Д.С. Лихачева
Петроградского района Санкт-Петербурга

Наша 47 школа Петроградского (ранее Приморского) района была одной из 39 ленинградских школ, которые не прекращали занятий все годы блокады. В самый суровый первый блокадный год школа сумела перевести учащихся в следующий класс и выпустила 10 класс.

В музее истории нашей школы хранятся воспоминания учителей и учеников того времени. И чем дальше от нас трагичные дни блокады, тем бесценнее становятся эти свидетельства непосредственных участников событий. Воспоминания учителей Марии Павловны Ивашкевич, Антонины Николаевны Лосевой, директора школы Александры Самсоновны Легковой, учениц Александры Морозовой, Ксении Тычиной, Светланы Березовской, отчетные документы тех лет легли в основу данной статьи.

До 1 ноября 1941 года занятия с детьми проходили на частных квартирах, так как в нашей школе располагалась военная часть. 3 ноября начались занятия в помещении школы в составе шести классов: один десятый, один девятый, два восьмых и два седьмых.

«Самый тяжелый период блокады – это зима 1941 года. Везде господствовали холод, голод, болезни. Учиться было трудно. Писали на старых газетах между строк. Чернила часто замерзали, и их приходилось отогревать. Собирались все около «буржуйки», и начинался урок», – вспоминает выпускница 1943 года Александра Морозова.

Если во время урока раздавался вой сирены, возвещающий об очередной бомбежке или артобстреле, преподаватели уводили свои классы в оборудованное школьными скамьями и столами бомбоубежище. «При свете фонарей «Летучая мышь» мы продолжали заниматься, чутко прислушиваясь к тому, что происходит наверху. Иногда снаряды ложились совсем рядом, а иногда мы слышали их свист и отдаленный взрыв. Мы уже хорошо знали, что если слышен свист, то снаряд разорвется где-то дальше. После отбоя тревоги (восхитительная мелодия горна) мы возвращались в классы», – из воспоминаний ученицы Светланы Березовской.

Несмотря на суровые условия, ребята учились с большим желанием. «Каждый из нас может привести десятки фактов, говорящих о том, с каким подъемом работали учащиеся», – пишет в своих воспоминаниях учитель русского языка и литературы Мария Павловна Ивашкевич. Так, например, Мария Павловна вспоминает, как дети просили ее позаниматься дополнительно, чтобы лучше подготовиться к экзаменам. Занятия проводились и в воскресенье, и в каникулы в январе 1942 года. «Сидим в адском холоде, занимаемся грамматическим разбором, проводим диктовку... и занимаемся этим в течение всех каникул», – из блокадных записей М.П. Ивашкевич.

В первую блокадную зиму в дополнение к продовольственным карточкам в школе выдавалась тарелка горячего супа и кисель из концентрата. «Директор Александра Самсоновна была способна три раза в день ходить в отдел общественного питания, чтобы получить два-три дня усиленного питания для школы», – пишет М.П. Ивашкевич. Почти каждый день Александра Самсоновна отправляла наиболее ослабленных детей в подшефную воинскую часть, где дети получали порцию каши на солдатской кухне. В школе директор сама лично стояла при входе и каждому ребенку давала выпить хвоевый морс для защиты от цинги.

Учителя были для учеников очень близкими людьми. Они не только учили детей, но и заботились о них, берегли, как родных. «Школа в те военные годы стала родной. А делали ее такой учителя. Они были всегда рады оказать помощь каждому, кто в ней нуждался, и на протяжении всех лет войны дарили детям безграничную любовь, в которой мы больше всего нуждались», – из воспоминаний бывшей ученицы Ксении Тычиной.

Дети иногда теряли семью, и их направляли в детские дома. «Случалось и так, что учителя брали опекунство над осиротевшими детьми», – свидетельствует учитель начальных классов Антонина Николаевна Лосева. – Так, школа взяла опекунство над Цилей и Розой Шнеер, мать которых погибла

от голода, а отца убили на фронте. Их опекуной стала учительница немецкого языка Юлия Александровна Мейнике».

В этих страшных условиях школьники не только учились, но и вели большую общественно-полезную работу. В отчете А.С. Легковой РК КПСС «О работе учащихся 47 средней школы с ноября 1941 г. по июнь 1942 г.» отражена работа школьников в этот период. Внушительный перечень говорит сам за себя:

- Был создан отряд самообороны, в который вошли все учащиеся.
- Учащиеся 7 класса разбирали письма на почте и доставляли их по адресам, помогали райвоенкомату давать ответы на письменные запросы бойцов с фронта.
- Учащиеся 8 класса писали срочные повестки в райвоенкомате, а также в течение месяца работали в Собесе по приведению в порядок архива для своевременной выплаты пенсий.
- Для подшефного госпиталя была создана передвижка на 100 книг.
- Школьники обходили квартиры ленинградцев и помогали обессиленным людям: убирали помещение, носили воду, кололи и пилили дрова. В случае необходимости они устраивали детей в детдома, больных родственников – в больницы.
- По заданию райздравотдела учащиеся разнесли таблетки против желудочных заболеваний по 50 домохозяйствам.
- Для школьной столовой ученики принесли за зиму свыше 50 кубометров дров.
- 4 школьных бригады были прикреплены к домохозяйству для очистки территории и для сколки льда. Бригады прекрасно справились со своей работой.
- Ученики собрали деньги на танковую колонну (три тысячи рублей), собрали новогодние подарки для Красной Армии (50 рубашек, 25 джемперов, 10 библиотек-передвижек, 20 музыкальных инструментов, 1 ящик одеколона, 10 бритвенных приборов, 35 кусков мыла).

Таков далеко не полный список всего сделанного школьниками за 1941/1942 учебный год.

«Учащиеся выполняли общественно-полезную работу охотно и добросовестно, потому что этого требовали от них война и жизнь в условиях блокады», – пишет М.П. Ивашкевич. Откуда брались силы на учебу и работу? Дети верили, что своим трудом они помогают городу, фронту. А примером

для них были их учителя, которые трудились рядом и показывали примеры стойкости. Никто не сомневался, что скоро кончится война, придет победа.

К весне действующая Дорога жизни позволила городу создать некоторые запасы продуктов и увеличить нормы выдачи продовольствия. В мае 1942 года в школе было организовано трехразовое питание. Ученикам стали выдавать чай с кусочком хлеба и кусочками глюкозы, сырники из сои, хряпу (заквашенный наружный лист капусты), дрожжевой суп и соевое молоко.

А между тем закончился первый блокадный учебный год. В результате испытаний 20 человек школы успешно закончили 10 класс, остальные 40 человек перешли в 8, 9 и 10 классы. Из них 60% с отличными и хорошими оценками (неуспевающих не было и в последующие годы).

«Несмотря на тяжелые испытания, учащиеся показали высокий уровень знаний, ответы на экзамене были отличные. На экзамене по физике учащиеся умело пользовались приборами, быстро решали сложные задачи. Хорошо выполнили письменные задания по алгебре. Были прекрасные сочинения по литературе учащихся 9-х и 10-х классов», – из воспоминаний директора школы Александры Самсоновны Легковой.

В июне 1942 года ученики 8-10 классов вместе с преподавателями Н.П. Инковой, М.П. Ивашкевич, Ю.А. Мейнике отправились на работу в совхоз «Красная Заря». Необходимо было обеспечить город и фронт овощами. «С нормами ребята справлялись хорошо, – вспоминает М.П. Ивашкевич. – Труд на свежем воздухе пошел им на пользу. Признаки истощения понемногу проходили, лица покрывались загаром. Работали с истинным героизмом». Школьники выполнили норму на 151%. По окончании работ в совхозе им была вручена премия 1500 рублей, отоваренная овощами. В это лето 47 школа получила переходящее Красное Знамя РСФСР.

Несмотря на чрезвычайные трудности, наша 47 школа работала и добивалась замечательных результатов даже в первый самый тяжелый голодный и холодный блокадный год. Ученики и учителя совершали каждодневный подвиг, учась и обучая, выполняя всевозможную работу, необходимую для города и фронта. Только обладая силой воли и мужеством, можно было выстоять и победить в те страшные годы.

Блокада глазами очевидцев-школьников

Телешов Сергей Владимирович,

заведующий музеем ГБОУ СОШ № 189 «Шанс» Центрального района Санкт-Петербурга

В современных условиях по-прежнему актуальными остаются вопросы сохранения исторической памяти о подвиге ленинградцев. Об этом свидетельствуют: беспримерная по своей пронзительности книга «Блокадная этика» [1] и шесть выпусков сборника «Блокада глазами очевидцев» [2-7] (готовится седьмой); многолетняя работа Сергея Ларенкова по проекту «Блокада Ленинграда. Связь времён», находящаяся в открытом доступе в интернете; выставка «Во имя жизни. Спасённое детство» в Мультимедийном историческом парке «Россия – моя история», прошедшая в январе-феврале; выставки в Музее истории города «Рисуя блокаду», первая в октябре-ноябре 2015 г., вторая в сентябре-декабре

2019 г. с одновременным выходом в свет её каталога [8]; выход книги о блокаде для детей [9].

Сегодня, на мой взгляд, имеет место быть неправильное разделение патриотического воспитания на военно-патриотическое и гражданско-патриотическое со смещением приоритетов от военно-патриотического воспитания исключительно к гражданскому. Такое деление вообще не следует производить, так как на практике это приведёт к тому, что будет существенно ограничена поисковая работа школьников в полевых условиях, включая экспедиции и походы по местам боевой славы. Эта работа полностью будет заменена квестами, конкурсами, акциями в домашних условиях. В то время как оба этих направления не противоречат и не

мешают друг другу. Гораздо правильнее использовать термин «государственно-патриотическое».

Уже появилось в некоторых школах мнение, что воспитательную работу по патриотическому направлению (например, посещение со школьниками мест, связанных с блокадой) следует полностью адресовать родителям, а школе следует сосредоточиться на образовательных вопросах. Мы в нашей работе не разделяем ни такое мнение, ни такое разделение патриотической работы. Вот что пишет друг нашего школьного музея, капитан I ранга П.В. Середюк: «Всё дальше и дальше уходят от нас дни блокады Ленинграда, и всё больше задаёшься вопросом: каким же невидимыми моральными, физическими и психологическими силами обладают те блокадники, которые всё же пережили эти нечеловеческие мучения... О будничной жизни простых горожан в осаждённом городе много уже говорилось, но остаётся ещё немало неизвестных фактов» [10].

На сохранившихся немногочисленных фотографиях блокадного времени мы можем увидеть детей-дошкольников, детей, вставшим к станкам, детей – юных военных. Совсем мало сведений о детях-школьниках, особенно учащихся старших классов. Ученики и учителя совершали каждодневный подвиг, учась и обучая, выполняя всевозможную работу, необходимую для города и фронта. Только обладая силой воли и мужеством, можно было выстоять и победить в те страшные годы. В школе № 189 учился Юрий Воронов (у нас хранится его табель за 6-й класс), в школе № 321 – Анатолий Молчанов (в семейном архиве бережно хранится его дневник), в школе № 207 в выпускном классе училась моя мама – Клара Телешова.

В эти же блокадные месяцы моя бабушка, Телешова Наталия Михайловна, преподававшая химию с довоенного времени в школе № 50, с декабря 1941 г. по личному поручению Председателя Ленсовета П.С. Попкова при заводе «Радист» (во время войны на заводе изготавливались УКВ-радиостанции, ретрансляторы, миноискатели и пр. изделия военно-инженерного назначения) создала школу рабочей молодёжи и была в ней директором до конца войны [11].

По данным ЛенГОРОНО в городе в период блокады работало без перерывов 39 школ. К ним следует добавить ещё 16, в которых был перерыв в феврале-апреле 1942 года, но в них педагоги сумели так организовать учебный процесс в бомбоубежищах и на квартирах, что их ученики тоже были по итогам года переведены в следующие классы. Таким образом, учебный год продолжался в 55 школах города [12, с. 72, 76, 77]! Полемика для учителей и учеников стали их классы – и они не сдали свои позиции, несмотря на потери, как среди учеников, так и среди педагогов.

Данный материал посвящён выпускникам и учителям 207-й школы Куйбышевского района Ленинграда, 239-й школы Октябрьского района, Елабужской школе, где оказались ленинградцы в эвакуации и 55-й (они учились в блокаду в 47-й) Приморского района.

Выпускники и учителя 207 школы.

1 ряд, (сидят слева направо): Н.Я. Забабурина (учительница литературы), Альвина Густавовна Паяпу, С.Г. Луджейник, Галя Уманская, Н.Ф. Соколова, Анна Михайловна Булах.

2 ряд (стоят слева направо): Коля Помухин, Илья Шмерлинг, Аня Перельман, Люда Терентьева, Клара Телешова, Оля Лебедева.

3 ряд (стоят слева направо): Нина Кузьмина, Миша Азбель, Л. Волкова, Давид Дубиновский, Э. Лумельская (3 июля 1942 г., 207-209 школа, Ленинград).

Вот сухие строчки статистики:

№/п	школа	к-во классов	число уч-ся ноябрь/июнь	переведено в след.класс	окончило 10-й
1	207	15	733/493	199	12
2	239	18	521/460	71	не указано
3	47	20	668/483	43	20

Каждый выпускник 3 июля 1942 г. получил в дар книгу с надписью. На нашем семейном экземпляре записано: «У-ку выпускнику 10го класса в Дни Отечественной войны от Комсомольской организации 5го Отд. ЛГМ» (5-го отделения Ленинградской Городской милиции – авт.).

Из 12 выпускников 207-й: Додик Дубиновский погиб на фронте в 1943 г. после окончания офицерских курсов, Коля Помухин стал после войны инженером, а остальные стали или врачами, или учителями. Сейчас в живых нет никого.

В 1941 г. вместе с сотрудниками ЛГУ вся семья, и шестилетний Алёша Никольский, были эвакуированы. Ближайшими нашими соседями, – вспоминает Алексей Борисович, – были математик Владимир Иванович Смирнов с семьёй – через два дома от нас, подальше жили семьи химиков Б.Н. Долгова, Н.А. Домнина, С.А. Шукарева, Я.В. Дурдина, В.М. Вдовенко, физиков В.А. Фока, С.Э. Фриша, М.Г. Веселова, А.И. Ансельма, С.Ф. Родионова, В.Н. Цветкова.

«Моё непростое детство сложилось так, что мне пришлось учиться в семи школах – есть, с чем сравнить. Моя последняя школа в Ленинграде была, несомненно, очень хорошей, но школа в Елабуге даже на этом фоне кажется мне замечательной, в первую очередь благодаря нашей учительнице Ольге Ивановне Тугаровой – прекрасному представителю русской интеллигенции в глубине страны (язык не поворачивается сказать «провинциальной»), учительнице от Бога, строгой и бесконечно любящей своих учеников. Что же было главным для меня тогда в Елабуге в 1941–1943 годах? Пожалуй, это была постоянная мысль: «Когда же кончится

война?» Теперь я вижу, что большинство людей вокруг меня, каждый по-своему, делали все возможное, чтобы это случилось скорее. А елабужанам я на всю жизнь благодарен за их гостеприимство и тогда, и сейчас, и за их преданность своему обыкновенному, и совершенно необыкновенному городу [13].

С нежностью вспоминает Алексей Борисович Никольский свою учительницу начальных классов, у которой он учился два года, и бережно хранит фотографию того времени:

Первый класс Елабужской начальной школы 1941/42 уч. год. Во втором ряду учительница О.И. Тугарова третья справа, Алексей Никольский первый слева.

В третьем классе он учился в Саратове, а в начале лета 1944 г. семья вернулась в Ленинград (его папа Борис Никольский участник работы над атомным проектом, впоследствии академик). В июне семья вернулась домой, и Лёша с сестрой Леной ходили на детскую площадку Дворца пионеров, а с сентября в 5-й класс в школу № 55. Здесь большинство его одноклассников пережили все тяготы блокады – учились они в школе № 47. Один из них – Толик Иванов сочинил стихотворение «У костра» и подарил его Лёше, теперь оно хранится в его семейном архиве.

Доктор химических наук, Алексей Борисович Никольский, свыше 30 лет заведовал кафедрой неорганической химии в университете. В настоящее время профессор А.Б. Никольский по-прежнему преподаёт в СПбГУ.

В сентябре 1941 г. Миша Золотарёв, живший на ул. Якубовича в д. 22 должен был пойти в 4-й класс школы № 225, расположенной на Исаакиевской площади. Но учиться ему пришлось уже с октября месяца в соседней школе – № 239. С ребятами гасил зажигалки, а весной 1942 г. участвовал в сельскохозяйственных работах. В 1943 г. в октябре школа представила его к медали «За оборону Ленинграда», которую он и получил. Ему 11 лет (он родился в мае 1931 г.), он перешёл в 5-й класс, но закончить его не пришлось: умерла мама, а на руках остался младший брат. Брата помогли устроить в детский сад фабрики Володарского, где до войны работал отец, а его моряки взяли юнгой на военный катер. В 1944 г. корабли базировались в Турку, и он перешёл

на подводную лодку «С-13», где командиром был капитан 3 ранга А.И. Маринеско. Здесь Миша освоил специальность рулевого вертикальных рулей, а штурман Н.Я. Редкобородов в свободное время занимался с ним математикой и русским языком. Только после войны, имея три боевые награды, Миша окончил ремесленное училище, вечернюю школу, школу мастеров. На заслуженный отдых Михаил Геннадьевич вышел с должности главного инженера управления технологической комплектации «Хантайгэсстроя». Сегодня он – последний член экипажа легендарной балтийской подлодки – хранитель её истории и друг нашего музея!

Мы хотим в память о защитниках города и Отечества создать в школе поимённый список потомков блокадников, потомков всех защитников нашей страны, включая и трудовой фронт. Ведь это о них сказал П.В. Середюк: «детей, внуков, правнуков тех, кто прожил всю блокаду в городе, спасая его ценой своей жизни, осталось, наверное, не более 10%. Это неоценимый, золотой фонд нашей нации, ведь в них – гены мужественных блокадников, которых не имеет ни одна нация в мире» [10].

Список использованной литературы и источников

1. Яров С.В. Блокадная этика : представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. – СПб. : Нестор-история, 2011. – 596 с.
2. Блокада глазами очевидцев : дневники и воспоминания / сост. С.Е. Глезеров. – СПб. : Остров, 2012. – 224 с.
3. Блокада глазами очевидцев : дневники и воспоминания. Кн. 2 / сост. С.Е. Глезеров. – СПб. : Остров, 2015. – 256 с.
4. Блокада глазами очевидцев : дневники и воспоминания. Кн. 3 / сост. С.Е. Глезеров. – СПб. : Остров, 2016. – 368 с.
5. Блокада глазами очевидцев : дневники и воспоминания. Кн. 4 / сост. С.Е. Глезеров. – СПб. : Остров, 2017. – 304 с.
6. Блокада глазами очевидцев : дневники и воспоминания. Кн. 5 / сост. С.Е. Глезеров. – СПб. : Остров, 2018. – 223 с.
7. Блокада глазами очевидцев : дневники и воспоминания. Кн. 6 / сост. С.Е. Глезеров. – СПб. : Остров, 2019. – 256 с.
8. Рисуя блокаду : дневник архитектора Я.О. Рубанчика, 1941–1944 : альбом-каталог / Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Гос. музей истории Санкт-Петербурга. – СПб., 2019. – 183 с. : ил.
9. Пернавский Г. Блокада Ленинграда : детская книга. – М. : Пятый Рим, 2019. – 78 с.
10. Середюк П.В. Святое наше воинство // Секретные материалы. – 2019. – № 11 (527). – С. 22.
11. Днём за станком, вечером – за партой (школа рабочей молодёжи при заводе «Радист») // Смена. – 1945. – 2 дек. (№ 255). – С. 4.
12. Селиванов В.Н. Стояли как солдаты. – СПб. : ЭГО, 2002. – 222 с.
13. Никольский А.Б. Воспоминания. Встреча с городом детства через семьдесят лет. – 2013. – Рукопись (личный архив А.Б. Никольского).
14. Чёрный В. Воспоминания о школьных друзьях. – 2011. – Рукопись (личный архив А.Б. Никольского).

Учителя и сотрудники школы № 183 в годы войны и блокады

Тимир-Булатова Наталья Сергеевна,

учитель ГБОУ СОШ № 183 с углубленным изучением английского языка Центрального района Санкт-Петербурга

Каждый делал свое дело, но в единении с другими создал ту непреодолимую стену, которая оградила город от падения в бездну.

С. Яров

Наша школа начала работать в 1936 году. Шаг за шагом она росла, создавала добрые традиции, спланировала коллектив учителей и учеников, улучшала свои результаты, выпускала в жизнь первых выпускников. Война прервала эту счастливую школьную жизнь, разделив ее на короткую довоенную, трагическую военную, долгожданную мирную послевоенную.

Весной 1941 г. в школе работали почти 50 педагогов, 10 человек обслуживали здание. Как сложились их судьбы в годы войны и блокады?

Нам повезло: в архиве Комитета по образованию и в школьном архиве сохранились документы (книги приказов, аттестационные карточки, Летопись школы, фотографии), благодаря которым мы складывали картину жизни коллектива сотрудников школы по время войны. Помогли воспоминания выпускников и родственников педагогов военной поры. Трудно переоценить важность банка данных МО РФ «Мемориал».

Воевали на фронтах Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.

С началом войны в армию были призваны военнообязанные учителя, среди них **директор школы Алексей Иванович Титов**. Он ушел на фронт в июле 1941 г. Химик по образованию, Алексей Иванович служил в батальоне химической защиты 272-ой стрелковой дивизии. В 1941 – 1944 гг. воевал с финнами на Карельском перешейке, в 1945 г. – с немцами в Померании. В семье бережно хранят письма Алексея Ивановича с фронта, его стихи и рисунки, присланные дочерям. Погиб при освобождении Польши в феврале 1945 г. Семья нашла место захоронения А.И. Титова в 2015 году.

Военрук школы А.Г. Ефремов мобилизован в действующую армию Куйбышевским райвоенкоматом 18.07.1941 г.

Даниил Владимирович Волков работал в школе старшим пионерским вожатым с 1937 г. Служил на Западном фронте политруком 1160 стрелкового полка 352 стрелковой дивизии 20 армии. Погиб в бою 19.01.42 г. в д. Воютино (под Волоколамском) в ходе Московской битвы.

Завхоз школы Петр Матвеевич Понамарев ушел на фронт добровольцем, воевал в 1025 стрелковом полку на Ленинградском фронте. Старший сержант, командир отделения. Умер в госпитале от туберкулеза легких 2.09.1942 г., похоронен на Пискаревском кладбище.

Комсорг **Елена Александровна Пенкнович** ушла на фронт 22.07.41 дружинницей народного ополчения. С 01.05.42 г. – младшая медсестра хирургического отделения эвакогоспиталя № 1171 12.07.43 г., награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Иван Авдеевич Джемига был комсоргом школьного комитета ВЛКСМ. Ушел на фронт добровольцем в дивизию народного ополчения. Воевал на Пулковских высотах в составе 119 стрелкового полка 13 стрелковой дивизии. Старший лейтенант, заместитель командира роты. 31.05.1943 г. награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Спасали детей в эвакуации. 1941–1944 гг.

Завуч Екатерина Александровна Фокина возглавляла группу учеников, эвакуированных 4 июля 1941 г. в Ленинградскую, потом в Кировскую область. В 1941 – 1944 гг. была директором интерната №183, который работал в д. Колосово Шабалинского района Кировской области, преподавала в местной школе-семилетке русский язык и литературу. Вернувшись из эвакуации, работала в школах № 188, 181, 184. Была любима учениками. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941-1945»

Библиотекарь Вера Александровна Кабанова в эвакуации будучи воспитателем в школе-интернате для старших (с. Новотроицкое Шабалинского района), «врачевала души» подопечных чтением пушкинских стихов. И своей любовью. До последних дней жизни Веры Александровны в ее квартире по субботам собирались ученики.

Софья Григорьевна Левина в эвакуации была воспитателем группы мальчиков-старшеклассников (с. Новотроицкое). Преподавала историю в местной школе-десятилетке.

Учили детей в блокадном Ленинграде. 1941–1944 гг.

Большинство учителей остались в Ленинграде и стали готовить здание школы к обороне. Руководил ими **первый блокадный директор школы А.А. Перов**. О нем известно

мало: возглавлял школу в самое тяжелое время – с 09.1941 г. по 07.1942 г. В мае-июне 1942 г. (уроки проходили в здании нашей школы) преподавал географию в 6 классах.

Круглосуточно дежурили группы самообороны, состоящие из учителей, учеников и работников школы. Группами самообороны осенью 1941 г. – зимой 1942 г. в разное время руководили **Ф.Ф. Глебов** (учитель рисования, погиб в 1941 г.), **Б.Н. Григоров** (учитель физики и астрономии, умер в 1942 г.), **М.А. Никитина** (учитель черчения, пропала без вести в 1943 г.).

Педколлектив школы работал всю войну, обучая детей то в здании нашей школы, то соседних школах. В классах числились 10-12 человек, а на уроки приходили 6-7. В эти страшные годы учителя спасали детей от холода, голода и одиночества. **Анастасия Павловна Соловьева** была учителем географии. «Учитель от бога! Тоненькая, маленькая, рассказывала о путешествиях так, что уходить с урока не хотелось», – вспоминает Э.С. Василевская. **Юлия Яковлевна Хайтман** всю войну преподавала математику в 4-6 классах, летом направлялась с учащимися в пригородные подсобные хозяйства «на огороды».

Савва Семенович Банкузов работал в школе с 1937 по 1944 гг. учителем математики. О нем и сейчас с теплом вспоминают выпускники. **Николай Антонович Котляревский**, учитель русского языка, работал в школе летом 1941 г., а страшной зимой 1941-42 г. умер от голода.

Ученики младших классов учились в бомбоубежищах. С ними занимались **Александра Васильевна Рослякова** (1 класс), **Александра Игнатьевна Чаевская** (вела 2 класс, эвакуирована 1.03.42), **Анна Павловна Гурвич** (3 класс; у нее украли карточки на всю ее семью), **Яков Григорьевич Кацнельсон** (историк, вел 3 класс, заведовал библиотекой, умер в 1942 г.).

Говоря о деятельности педагогов в годы блокады, нельзя не упомянуть и школьных работников, которые заботились о здании школы. 11 октября 1941 г. дворник **Иван Лазуто**, находясь на ночном дежурстве во главе группы самообороны учащихся, погасил 4 из 6 зажигательных снарядов.

Все любили **Николаева Михаила Николаевича**, дядю Мишу, который с 1937 г. работал в школе швейцаром, а с ноября 1941 г. – дворником. С 1943 г. он отвечал за сохранность здания школы.

Всего были найдены сведения о 39 учителях (8 из них погибли или умерли) и 14 (5 умерли) работниках школы, работавших в разные периоды блокады. По-разному сложились их судьбы. Одни защищали свою Родину, свои семьи, своих учеников с оружием в руках; другие заменили ученикам родителей в эвакуации; третьи, сами еле живые от голода, спасали их в городе, зажатом кольцом блокады. И все они остались преданы своему делу. Их имена навеки вписаны в школьную историю! Но тема не закрыта. Мы продолжаем наши поиски.

Марк Иванович Морозов – учитель, руководитель, человек. О заведующем РОНО Смольнинского района в годы войны и блокады по материалам школьного музея ГБОУ гимназии № 166

Калмыкова Елена Владимировна,
учитель истории, заведующий музеем ГБОУ гимназия № 166
Центрального района Санкт-Петербурга

Школа № 166 – одна из ленинградских школ, работавших в годы войны и блокады. В дни тяжелых испытаний ее учителя и ученики продолжали учить и учиться, принимали участие в обороне города, помогали ему выжить. Учебный год в школе в 1941 году начался 3 ноября. После того, как в здание в Прудковском переулке попала фугасная бомба, занятия шли с перерывами, вынужденными переездами из одного помещения в другое. Несмотря на все трудности, четыре ученика 166-й окончили самый тяжелый блокадный 1941–1942 учебный год с отличием. В послевоенные годы в школе стали собирать материалы об учениках и учителях военного времени, о выпускниках, погибших на фронтах войны. Они стали основной частью экспозиций открытого в 1980 году школьного музея «Школа. Война. Блокада».

В одном из музейных залов есть стенд, посвященный Марку Морозову. Старое фото – мальчик с тонкой шеей и чуть вздернутым носом. Гордость школы! Марк окончил ее с отличием в 1938 году, поступил в университет на филологический факультет. Преподаватели прочили ему яркое будущее, но началась война. Юноша ушел добровольцем на фронт, погиб в самом начале войны, защищая родной Ленинград. Сохранилось несколько писем Марка с фронта. Все они начинаются со слов: «Дорогие папочка и мамочка!». Марк был единственным сыном Марка Ивановича Морозова – человека, который спас десятки жизней детей и учителей

во время войны. Личное горе и трудности блокадной жизни не сломили его. «Безумно любя детей, он делился с ними всем, что имел, и заботился о них, как родной отец», – читаем о нем в воспоминаниях коллег.

Свою педагогическую деятельность М.И. Морозов начал в 1917 году. Ему, одному из первых в Ленинграде, было присвоено звание заслуженного учителя РСФСР. В предвоенные годы Марк Иванович был директором 166-й школы, жил в одной из квартир в школьном здании. Сохранились свидетельства, что практически все пространство его квартиры занимали книги. Библиотека насчитывала около пяти тысяч томов. «В школе при нем царила жесткая дисциплина... Директор был требовательным, но было в нем одно особое качество... если люди, окружавшие его, трудились добросовестно, то он мог сделать для них все...», – вспоминал заведующий хозяйством школы А. П. Михайлов.

«Сделать все, что возможно, и даже то, что кажется невозможным!». Судя по сохранившимся документам и воспоминаниям, именно этим жизненным принципом руководствовался Марк Иванович уже во время войны. В самые тяжелые для страны и города годы он занимал должность заведующего Смольнинского РОНО, руководил организацией учебного процесса в школах, работой детских садов в районе. Перед началом 1941–1942 учебного года Марк Иванович выступил по радио с обращением к ленинградским

школьникам. Для поддержания веры в победу он делал доклады на исторические темы для работников учебных заведений. В воспоминаниях учителей сохранилась одна из тем его выступлений – «О патриотизме русских в войне 1812 года». Занимался эвакуацией учащихся. Не забывал про те детские учреждения, которые уже находились в эвакуации, поддерживал с ними связь: к каждому празднику они получали поздравления и письма из родного, осажденного врагом города. Вместе с коллегами организовывал праздники для школьников блокадного Ленинграда.

В начале 1942 года в действующих школах Смольнинского района были организованы елки. По воспоминаниям завуча 155 школы Брудно Л. Е. подарки состояли «из нескольких фруктовых конфет, нескольких изюминок, печенья и орешков в очень ограниченном количестве». Городские школьные елки были устроены и для старшеклассников. Они проводились 3, 4 и 5 января в зданиях театров. Школьники Смольнинского района посетили елку в театре драмы им. А. С. Пушкина.

Марк Иванович помнил имена учителей из разных школ. Многие педагоги, пережившие блокаду, с благодарностью вспоминали: «Он помог нам достать стекло на керосиновую лампочку, и дома сразу стало по-другому...», «Марк Иванович помог наладить мои квартирные дела...», «...помог моему мужу и тем спас его от смерти...». Известный в городе человек, он не гнушался тогда ничем, и если требовали обстоятельства, ходил за лекарством для своих коллег, доставал теплые вещи. Для учителей Смольнинского района было организовано дополнительное питание: ежедневно, кроме пайка, они получали порцию дрожжевого супа, за которым ходили в свою школу.

При участии Марка Ивановича еще весной 1942 года по инициативе РОНО был организован стационар для самых ослабленных учителей. В нем они получали медицинскую помощь и усиленное питание. Стационар размещался на первом этаже 157-й школы. Помещение хорошо отапливалось, люди могли умыться, причем теплой водой. Жили в стационаре посменно, по 10 дней 50 человек. Некоторых учителей в стационар привозили на саночках, а уходили из него они уже сами.

Учителя блокадного Ленинграда разделили общую судьбу с жителями города. В музее гимназии № 166 хранится документ – выписки из книги приказов об увольнении сотрудников в 1941–1943 гг. по причине смерти, страшный скорбный список, состоящий из 12 имен. Перед заведующим РОНО М. И. Морозовым стояла сложная задача не только найти замену погибшим учителям, но и подобрать правильные слова для выживших учителей, перед которыми он ставил практически невыполнимые новые цели. Их достижение требовало самоотверженности, полной отдачи сил, напряженного труда. Под руководством М. И. Морозова и при его непосредственном участии в районе были открыты специальные детские дома, куда помещались больные, обессилые голодом дети.

Из воспоминаний учительницы математики 156-й школы Н. В. Балуевой: «В нашем районе намечалось открытие детского приемника-распределителя. Меня вызвали в РОНО, и М.И. Морозов сообщил, что я назначена заведующей приемником. Нужно было срочно подготовить помещение – очистить его от страшной грязи... Нам сразу доставили 300 детей разного возраста, страшных, истощенных. Большинство не могло стоять от слабости, их принесли. Необходимо было каждого вымыть – воды не было. Растапливали снег... дезинфицировали или сжигали их одежду...». РОНО открывал в срочном порядке один детский дом за другим. Из воспоминаний инспектора охраны детства Смольнинского района А.Г. Зильбершер, которая работала вместе с М.И. Морозовым: «Зима 1941–1942 гг. резко изменила жизнь нашего города. Поток осиротевших детей хлынул в Отдел народного образования, и немедленная помощь им стала неотложным вопросом... С момента подписания приказа об открытии детского дома до дня начала его работы проходило всего 5-6 дней. За это время нужно было привести в порядок здание, добыть и доставить мебель и оборудование, белье, организовать пищевой блок. Медлить было нельзя. В РОНО стояла толпа детей. Их привозили и приносили соседи, управхозы, дружинницы, учителя... Работа не прекращалась ни днем, ни ночью... Коллектив работников состоял главным образом из учителей... Надо было преодолеть отсутствие воды, света, недостаток топлива... Надо было собой заменить транспорт...».

Иногда Марк Иванович вместе с учителями обходил квартиры, спасая детей, оставшихся без родителей.

Об оформлении документов по всем правилам при приеме детей в детские дома не могло быть и речи. Некоторые дети не могли или не хотели отвечать на вопросы. В черновых тетрадях приема сохранились записи: «мальчик из милиции», «девочка, которую привел Марк Иванович».

Как сложилась судьба Марка Ивановича в послевоенные годы? Известно, что он продолжал вести активную общественную работу, писал статьи в газеты, выступал по радио. В 1953 году как представитель советского учительства выступал в Англии с докладами о советской школе. Его неутомимая энергия, любовь к школе воплотилась в новой работе. М.И. Морозов возглавил Совет ветеранов педагогического труда Смольнинского района. Благодаря ему пожилые учителя были окружены вниманием, не чувствовали себя оторванными от жизни и одинокими.

Очень важным для Марка Ивановича был вопрос сохранения памяти. В музей родной 166-й школы он передал самые дорогие семейные реликвии: личные вещи погибшего сына, его документы, стихи и последние письма с фронта. Благодаря этому человеку были собраны бесценные материалы о работе школ Смольнинского района в 1941–1945 гг., которые бережно хранятся и исследуются в музее «Школа. Война. Блокада».

Блокадный дневник Юры Ерофеева

Ермилова Ирина Борисовна,

заведующий музеем ГБОУ СОШ № 222 с углубленным изучением немецкого языка
«ПЕТРИШУЛЕ» Центрального района Санкт-Петербурга

В архиве нашего музея истории Петришуле хранится около 200 подлинных документов времён блокады Ленинграда. Это школьная документация 1941-44 годов: приказы, расписания, списки, письма и записки, заявления, характеристики и т.п. А также хранятся 11 воспоминаний о блокаде учеников школы и учителей, но наиболее ценным является дневник ученика 10 класса Юры Ерофеева. Его дочь, тоже выпускница нашей школы, предоставила нам копию дневника. В этом дневнике, довольно лаконичном, день за днём описана его жизнь. Дневник начат ещё до войны, 23 марта 1941 года, и мы узнаём, что Юра занимался в кружке шахматистов во Дворце пионеров. Обрывается дневник 15 мая и возобновляется 2 ноября 1941 года, перед началом занятий в школе. Последняя запись 22 апреля 1942 года. Ценность этого дневника именно в том, что не пропущено ни одного дня страшной блокадной зимы.

Жил Юра Ерофеев вдвоём с мамой в коммунальной квартире в доме 24 по Невскому проспекту. Окно их небольшой комнаты выходило на улицу Софьи Перовской. Им несказанно повезло, мама Юры копила сахарный песок к лету на варенье, и у них был почти целый мешок сахарного песка! Это спасло им жизнь. В начале дневниковые записи более развёрнуты и выглядят так:

2-го ноября 1941 г. – воскресенье

Не писал, потому что не было времени. Сегодня начинаю писать. Завтра начнём заниматься. Положение в смысле питания скверное. Сливочного масла не дают. Дают 300 г на месяц хлопкового. Хлеба получаем 400 г в день, по 200 г. Тревоги бывают. Но реже, чем в октябре и сентябре. Погода скверная, тучи, слякоть. Часто слышны разрывы артиллерийских снарядов.

3 ноября 1941 г. – понедельник

Первый день учились. Дали нам супу. Мама работает. Ходил в библиотеку. Сменил книгу. В 6 ч. 45 мин. началась тревога, кончилась в 7 ч. 35 мин. Погода была ничего. В 7 ч. 38 мин. опять тревога. Видимо, рано дали отбой.

Юра подробно отмечает все воздушные тревоги, прислушивается к взрывам и предполагает, куда легли снаряды или бомбы. Его дневник напоминает журнал МПВО. О школе он пишет не так много:

5 ноября – среда

В школе было 4 урока. По физике загород. Надо подзаниматься. Вместо 5-го урока был митинг. Сходил в «Норд», взял на карточки конфет шоколадных.

6 ноября – четверг

Ночью было две тревоги, но я проспал. В школе не вызвали. Н. Дементьева не пришла в школу, у неё разбило дом бомбой. Не знаем. Жива ли она. Там же жил Женя Андреев. Тоже не знаю, жив ли. Ходили с Борькой смотреть. Весь дом разрушило. Нашли тетрадку Жени на улице. Взял на память. Борька нашёл листок из записной книжки. Вечером было две тревоги. Пишу в 8 ч. 30 м. Может ещё будет. Не знаю. Больше не было.

10 ноября – понедельник

На истории вызвала, кое-как ответил. Поставила птичку. По немецкому не спрашивала. По окончании физкультуры

стала тревога. До 2 часов 50 минут длилась. Обед не дали. Довольствовался одними щами. Вечером, если можно назвать вечером 5 часов, ходил в «Норд». Выпил чаю с двумя пирожными. Л. и Ира в школу не ходят, может уехали. Не знаю. Все эти дни ведётся обстрел города из орудий. Каково учителям, когда их на полуслове обрывает разрыв снаряда? Но понемногу привыкаем. Труднее привыкнуть к нехватке продуктов. И вообще можно ли привыкнуть к этому? Люди все стали нервные и злые. Ничего ни у кого толком не добьёшься. Сейчас все себя упрекают, что раньше мало ели. Мясных блюд употребляешь 1 раз в 10 дней, да и то не наешься.

Юра ходит в школу на круглосуточные дежурства на крыше. Учится без особого рвения. Ходит в кино, в «Баррикаду».

21 ноября – пятница

В школе писали сочинение по литературе. Поесть ничего не дали. В школе из 42 чел. по списку было 12. Остальные не заплатили и не ходят. Жрать становится нечего. Мяса, хотя и по карточкам. Не достать. У нас в доме давали конину по карточкам, жуткая очередь. С каждым днём всё хуже жить. Всё время стреляет дальнобойная артиллерия с обеих сторон. Погода скверная. Без снегопада. Низкая облачность. Тревог пока нет. Свету нет. Может быть вечером будет, не знаю. В 6 часу была маленькая тревога. Свет дали. В 6 ч. 35 мин. началась ещё тревога. Длилась 2 ч. 10 мин. Зенитки стреляли здорово. Бомба упала, говорят, на углу Невского и канала Грибоедова. Сотрясение было здоровое. В нашем доме у некоторых вылетели стёкла. У нас только форточка открылась. Через 1-2 минуты опять тревога. Мы пошли в бомбоубежище. Кончилась в 10 ч. 15 мин. Бомба упала очень большая. Так как напротив 3 дома повреждены так, что жить в них нельзя. Всё время стреляла дальнобойная немцев.

Мы из кратких Юриных записей узнаём, когда отключили в городе свет, как нарастал голод. Записи становятся всё более краткими и сводятся только к тому, что удалось в этот день съесть, но в то же время он пишет о победах нашей армии:

10 декабря – среда – 1941 г.

Утром узнали хорошую вест. Наши войска под командованием Мерецкого разбили 3 немецких дивизии и заняли Тихвин. Теперь в школе, говорят, суп будет всё время без карточек. Это похвально. Холод в классах всё время адский. Отсидел 4 урока, а с последних двух ушли. Суп дали нам с макаронами. Дома запасы рассасываются. Скоро ничего не останется. Одна надежда, что улучшится наше положение. Уроки никакие не делал. Д.И. спросил, почему не был, я сказал, что живот болел. Ничем не угрожал. Вчера в классе из ребят был один Аркашка Нисневич. Им и вчера дали суп. От недоедания чувствую слабость и очень быстро замерзаю. Урок для нас стал пыткой.

Очень интересно описание празднования Нового 1942 года.

7 января – среда – 1942 г.

Сегодня состоялась обещанная ёлка. В 10 ч. собрался в школу. Дали нам жидкий мучной суп и билеты. Мне достался на «Свадьбу в Малиновке» билет 3-ий ярус 3 ряд. Место плохое. Но, как говорят, дарёному коню в зубы не смотрят. Ёлка была в театре Драмы. Спектакль ничего. Танцы не

жизнерадостны и вообще. Такое впечатление, как будто, все заморожено. После спектакля были танцы и встречи с Королькевичем и Кедровым, но я не был, так как пошёл обедать. Обедали в ресторане «Метрополь». Обед состоял из 3-х блюд. На первое дали суп с морковью и какой-то крупой, но очень жидкий. На второе – котлету с ложкой гречневой каши и на 3-е – желе фруктовое. Дали 50 г. хлеба. Хорошо, но мало.

«Блокадный» директор – Фаина Абрамовна Усвят

Аршанская Анастасия Юрьевна,

руководитель ОДОД ГБОУ СОШ № 222 с углубленным изучением немецкого языка

«ПЕТРИШУЛЕ» Центрального района Санкт-Петербурга

Весной 1941 года директором 222 школы была назначена молодая учительница истории, работавшая с 1939 года в школе № 15 Куйбышевского района, Фаина Абрамовна Усвят. Ей суждено было возглавлять в самую страшную блокадную зиму не только эту школу, но и все, объединённые школы под крышей бывшей Петришуле.

Фейга Абрамовна Усвят родилась 22 сентября 1906 года в местечке Журавичи Журавичского района Гомельской области в Белоруссии. Всего в семье было пятеро детей: три сестры и два брата. Они рано остались сиротами, и все воспитывались в детском доме. В Ленинград все братья и сёстры переехали в конце 1925 года. И сразу Фаина Абрамовна поступила на работу в отдел народного образования и стала учиться в ленинградском Педагогическом институте. В 1928 году она вступила в ряды КПСС.

С 1934 года работала инспектором по кадрам в РОНО Куйбышевского района Ленинграда, а затем учительницей истории в неполной средней школе на Фонтанке, 46 – № 35. В 1940 году Фаина Абрамовна окончила педагогический институт и уже с 17 апреля 1941 года – она директор школы № 222.

Началась война. Оба брата, старший – Лев и младший – Яков, ушли на фронт. Старшая сестра Ида в это время работала в Москве. Фаина Абрамовна осталась в Ленинграде вдвоём с младшей сестрой Анной, работавшей на Механическом заводе им. Сталина инженером-экономистом. Жили они тогда на Сапёрном переулке в доме 10 кв. 15. С первого дня войны Фаина Абрамовна была в школе. В нашем архиве хранится около 200 документов времён блокады Ленинграда, в том числе воспоминания учеников, один дневник. И отчёт Фаины Абрамовны, очень подробный, о работе школы в период с 22 июня 1941 года по сентябрь 1942 года.

В первый же день сразу устанавливается в школе круглосуточное дежурство, создаётся штаб в составе: директора – начальника объекта, завуча – начальника штаба и секретаря комсомольской организации. Из учителей и учащихся создаётся группа самозащиты, которая сразу приводится в боевую готовность. 26 июня Финляндия вступает в войну. 27 и 28 июня Военный Совет и горком партии Ленинграда приняли решения о формировании армии добровольцев, о подготовке к эвакуации населения. Ожидалось наступление со стороны Финляндии. Направление начавшейся 29 июня эвакуации детей дошкольного и младшего школьного возраста было выбрано на юго-восток Ленинградской области и в Новгородскую область. В течение двух дней надо было выполнить задание по эвакуации младших школьников. 30

Юре удалось пережить эту зиму, болела его мама, болел и он сам, но работал на уборке города, дежурил в школе, хоронил товарищей, порой был озлоблен, порой окрылён надеждой. Он окончил 10 класс, и как все почти мальчики его класса ушёл на фронт, воевал, потом окончил Военную Академию, стал кадровым военным.

июня ребята в количестве 255 человек организованно двинулись на Октябрьский вокзал. Дети 222 школы были размещены в 12 километрах от станции Бурга, в деревне Полищи. Школьников 217 школы разместили в деревне Ольховец в двух километрах от деревни Полищи. Были организованы проживание, питание, труд и отдых детей, но 8 июля немецкая авиация стала бомбить станцию Малая Вишера и другие станции. Над Маловишерским районом нависла опасность оккупации. В ночь с 19 на 20 июля председатель сельсовета товарищ Карпов дал 10 подвод до станции Бурга. Со станции Бурга эшеленом удалось вернуть всех детей в Ленинград.

Школа готовилась к войне, школьники и учителя таскали на чердаки песок, заклеивали стёкла бумагой, следили за светомаскировкой. В то же время учителя работали на эвакуационных пунктах и военкоматах, другие вместе со старшеклассниками работали на оборонных работах и на огородах. Директор школы № 217 Лазаренко Тимофей Прохорович призван в РККА 20/8 1941. Директором обеих школ была назначена Фаина Абрамовна Усвят. С июля по октябрь 1941 года по нарядам РК ВЛКСМ в город Пушкин и на ул. Стачек д. 101 школой ежедневно направлялись на огороды более 100 человек учащихся 5–7 классов. Учащиеся 9–10-х классов, работали на оборонных работах в районе Средней Рогатки и сооружении водоёма у школы № 211.

В сентябре ввиду того, что многие здания школ были заняты под госпитали и другие военные учреждения, были созданы т.н. «кустовые» школы, объединившие ребят из разных школ. Такой «Кустовой» школой стала и наша, объединившая 222, 217, 208 и 214 школы, располагалась эта объединённая школа в здании со стороны Малой Конюшенной улицы (тогда ул. Софьи Перовской, д. 5). Занятий ещё в школе не было, но дети приходили в школу. Были организованы круглосуточные дежурства команд противопожарной обороны и санитарных звеньев. Сохранились документы этого времени – списки этих звеньев, приказы, заявления. Решением Ленгорсовета от 26 октября 1941 года о начале учебного года открылось 39 школ в городе. В бомбоубежища сотрудниками школы были завезены парты, столы, классные доски и другие учебные пособия. Группы учащихся создавались от 15 до 25 человек. И к 20 октября было скомплектовано 26 групп с количеством учащихся 366 человек. Всего учащихся на начало учебного года было 1040. Учителя были из разных школ, но главным образом из 217 и 222.

Работа школы зимой - организация этой работы, организация питания, помощи учителям и учащимся, организация празднования Нового 1942 года, участие в учительских районных и городских конференциях – всё это легло на плечи

Фаины Абрамовны. К ней обращались за помощью. Весной школа, как и все жители, участвовала в уборке города. 20 апреля 1942 вышел приказ по ГОРОНО Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся «в целях предупреждения детской безнадзорности и подготовки к предстоящему 1942/43 учебному году постановляют с 3/5 на базе школ развернуть работу с детьми». На 4 мая в школе было зарегистрировано 17 классов общей численностью 639 учащихся. Летом 1942 года были организованы сельхозработы школьников на огородах города и в ближайшем совхозе. Школа готовилась к новому учебному году, но было принято решение о консервации школы. Учителя были переведены на работу в другие школы. Фаина Абрамовна и ещё несколько человек были оставлены в нашей школе следить за её сохранностью. Школа возобновила свою работу с 1 сентября 1944 года, как и 222 мужская школа, где директором была Фаина Абрамовна до 1946 года, пока рядом не заработала

217 женская средняя школа, которую до 1962 года, до ухода на пенсию, возглавила Фаина Абрамовна.

Фаина Абрамовна всю свою жизнь отдала нашей школе. Жила она с одинокой младшей сестрой Анной на Рубинштейна 15/17, кв. 428. Умерла Фаина Абрамовна 17 ноября 1973 года. Награды Фаины Абрамовны: Медаль «За трудовую доблесть»; Медаль «За трудовое отличие»; Медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны»; Медаль «За оборону Ленинграда»; Медаль «В память 250-летия Ленинграда».

Старший брат директора Лев погиб в 1942 году на Ленинградском фронте, старшая сестра Ида умерла одинокой в Москве в 1977 году. И только благодаря потомкам младшего брата Якова, которые проживают теперь в США, нам удалось отыскать могилу Фаины Абрамовны на кладбище «Жертв 9 января». Теперь актив музея истории Петришуле и школьный совет осуществляют уход за могилой своего «Блокадного директора».

11 школа Володарского района в годы блокады (по воспоминания ученика школы)

Овчинникова Анастасия,

учащаяся 10 класса, ГБОУ СОШ № 349 Невского района Санкт-Петербурга

(руководитель – Васильева Н.Б.)

На официальном сайте нашей школы размещена информация, что в период с 1942 по 1944 годы в школе № 340 размещался эвакуогоспиталь, которая нам стала известна из официального ответа на наш запрос в городские архивы. Мы предложили, что в декабре 1941 года в школе закончили давать уроки и учеников распустили по домам в связи с тяжёлой ситуацией в блокадном Ленинграде. Но в ходе интервьюирования бывшего ученика школы, блокадника и заслуженного артиста Большого Санкт-Петербургского Государственного Цирка – Владимира Казимировича Шилинского-Лерри нам удалось выяснить, что мы ошибались. Школа продолжала работать до февраля 1942 года, и учеников никто не освобождал от занятий. На них сказались тяжёлые условия блокады: кто-то не пришёл из-за того, что был болен дистрофией – блокадной болезнью, которая развивалась по причине голода, кто-то не смог прийти, потому, что смерть не щадила даже детей.

В архиве школьного музея мы нашли «Алфавитный список учащихся 11-й школы Володарского района с 1 сентября 1938 года. Приём с 1936 – 1940 год». В этой книге в алфавитном порядке были внесены следующие данные: фамилия, имя, отчество ученика, домашний адрес, в какой класс принят, дата поступления, дата выбытия, из какого класса выбыл. Книга пронумерована и прошита. На 176 странице под №29 мы нашли запись: Шилинский Владимир, адрес: Земская д.7, квартира 2, принят в первый класс 1 сентября 1940 года, что подтверждает, что Владимир Шилинский еще до начала блокады учился в нашей школе. Пометок о выбытии из данной школы этого ученика в книге не имеется.

По воспоминаниям Владимира Казимировича школа начала свою работу в октябре 1941 года. На втором этаже, в учебном кабинете проводились занятия второго класса, по словам В. К. Шилинского дети невнимательно слушали учителей, отвлекались, всем хотелось на фронт «бить фашистских гадов». Помимо учебных занятий, в школу приходили люди,

которые учили детей правильно тушить «зажигалки», рыть траншеи, как правильно одевать противогазы и действовать при газовой атаке, как действовать при попадании в здании снаряда или бомбы.

В семейном архиве Владимира Казимировича сохранилась фотография его класса, сделанная в октябре 1941 года – это страшный документ, из двадцати шести учеников, запечатленных на фотографии, блокаду пережили только двое.

Нам так же удалось больше узнать о школьных днях ребят: о новогодней ёлке, которая была устроена в нашей школе, о дежурстве ребят на крыше школы, о том, что самые сильные ученики, в том числе Владимир Шилинский помогали военным рыть окопы, и за эту работу получали сухари.

Используя воспоминания Владимира Казимировича, удалось составить более точную картину деятельности нашей школы во время блокады, а именно, что школа функционировала как учебное заведение до января 1942 года и прекратила свою деятельность в связи с отсутствием учеников.

В 1943 году перед эвакуацией Владимир Шилинский вновь приходит в школу за необходимыми справками, все документы ему были выданы, видимо, дежурным сотрудником школы и тогда же, по выражению Владимира Казимировича, он «выпросил» блокадную фотографию своего класса.

После войны семья Шилинских вернулась в город, но доучиться в школе Владимиру не пришлось, он поступил работать на завод и посещал уже вечернюю школу, потом армия, и новая страница жизни – цирковая.

Дети блокады – самые настоящие герои. Они учились в городе, который бомбили, обстреливали и хотели сровнять с землёй. Ребёнок не смог бы полностью понять того варварства и жестокости, с которым фашисты пытались уничтожить Ленинград. И всё же, несмотря на все невзгоды, ленинградцы смогли выстоять и победить смерть.

На примере судьбы жителя блокадного города и бывшего ученика 11 школы Володарского района – Владимира

Казимировича Шилинского-Лерри, можно понять, что в блокадном городе некоторые школы продолжали работать, ученики посещать занятия, пока у них оставались силы. Не только взрослые ощущали долг работать во благо своей страны и своего города, но и совсем ещё юные жители делали все, что

могли для Победы. По воспоминаниям блокадных детей: они старались очень хорошо учиться, и тем самым внести свой вклад в будущую Победу, в которой никто не сомневался. Ленинград не сдавался. Ленинград жил.

История школы № 207 в воспоминаниях блокадных учащихся

Гершанюк Ульяна,

учащаяся 11 класса, ГБОУ СОШ № 207 с углубленным изучением английского языка
Центрального района Санкт-Петербурга
(руководитель – Булаткин Ю.С.)

С началом Великой Отечественной войны многие школы нашего города были переоборудованы в госпитали, отданы воинским частям, но наша школа продолжала действовать, учить детей даже в блокадное время. На место детей, которым удалось эвакуироваться, пришли ученики школ, переоборудованных в госпитали. Эту учёбу с полным правом можно называть подвигом детей и педагогов. Дань наивысшего уважения мы отдаём Сухоруковой М.Н., Шаповаловой М.И., Южанскому А.П. и многим другим учителям, которые были рядом с детьми, поддерживали в них тягу к жизни и знаниям.

«Завуч школы, Сухорукова Мария Николаевна, каждый день ходила на работу с Васильевского острова, по десять километров ежедневно. Каково это – зимой, через снежные заносы, истощавшему человеку, который весил сорок семь килограммов? Мария Николаевна работала в 207-й школе до самой смерти, которая случилась на уроке литературы. Весь город хоронил простого учителя (случай уникальный) – прощание проходило во Дворце пионеров им. Жданова».

8 сентября 1941 года Ленинград оказался в кольце блокады. Но жизнь в городе продолжалась. Занятия в школе начались на месяц позже – 1 октября. Света и отопления не было. Уроки проходили на первом этаже, в помещении физкультурного зала (сейчас там находится столовая), который шкафами и фанерой был разделен на несколько «классов». Учебники имелись только по основным предметам – русскому языку и алгебре. Тетрадей не было почти ни у кого, ребята писали на полях журналов и газет. Часто уроки прерывались воем сирен, взрывами бомб. И тогда все спускались в бомбоубежище соседнего дома, продолжая заниматься при коптилках – маленьких фитильках в баночках из-под гуталина.

Детей в школе кормили – давали несладкий чай, булку, а иногда и жидкий супчик, в котором плавали кусочки овощей, выращенных на грядках во дворе школы. Для многих детей этот источник питания был единственным, поддерживающим их жизнь. И они жили. А если вдуматься – каждый день совершали подвиг. И дети, которые, падая от истощения, каждый день шли в школу, и учителя, которые ежедневно вели уроки и ставили оценки в привычные школьные журналы.

Выпускница нашей школы *Дина Истомина* вспоминала, что по дороге в школу дети погибали от истощения. Так ушла в школу и не вернулась домой ее ближайшая подруга и одноклассница Ада Маслова, она погибла прямо на улице.

Случалось, что подобные трагические события происходили и в стенах школы. Так, *Эмилия Лумельская* (Криксунова), учившаяся в 207 школе в период блокады, оставила музею школы свои воспоминания о блокадных днях. Дети не замыкались на себе. Они старались помочь окружающим. Вместе с другими ребятами Эмилия расчищала снег, носила воду тем, кто

уже не мог ходить. Она вспоминает самое страшное впечатление тех лет: она сидела за одной партой с весёлой девочкой Машей, которая никогда не унывала и поддерживала склонную к грусти Милу. Но в этот день грустной была сама Маша. Часто ложилась головой на парту. На одном из уроков после звонка Маша не поднялась с парты. Оказалась, умерла. Потом такие случаи стали привычными...

В конце января 1942 года в некоторых классах осталось по два-три человека. Но ребятам было некогда жалеть себя и сетовать на судьбу. Они чувствовали себя частью сражающегося народа: тушили зажигательные бомбы, помогали друг другу, соседям, просто прохожим. Девочки, чтобы поддержать мальчиков, которым приходилось тяжелее всего, отдавали им часть своего крошечного пайка. В десятом классе была создана тимуровская команда: тимуровцы носили с Фонтанки снег, растапливали его и готовили чай для жильцов трех квартир в доме на углу улицы Марата и Невского проспекта, отоваривали их карточки. Там уже никто не вставал с постелей, и люди были благодарны за то, что им раз в сутки приносили драгоценную воду и кусок хлеба.

Наша школа в годы блокады принимала учащихся и других учебных заведений. Одна из таких учащихся, волею судьбы, оказавшаяся в школе 207 *Татьяна Максимовна Бирштейн* вспоминала: «До войны я училась в школе на улице Восстания, дом 8, она и сейчас существует. Это была гигантская школа с большим числом параллельных классов. Так, в первом классе я училась в классе, который назывался первым девятым классом. Во время войны в нашей школе был госпиталь, всех перевели в соседнюю 207 школу.

Я ходила в школу почти до последнего дня, пока не свалилась. В школе нам давали горячий суп, который был не из чего. Последний суп, который я ела (я запомнила, он стоил 3 копейки), – вода, в которой плавал кусочек солёного помидора. Суп нам давали на класс. Каждый день приходило всё меньше и меньше народу, но мы брали суп на всех по списку. Занимались мы в бомбоубежище. У меня сохранился мой табель (ведомость) 1941/1942-го учебного года. Я вообще прирождённая отличница. Первая четверть: здесь у меня по естествознанию стоит «посредственно» – тройка. Я помню, что была письменная работа, нужно было писать, а было очень холодно, мёрзли руки. И я получила непривычную для себя «тройку». В таких жутких условиях жили и учились. Потом занятия прекратились, двух четвертей не было, потом весной – продлённая четвертая четверть. И тех детей, которые хоть сколько-то учились, по результатам экзаменов перевели в следующий класс. В моем табеле оценки за экзамены: русский письменный и алгебра. Меня перевели в 7-й класс».

Сохранились и воспоминания *Ефрема Моисеевича Штейнбока*, одноклассника Татьяны Максимовны:

«19 сентября был чудесный солнечный день. Я дежурил связным в школе (было примерно 6 часов вечера). В обязанности связного, который подчинялся дежурному по школе учителю, входило «сбегать, сообщить, принести и т.д.» по указанию дежурного. Наш стол стоял у окна в торце длинного коридора на 1-ом этаже, шедшего вдоль всей школы (телефоны в то время уже были отключены). Началась воздушная тревога, и всё ближе и громче стали разрывы зенитных снарядов. По предложению учительницы мы спустились в бомбоубежище. Через несколько минут мне почудилось, что пол подо мной проваливается, а стены качаются. Когда мы поднялись наверх, то увидели такую картину: бомба упала во двор школы прямо перед окном, у которого мы только что сидели, вся рама со стёклами была выбита, а стол оказался в другом конце коридора. Так что учительница вовремя проявила благоразумие».

Несмотря на все трудности, дети не только учились, но и помогали взрослым сохранять наш город. В газете «Смена» была опубликована следующая заметка:

«ПОМОГАЕМ СТАРШИМ»

Учащиеся старших классов нашей школы вместе с преподавателями помогают трудящимся района очищать улицы от снега.

Мы принимали участие в нескольких воскресниках. Во время одного из них мы очистили от снега участок на набережной реки Фонтанки, во время другого работали на проспекте 25-го Октября. Оба раза мы успешно справились с заданием.

Перед ленинградцами стоит большая и важная задача – быстро привести город в порядок.

Комсомольцы нашей школы готовы помочь старшим в этой работе.

Учащиеся 207-й школы Куйбышевского района М. Люмельская и Н. Храмовская

(«Смена» № 25, 27 марта 1942 г.)

Вопреки всему, в 1942 году состоялся блокадный выпуск из двенадцати учеников. Ребята успешно сдали экзамены, а четверо из них даже получили аттестаты с золотой медалью.

На долю выпускников первых трёх лет выпали тяжёлые военные испытания. Большинству пришлось прервать учёбу, чтобы уйти на фронт. Многие из них погибли. В школьном музее бережно хранится память о героях.

Блокадный учитель М.Д. Иващинцова в воспоминаниях школьников

Урясьева Татьяна,

учащаяся 11 класса, ГБОУ школа № 321 Центрального района Санкт-Петербурга
(руководители – Косарева И.В., Дейкова Л.А.)

*Марфа
Дмитриевна
Иващинцева*

Одна из немногих, школа № 321 в годы блокады Ленинграда работала, учителя и ученики несли свою боевую вахту в промерзших учебных классах. Их каждодневный труд сегодня приравнивается к подвигу – преодоление себя и суровых условий блокады было, действительно, героическим.

Одним из таких учителей была Марфа Дмитриевна Иващинцова (Иващинцева – по некоторым документам). Ее выпускники – ученики блокадных и послевоенных лет – оставили школьному музею свои воспоминания[1]. Вот некоторые из них.

Выпускник школы 1949 года Владимир Цыпин: «... Самым легендарным преподавателем в школе была учительница математики Марфа Дмитриевна Иващинцева. В десятом классе она была и нашим классным руководителем. Говорили, что она преподавала с дореволюционных времён. Знала она свой предмет блестяще и владела отточенной до совершенства методикой его преподавания. К своей работе она относилась очень серьёзно и внимательно. Я вспоминаю случай, когда по каким-то причинам не сделал домашнее задание по тригонометрии и списал его один к одному с работы моего закадычного друга Миши Крутикова (Пусть благословенна будет память о нём!). Мне казалось, что трудно или даже невозможно среди тридцати работ увидеть две одинаковые, написанные разными почерками. Но она, Марфа Дмитриевна, увидела. Она не стала разбираться, кто у кого списал, а поступила на мой теперешний взгляд очень педагогично, написав на каждой работе: «6 – на двоих. Делите, как хотите». Как я не уговаривал Мишу получить заслуженную им пятёрку, он не согласился, и нам обоим поставили по тройке. Чувствовал я себя перед Мишей

очень неудобно... Помню об этом случае уже шестьдесят лет, и в своей жизни старался в подобные ситуации больше не попадать [2].

Вот такова была педагогическая мудрость наших учителей... Учила нас Марфа Дмитриевна хорошо, а в патологически невосприимчивых к математике вколачивала её со страшной силой. Давала дополнительные уроки и задания двоечникам – похоже, она никогда не уходила из школы. Приемные экзамены в вуз после ее уроков ни у кого, насколько я знаю, не вызвали затруднений; впрочем, мои соученики и по другим предметам на вузовских экзаменах получали отметки не хуже школьных, за исключением, может быть, тех случаев, когда эти отметки определялись не знаниями, а совсем другими факторами. Математику любили. и несколько человек из нашего класса закончили математический факультет Ленинградского университета, а двое стали известными математиками, докторами физико-математических наук и профессорами...».

Зиновий Либерман, доктор физико-математических наук [1], вспоминает: «... Марфа Дмитриевна была замечательным, выдающимся педагогом, блестяще препода-

вала математику и была очень требовательна. Мы послевоенные мальчишки, которым трудно было учиться, благодаря ей отличались глубокими знаниями основ математики при поступлении и учёбе в высших учебных заведениях страны. Марфу Дмитриевну в школе помнят и чтят. В

1986-м году выпускники школы разных лет, более 200 её бывших учеников, собрались вместе, чтобы отметить столетие выдающегося педагога, которая сумела привить детям многих поколений любовь к знаниям...» [2].

В воспоминаниях Михайловой Елены, которая окончила физико-механический факультет Политехнического института им. Калинина и стала крупным учёным в области анализа фондового и товарных рынков, Марфа Дмитриевна видится немного по-другому: «...Марфа Дмитриевна начала преподавать математику по окончании физико-математического отделения Бестужевских курсов. О своем выборе математики она говорила: «Таких дур было мало. Из 7000 выпускниц курсов за все время только 2500 захотели напрягать головку тригонометрией и прочей абракадаброй».

Ей было 23 года, когда она пришла в гимназию неподалеку от Загородного проспекта. Гимназия стала школой, и Марфа Дмитриевна проработала там 55 лет. Жила она одна и занимала малюсенькую комнату в большой коммунальной квартире, когда-то полностью принадлежавшей ее семье. Вышитая Марфой голова прелестного мальчика висела на стене в рамке. Рядом с ней – вид ночного Парижа. В нем Марфа Дмитриевна бывала в детстве и прожила два раза по полгода, слушая дополнительно лекции сначала по алгебре, потом – по геометрии.

Квартира Марфы Дмитриевны находилась в пяти минутах от школы. На довоенных школьных фотографиях Марфа Дмитриевна не выглядит красавицей, но элегантна и прелестно причесана. Одевалась и в 70 лет она с каким-то шиком. Зимой ходила в каракулевой папаше и черном пальто с огромным каракулевым шалевым воротником. Шарф для пальто не предполагался. В любой мороз Марфа Дмитриевна шла с совершенно открытой шеей, а из-под каракулевого

воротника виднелся не только костюм, но и верх сорочки ручной вышивки. Даже зимой она носила только туфли и очень тонкие чулки, которые ловко обтягивали ее совсем не старческие точеные лодыжки.

Она никогда не простужалась и презирала насморки, считая их, как беспорядок в шкафах, дурное настроение и грязные полы, недопустимыми явлениями. Без какой-то нарочитости она прямо и ровно держалась. За глаза в школе и в моей семье ее звали Марфа и чтили. «Марфа» не означало ничего пренебрежительного и обидного, как это бывает со школьными прозвищами, а, скорее, вызывало воспоминания о славянских воительницах...» [2].

Более полувека этой жизни Марфа Дмитриевна проработала в 321-й школе, что находилась в пяти минутах ходьбы от дома... Огромный район в центре города был заполнен поколениями её учеников. М.Д. Иващинцова была одним из немногих учителей г. Ленинграда, награжденных орденом Ленина.

Сегодня память о Марфе Дмитриевне бережно хранится в школе. В марте 2018 г. руководство Музея истории школы посетило кладбище в г. Зеленогорск, где находится могила, на которой написано «Иващинцова Марфа Дмитриевна 1885-1971. Учительница 321 школы. От друзей и учеников».

Список использованной литературы и источников

1. Чухман А.А. История школы № 321. – 2009. – Рукопись // Музейный комплекс истории школы № 321 Центрального района
2. 200 лет педагогического эксперимента : страницы истории 321-й школы Санкт-Петербурга. – СПб. : Золотая книга : ДЕАН, 2018.

«Сквозь израненный город» (творчество детей блокады). По материалам Народного музея Педагогического колледжа № 8 «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда»

Демчук Валерия,

студентка 3 курса СПбГБПОУ «Педагогический колледж № 8»

(руководитель – Дмитриева Е.Н.)

Наш музей бесконечно благодарен удивительному человеку, Елизавете Леонидовне Шукиной, которая всю блокаду собирала детские рисунки, потому что она знала, что в первый день мира эти рисунки станут историей. Именно она передала нам оставшуюся у нее часть уникальных рисунков детей осажденного города. Тема детских рисунков вызывает живой интерес у различных исследователей блокадного времени. В 1969 и 1994 году были изданы книги «Рисуют дети блокады», которые стали альбомами детских работ той поры. В 1972 г. после открытия нашего музея, Елизавета Леонидовна передала весь блокадный архив нам. Целый год длилась дружба Елены Дмитриевой – в то время – студентки колледжа, принимавшей активное участие в создании музея, с Елизаветой Леонидовной. А в январе 1973 г. Е.Л. Шукиной не стало...

Е.Н.Дмитриева рассказывала, что Елизавета Леонидовна во время блокады работала в должности старшего

инспектора по дошкольному воспитанию Куйбышевского района. Сейчас – это Центральный район.

В январе 1942 г. в осажденном Ленинграде появилась выставка-передвижка детских рисунков. А в 1943 г. эта выставка-передвижка вылилась в олимпиаду детского творчества, в которой приняло участие более трех тысяч ленинградских детей. На олимпиаду дети представили свои рисунки.

Читая «Очерки блокадных дней» Е.Л. Шукиной – главу «Детское графическое творчество в годы блокады», нас очень удивило, что, несмотря на блокаду, жизнь принесла с собой немало новых, страшных впечатлений, а в рисунках детей преобладают такие темы, как русские народные сказки, летние дачи, цветы и бабочки. Оказалось, что всё это – результат работы воспитателей.

Лорик Федосеев «Прямое попадание в дом»

Первый рисунок на военную тему появился 7 декабря 1941 г. Это рисунок Лорика Федосеева «Прямое попадание в дом». В угол дома попал снаряд, из зияющей дыры выпадает мебель, посуда, а на земле люди, раненные и убитые. И вот уже второй снаряд летит в дом. Но и фашистский самолёт наказан – он горит. Трагична судьба Лорика: отец погиб на фронте, мама погибла от голода, т.к. отдавала весь свой хлеб Лорику, чтобы спасти ему жизнь. Когда мальчика привели в детский дом, то 14 дней он молчал, потрясенный горем. И только на 15-й день, когда воспитатели мыли детей на кухне детского сада, он подошел к воспитательнице с нательным мешочком, в нем лежала пуговица, пудреница и рисунок, и он сказал воспитательнице: «Это моя мама, я сам сделал. Но я один, только один, хочу на нее смотреть».

Первые месяцы блокады. Девочки в этот период почти совсем не рисуют войну, куда охотнее изображая свои воспоминания от посещения госпиталя.

Вот рисунок Люси К. семи лет: «Это осмотр врачами раненных бойцов. Мы в госпиталь пришли, а там раненные. Кто спит, кто лежит. А когда мы вошли в дверь, они все хлопали, что мы пришли. А мы стали по очереди стихотворения рассказывать». Девочка старательно вырисовывает заполненную кроватями палату, а около одной кровати на переднем плане нагнувшегося врача в белом халате.

Во время страшной зимы в рисунках дети стараются отразить жизнь в блокадном городе. Рисунки становятся более чёткими, нежели в предыдущий период, но в большинстве из них отсутствует точность изображения, главными героями рисунков становятся танки, самолёты и т.п. Причём фашистская техника, изображается небрежно, в чёрных тонах.

В воспоминаниях Е.Л. Шукиной читаем, что уже зимой 1941-1942 гг. тематика детских рисунков резко меняется. В рисунках дети стараются отразить блокадный город. Вот, например, рисунок Элика, 4 лет. «Дом рухнул»: «Я нарисовал дом, в котором живу. Половина там разрушена. Сегодня мы смотрели, как люди трудятся. Там полная гора кирпичей и люди из них выстроят новый дом». Мальчик еще слишком мал, и не понимает, что из рухнувшего дома новый дом построить нельзя.

Появляются рисунки о жизни в городе, такие как, например, очередь за хлебом, изображённая на рисунке Люси А., семи лет. «Очередь настолько длинная, что даже не поместилась на рисунке», – жалуется девочка.

Воспитатели рассказывают детям о победах нашей армии над фашистами, воспитывая через это, любовь к Родине, патриотизм и веру в победу, поддерживая этим ослабевших детей. Вот девочка Галя 6 лет, изображает оборону

Ленинграда, говоря о своём рисунке: «Это наши самолёты отгоняют врагов от Ленинграда».

Также многие из рассмотренных нами рисунков посвящены пути по Ладожскому озеру, той единственной ниточке, которая связывала Ленинград с Большой землёй. Дома и в саду велось много оживлённых разговоров о спасительной Дороге Жизни.

Подпись, сделанная рукой семилетнего Вити гласит: «Будет немцам в холод жарко от новогоднего подарка». Нас заинтересовало следующее: военные действия на рисунке ведутся не между самолётом и машиной, а между двумя кораблями. А ведь это ещё раз подчёркивает примерность знаний детей. Само по себе слово «озеро» подразумевает то, что по нему будут ходить корабли, ребёнок и рисует корабли, не обращая внимание на то, что зимой (а рисунок зимний, т.к. упоминается Новый год) вода застывает, и корабли не могут плыть.

Елизавета Леонидовна пишет, что рисунки детей периода ноября-декабря 1942 года ясно отображают военные действия нашей армии. Дети начинают понимать, что защищают нашу Родину не танки, не самолёты, а солдаты и бойцы: летчики, танкисты, артиллеристы, пехота. Поэтому наряду с изображениями техники, можно обнаружить так же и человеческие фигуры. Также в этот период появляются рисунки, которые отражают трагическую сторону жизни блокадного Ленинграда.

Вот рисунок мальчика Жени, он назван коротко и просто «Красная армия уничтожает фашистов». В этом рисунке осознание, что Красная армия – это уже не красивый танк или самолёт, это люди с оружием в руках, защищающие Ленинград. А на рисунке Элика Ершова, 8 лет, изображены бойцы, уничтожающие фашистские танки. Следующий рисунок Вовы Лях, 9 лет: «Всех людей не убить врагу! Все дома не разбить врагу! А ему конец!»

И, конечно же, юным ленинградцам очень хотелось быть похожими на отважных защитников нашей Родины. Быть такими же сильными, смелыми, принимать участие в боевых действиях. К примеру, рисунок Жени: «Когда я вырасту, я буду танкистом и пойду впереди пехоты»; рисунок Симы Заболоцкого, 4 лет: «Я буду кавалеристом, поеду воевать на фронт»; рисунок Геры Егорова: «Когда я вырасту, я буду лётчиком и буду летать на самолёте «Красная Москва». Все эти рисунки отражают стремление детей защищать нашу Родину.

Е.Л. Шукина пишет, что именно в этот период появляются рисунки, которые отражают трагическую сторону жизни блокадного Ленинграда. На рисунке Гени, шести лет, мы отчётливо видим летящие вражеские самолёты, горящие дома, людей бегущих в бомбоубежище – всё как в жизни. Ту же тему затрагивает и Лиля, 6 лет, показывая, как дети скрываются в бомбоубежище по сигналу тревоги, с досадой замечая: «Опять тревога, опять фашисты мешают нам гулять».

Появляются также и рисунки, отображающие пребывание в бомбоубежищах. Вот рисунок Киры Столярова, 4-х лет, «Мы завтракаем в бомбоубежище». Бомбоубежище – это подвал какого-то дома. И хотя потолки в бомбоубежище очень низкие, но ребенок, изображающий их, так мал, что они ему кажутся огромными.

В своих воспоминаниях Е.Л. Шукина обращает внимание, что после 18 января 1943 и 27 января 1944 годов воспитателями были собраны все рисунки детей, изображающие прорыв блокады Ленинграда и полное освобождение Ленинграда от фашистской блокады. Воспитатели

воспитывают у детей любовь к Родине, патриотизм и веру в победу, поддерживая этим ослабевших детей.

Наблюдая за рисунками детей периода блокады сейчас, мы можем понять, насколько широк, необъятен и глубок был внутренний мир ребенка! Вот почему воспитатели держались и поощряли детей рисовать, творить и не сдаваться, не смотря на все ужасы и трагедию блокадного Ленинграда. У нас в музее у портрета Е.Л. Щукиной лежит альбом «Рисуют дети блокады», а в архиве хранятся некоторые рисунки, вошедшие в этот альбом, которые в годы блокады собрала, спасла и сохранила Елизавета Леонидовна Щукина.

Список использованной литературы и источников

1. Материалы II Научно-практической конференции студентов и преподавателей колледжей Санкт-Петербурга

«Я не сказала еще многого» (о семье Разумовских)

Богачёва Яна,

студентка 4 курса СПбГБПОУ «Педагогический колледж № 8»

(руководитель – Дмитриева Е.Н.)

Наш музей рассказывает о подвиге дошкольных работников в годы блокады. Здесь собрано много уникальных экспонатов: фотографии, игрушки, воспоминания. В музее меня больше всего поражают и трогают за душу рассказы о Новомодном празднике, который проводился в детских садах и детских домах блокадного Ленинграда в декабре 1941 года.

Когда я побывала на первой экскурсии в музее колледжа, я увидела экспонат в экспозиции «Групповая комната блокадного детского сада» – этюдник. Потом я узнала, что этот этюдник принадлежал Л.С. Разумовскому, и его подарила нашему музею Елена Николаевна Разумовская – жена Льва Самсоновича. Лев Самсонович Разумовский – скульптор, художник, писатель. В 16 лет добровольцем из детского дома ушел на фронт. Был тяжело ранен, но все-таки воплотил свою мечту – и стал скульптором.

Я рассказываю про детство Мирры Разумовской. Для рассказа о Мирре Самсоновне я изучила воспоминания Лидии Разумовской. По воспоминаниям Лидии Разумовской мы можем понять, что ее старшая сестра была удивительнейшим человеком. Мирра обладала всепоглощающей добротой и безграничной щедростью. Первым подвигом Мирры стало спасение Лиды. Однажды сестры вместе с другом отправились на речку. Для того чтобы перейти на противоположную сторону речки, надо было перейти по рельсу, соединяющему берега. И Лидия не удержалась и упала в реку, а Мирра, не задумываясь, прыгнула, чтобы спасти сестру, хотя и не умела плавать.

У Мирры уже в пять лет проявились способности к обучению, и, возможно, появление младшей сестры окончательно определило будущую профессию Мирры – учитель русского языка и литературы.

В первую блокадную зиму Мирра стала спасительным стержнем для своих родных. Отец и Лева не могли ходить, и Мирра делала все по хозяйству, помогая маме.

Лева погибал от голода. И Мирра отвозит Леву в стационар. Мирра прячется за сугроб и ждет, когда же медсестра выйдет на улицу и заберет санки с мальчиком. Этот поступок Мирры можно назвать подвигом. И она его совершила! Ей

«Эта память – наша совесть ...», посвящ. 60-летию победы над фашизмом, Санкт-Петербург, 16–19 апр. 2005 г. – СПб. : Изд-во Газиевой Л., 2007. – 384 с.

2. Буров А.В. Блокада день за днем. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб. : Геликон Плюс, 2011. – 687 с.

3. Голубева Э.И., Крестинский А.А. Рисуют дети блокады : [альбом. – 2-е изд., доп.] – СПб. : Аврора, 1994. – 80 с. : ил.

4. Мы храним бесценное наследство... : народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» / [авт.-сост.: Е.Н. Дмитриева ; С.-Петерб. ГБПОУ «Пед. колледж № 8». – СПб. : издатель Л. Газиева, 2014. – 205 с.

5. Щукина Е.Л. Очерки блокадных дней : (из опыта работы детских садов Куйбышевского района Ленинграда). – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – 247 с.

было страшно, она не знала, дойдет ли она до стационара, возьмут ли Леву туда, не знала, сможет ли она вернуться обратно домой. Но она все-таки повезла брата в стационар, чтобы спасти его! Другого выхода не было.

Также меня взволновал эпизод из главы «Февраль». Мирра и Лидия пишут письма Лева в стационар. Мирра пишет много. Она рассказывает обо всем происходящем в семье, как бы давая понять Лева, что все хорошо, и ему не надо волноваться. Эти письма помогли Лева поверить в свои силы, и он уже к концу месяца начал ходить. Так много в те дни значило слово!

В феврале 1942 года Мирра пошла работать в детский дом.

Из дневника М.С. Разумовской:

«Я никогда не была воспитателем. И вот мне пришлось окунуться в воспитательное море».

Мирра Разумовская стала замечательным воспитателем. И примером этого является история одной ее воспитанницы, Иры Синельниковой. В ужасную зиму 1941-1942 года Ира потеряла любимую маму и своего родного брата, тетю, двоюродного брата и сестру. Ира слегла и умирала от истощения. Ира попала в госпиталь. А потом в детский дом № 55/61, где ее воспитателем стала Мирра Самсоновна.

Видно, у Иры были нервные срывы, и ей все время казалось, что к девочке приходит мама. Это случалось так часто, что она не могла спать, и Мирра Самсоновна часто сидела по ночам, у ее постели.

Сколько же бессонных ночей провела Мирра Самсоновна рядом с Ирой, чтобы вернуть девочку к жизни. Это говорит о настоящей любви Мирры к своим воспитанникам, о готовности сделать для их спасения все возможное и невозможное.

Дети очень любили Мирру Самсоновну.

В июле 1942 она уехала в эвакуацию вместе с детским домом № 55/61 в Угоры, взяв с собой маму и брата Леву, так как сотрудникам разрешалось брать с собой родственников, чтобы не разлучать семьи. Увозя родных из блокадного Ленинграда, Мирра стремилась спасти маму и Леву.

Дети могли доверить ей самые сокровенные тайны. И Мирра Самсоновна всегда находила время, чтобы с каждым поговорить.

«Осиротевшие, много пережившие дети ходили за своим воспитателем по пятам, доверяли маленькие тайны, рассказывали о первых влюбленностях, открыто признавались в любви. К каждому мальчишке, трудному, битому жизнью, у нее был свой разговор, свои приемы».

Когда Лева ушел на фронт, тяжело заболела мама. Врача не было, аптеки тоже. Тогда Мирра отправилась пешком в Мантурово. Это 43 километра. Врач не поехал, но лекарство выписал, с пометкой «сделать срочно». И Мирра шла обратно пешком 43 км, крепко сжимая в руке драгоценную бутылочку с черной жидкостью, которая была нужна маме как воздух. И опять Мирра спасает, спасает и спасает теперь уже маму.

Вскоре Самсон Львович прислал вызов в Ленинград. И в августе 1944 г. Мирра с мамой вернулись домой...

Вот так Мирра Разумовская своим примером доказала, что человек, несмотря на все трудности, может оставаться на протяжении всей своей жизни добрым, отзывчивым и жизнелюбивым человеком. Мирра жила ради своей любимой семьи и любимой работы. Во время войны она, не жалея своей жизни и своих сил, спасала родных от голода и холода, преодолевая все преграды, она защищала и спасала детей

детского дома от бед и невзгод. Мирра Разумовская была оптимистом и она верила, что все жизненные невзгоды она сможет преодолеть, надо только быть мужественной и стойкой. Какой Мирра Самсоновна и была всю свою жизнь.

О таких людях надо знать и помнить! Ведь именно они не давали сломиться, заставляли держаться, бороться и верить в победу тем, кто был рядом с ними.

Список использованной литературы и источников

1. Архив Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда».
2. Жуковская Т.Н., Тихонов И.Л. «Мы знаем, что значит война...». – СПб.: Изд-во СПГУ, 2010. – 664 с.
3. Разумовская Л.С. О маме. – 1999. – 19 л. // Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда»
4. Разумовская Л.С. О моей сестре. – 2004. – 47 л. // Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда»
5. Музей открывает фонды: материалы юношеских научно-популярных конференций: [в 3 ч.]. – СПб.: Издательско-полигр. ассоц. ун-тов России, 2017.
6. Разумовский Л.С. «Нас время учило...». – СПб.: Журнал «Звезда», 2016. – 438 с.

Ксения Владимировна Ползикова-Рубец – автор первой книги о подвиге ленинградских школьников (о чем говорят архивы)

Кольцова Екатерина, Грицынина София,
учащиеся 1 курса Медицинского училища

Института сестринского образования ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова
(руководитель – Газиева Л.Л.)

Школьники Ленинграда в блокадную зиму 1941/42 гг., наряду со взрослыми, вели борьбу с зажигательными бомбами, оказывали помощь семьям военнослужащих, участвовали в заготовке овощей, ягод, дикорастущих трав, собирали золу для удобрения. Подвигом было и то, что они продолжали учиться. «На 1 августа 1941 г., в городе оставалось 201 082 школьника... 26 октября 1941 г. Исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся вынес решение о начале учебного года с 3 ноября, учащихся 7–10 классов на базе школы и об организации занятий с детьми 1–6 классов... по месту их жительства.... Необходимо было срочно освободить 31 школьное здание, которые были заняты военным ведомством...»³⁹.

Одна из первых книг о подвиге школьников, учившихся зимой 1941–1942 года в блокированном Ленинграде, вышла в 1948 году. Второе издание, в 1954 году, появилось уже после смерти автора, Ксении Владимировны Ползиковой-Рубец (1889–1949) – заведующей учебной частью и учителя истории в 239 блокадной школе. В основу книги «Они учились в Ленинграде» были положены дневниковые записи автора, которые она вела в 1941–1944 гг.

События, рассказанные в книге, подлинные, но большинство имен учеников и педагогов изменено. Литературная рукопись сохранилась, и хранится вместе с подлинными дневниками Ксении Владимировны и ее учеников в

Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (Фонд 4000). Сравнение этих документов и книги позволяет доподлинно узнать, что чувствовали и переживали учителя и школьники в этот драматический период истории.

Немного расскажем о К.В. Ползиковой-Рубец. Ее мать, Ольга Николаевна Ползикова, была литератором, в 1890–1900-е гг. – сотрудницей Павловского института, в стенах которого Ксения получала среднее образование до выпускного 1906 г. Ксения Владимировна училась в Сорбонне. По возвращении в Россию обучалась на Высших женских Бестужевских курсах, на историко-филологическом факультете Смольного института. С 1912 г. работала в учебных заведениях Петрограда-Ленинграда.

Судьбе Ксении Владимировны посвящено немало исследований. В том числе проводимых учениками и учителями Второй Санкт-Петербургской гимназии. В статье Е. Кондратенко можно узнать, что перед войной преподавание Ксении Владимировны совмещала с разработкой экскурсионных программ по Ленинграду, проведением занятий со школьниками в Эрмитаже⁴⁰. Ее судьба связана и с историей Аничкова дворца, где разместился городской Дворец пионеров: с 1 мая 1922 года она руководила станцией гуманитарных экскурсий для школьников в его стенах.

39 ЦГА СПб. Ф. 2076 (Плановая комиссия исполкома Ленингр. гор. Совета народных депутатов). Оп. 4. Д. 54. Л. 179.

40 Кондратенко Е. Жила-была учительница // Фома. 2010. Спец. вып. С. 88–91.

В начале войны Первая образцовая школа была соединена с несколькими школами, образовав 239-ю блокадную школу, находившуюся на Исаакиевской площади. Здесь и работала Ксения Владимировна Ползикова-Рубец. В книге-дневнике Ксения Владимировна описывает не только школьную жизнь, но и свою. Так мы узнаем, что с началом войны, она приняла решение сдавать кровь для раненых и работать в госпитале (запись от 22 июня 1941 года «Война началась»). Учитель Ксения Владимировна Ползикова-Рубец также переживала за каждого своего ученика: это можно заметить на протяжении всей книги. Даже когда в госпитале шел экзамен, она волновалась, прежде всего, за своих учениц.

Занятия в 239 школе начались 27 октября 1941 г., раньше всех остальных школ города. Были сформированы 18 классов. Но в зимний период, в связи с холодом, голодом и истощением, происходил отсев из школ, и уже в январе месяца 1942 г., проведенный учет учащихся 1–6 классов всех школ города, посещающих занятия в бомбоубежищах и квартирах, показал всего 35 964 чел. С каждым днем умирало все больше и больше учеников, учителей и в школах. Из книги К. В. Ползиковой-Рубец: «В школе стало тихо. Кажется, что ученикам и нам говорить трудно. Нет сил». В ноябре 1941–1942 учебного года в школе обучались 521 человек, а в июне уже 460.

Опубликованные записи можно дополнить страницами, которые никогда не были опубликованы и велись в период войны «для себя»: «Но что меня поражало – это то, что учащиеся охотно слушали, охотно и сами отвечали урок в обстановке боя. И нельзя предположить, что они не представляли себе реально опасности»⁴¹.

Учителя стремились проводить занятия с учащимися как можно более интересно и содержательно. Из книги К. В. Ползиковой-Рубец: «К урокам готовлюсь по-новому. Ничего лишнего, скупой ясный рассказ... Не ведем никаких записей в тетрадях: это тяжело. Но рассказывать надо интересно. Ох, как это надо! У детей столько тяжелого на душе, столько тревог, что слушать тусклую речь они не будут. И показать им, как тебе трудно, тоже нельзя»⁴².

Занятия начинались сначала в 11 утра, затем были перенесены на 10 часов. Из дневника К. В. Ползиковой-Рубец: «Администрация не на высоте. Звонков не могли наладить до марта месяца. Уроки были сокращены до ½ ч. и мы просто сменяли друг друга. Единственное наглядное пособие – карта. С конца февраля уроки стали длиться 40 минут»⁴³.

Зимние каникулы предполагались до 7 января 1942 г., но их растянули еще на месяц. Из дневника К. В.

Ползиковой-Рубец: «Думается это была ошибка, голод и холод вне коллектива труднее переносится, а за такой долгий срок ребята отвыкли ходить в школу, засиделись дома. После возобновления занятий ряды учащихся поредели, параллельные классы слились. Мы решили заниматься, невзирая на холод и отсутствие уборных и воды»⁴⁴.

С 21 апреля было разрешено записывать детей во все классы, чтобы они повторили, что проходили и осенью продолжили обучение в следующих классах. По радио было объявлено, что с 3 мая в школьных столовых будут горячие завтраки и обеды. Из дневника К. В. Ползиковой-Рубец: «С вырезкой талонов или без» – вот что всех волнует. Завтра Алексева говорила директору «без вырезки». Но трудно поверить в это, а детям это так надо: ведь школьники на иждивенческой карточке. Строим планы с директором: как нам так наладить столовую, чтобы никто не мог красть»⁴⁵.

4 мая 1942 г., по решению Ленисполкома, все учащиеся 1–10 классов должны были возобновить обучение на базе школ. Однако сохранившихся учеников оказалось всего 63 719 чел. В 369 школе Московского района при первом осмотре по приходу в школу в мае 1942 г. было 96% детей, страдающих дистрофией и скорбутом. В течение 1941/42 учебного года из 39 школ, не прекращавших работать, ни одна не смогла сохранить полный состав учащихся 7–10 классов⁴⁶. Из книги: «Мы сейчас так и живем: скорби и глубокие радости чередуются почти ежедневно. Сегодня радостный день... Школа вновь станет большой, шумной, веселой. ...В несколько дней наш коллектив школьников вырос с семидесяти девяти до пятисот сорока семи человек» – из книги Ксении Владимировны Ползиковой-Рубец⁴⁷.

У К. В. Ползиковой-Рубец имелись все возможности эвакуироваться, но она осталась в родном «городе-фронте», как она называла свой любимый Ленинград. В своем дневнике она упоминала случаи, когда у нее спрашивали: «Почему же Вы не уезжаете?». На что Ксения Владимировна отвечала: «Как же я могу оставить Ленинград?». В этом городе она дожила и до Дня прорыва блокады, и до Дня Победы. К. В. Ползикова-Рубец умерла в 1949 году.

В июне 1942 г. 532 ученика окончили десятый класс, 70 из них получили аттестат отличника. За активное участие в обороне города свыше 5 тысяч школьников были награждены медалью «За оборону Ленинграда», из них 4 тысячи работавших на сельскохозяйственных работах летом 1942 г. Лучшие учителя города получили высшую награду Орден Ленина: А. Д. Дмитриева, М. М. Загребина, З. В. Северова, А. М. Серкова, З. А. Шабунина.

41 ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 343. Л. 12.

42 Ползикова-Рубец К. В. Они учились в Ленинграде : дневник учительницы. Л. : Детгиз, 1954. 168 с.

43 ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 93. Л. 37.

44 Там же.

45 Там же. Л. 50.

46 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 179 об., 180.

47 Ползикова-Рубец К. В. Указ. соч. Запись от 25 апреля 1942 г.

О работе по созданию Зала Боевой славы в ГБОУ СОШ № 236

Саррина Мария Яковлевна,

учитель, заведующий музеем ГБОУ СОШ № 236 Фрунзенского района Санкт-Петербурга
имени Героя Советского Союза Ивана Морозова

Школа № 236 располагается во Фрунзенском районе, по адресу: Пражская ул., д. 7, к. 4. Она распахнула двери для учеников в 1964 году. Однако до этого она располагалась в Коломне, одном из самых уютных уголков Ленинграда, на Мойке, дом 108. Сейчас в этом здании находится Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта.

Работа по созданию в ГБОУ СОШ № 236 Зала Боевой славы, посвященного ученикам и учителям школы блокадных лет, началась недавно. В 2016 году учащиеся 10 класса провели исследовательскую работу и изучили историю старинного дома на Мойке. Они не могли не посетить здание института, в фойе которого висят две памятные доски. Одна (с поименным списком) посвящена ученикам школы, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, вторая – ученикам блокадных лет.

Интересно было выяснить, когда и кем были установлены эти мемориальные доски. Проводя исследование, удалось взять интервью у одной из выпускниц школы № 236 А.М. Зинченко. Она рассказала, что мемориальные доски были установлены по инициативе актива школьного музея к 20-летию Великой Победы. Сам музей открылся в школе в 1965 году.

Инициатором создания школьного музея на Мойке, 108 была Нина Серафимовна Виноградова, учитель рисования и черчения. Она совсем молодой ушла на фронт, получила серьезное ранение. Нина Серафимовна проводила в школе целые дни, вела кружки, опекала одаренных детей, снабжая их красками и этюдниками на свои средства. Трудом Нины Серафимовны и активных выпускников музей со множеством фотографий получился очень достойным.

К сожалению, материалы школьного музея, посвященного защитникам Отечества в годы войны, при переезде школы во Фрунзенский район были утеряны. В настоящий момент по Обобщенному банку данных «Мемориал» актив музея школы № 236 выясняет данные о погибших.

Вторым направлением работы актива школьного музея является изучение биографий учеников школы, детство которых пришлось на суровые блокадные годы. Среди них знаменитый художник, педагог, профессор Б.С. Угаров. В Великую Отечественную войну он добровольцем ушел в народное ополчение. Затем служил артиллеристом-наводчиком, участвовал в боях на Ленинградском и Волховском фронтах, в Карелии и на Дальнем Востоке. Нам удалось выяснить детали боевого пути художника.

На уроках Памяти звучат стихотворения о блокаде другого выпускника школы, знаменитого барда А.М. Городницкого. В прошлом учебном году он посетил нашу школу.

ГБОУ СШ № 236 носит имя героя-подводника И.Ф. Морозова. Мальчиком в 1942 году он был эвакуирован в Калининскую область, в 1944 году вернулся в Ленинград. Память о блокадном времени отважный подводник сохранил на всю жизнь.

Уходят блокадники, люди, которые могут рассказать современным школьникам о тех страшных днях. Именно поэтому необходимо вести работу по увековечению памяти об отважных юных ленинградцах, которые учились на 4 и 5, несмотря на голод, холод, бомбежки. Работа по созданию в ГБОУ СШ № 236 Зала Боевой славы, посвященного ученикам школы блокадных лет, будет продолжаться.

Работа образовательных учреждений Ленинграда в эвакуации

Проблемы и противоречия эвакуации ленинградских детских учреждений в 1941 году

Гагиева Людмила Леонидовна,

к.и.н., преподаватель Медицинского училища

Института сестринского образования ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова

Одна из проблем, обозначенных еще А.В. Карасевым в 1959 г.: почему ленинградские дети эвакуировались из города навстречу немцам летом 1941 г.⁴⁸ На основании рассекреченных документов можно сказать, что решение об эвакуации 300 тысяч ленинградских детей на территорию Ленинградской области было принято 26 июня 1941 г. Советом по эвакуации при СНК СССР, по предложению председателя горисполкома П.С. Попкова. Кроме того, надлежало 100 тыс. ленинградских детей вывезти в Ярославскую область. 25% детей вывозилось автотранспортом, и остальные – железнодорожным, в срок до 15 дней⁴⁹. Безусловно, никакой злой воли здесь не было. На опыте бомбардировок Лондона и Берлина, а также исходя из опыта Первой мировой войны, детей планировалось вывезти в безопасное место: на колхозные площадки, согласно рекомендациям Наркомпроса РСФСР. 29 июня 1941 г. было принято аналогичное решение⁵⁰.

Уже 2 июля 1941 г. П.С. Попков телеграфировал Л.М. Кагановичу о необходимости вывезти из Залучского района 5 тысяч ленинградских детей⁵¹. На 1 августа, согласно справке о ходе эвакуации населения Ленгорисполкома Жданова и Кузнецова, были возвращены в Ленинград дети, эвакуированные в Ленобласть, всего 115 255 человек. Планировалась реэвакуация еще 20 тысяч человек из Валдайского, Окуловского, Дрегельского, Хвойнинского, Боровичского, Опеченского, Мало-Вишерского, Тихвинского, Пестовского, Мошенского, Любытинского районов⁵². Указывалось также, что несколько тысяч матерей стихийным порядком вывезли своих детей из детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда в Ярославскую и Кировскую область⁵³. Усилия Ленгорисполкома по реэвакуации детей летом 1941 г. доказываются истраченными деньгами на транспортные расходы по реэвакуации, всего 1 млн. рублей⁵⁴.

Остались ли дети на оккупированной территории Ленинградской области? В протоколе собрания первичной

партийной организации Ленгороно в августе 1941 года с замечанием об ответственности райсоветов за оставление детей, вывезенных из Ленинграда на оккупированной фашистами территории, выступила Евгения Федоровна Лаврикова, зав. дошкольным сектором гороно⁵⁵. О. Матюшина, художница и писательница, в своем дневнике писала, что родители, поехавшие в июле с целью попытаться вернуть детей, не смогли это сделать: территория была уже занята гитлеровцами, те же, кто сумел разыскать своих детей, попали под бомбежки, и многие из них погибли⁵⁶. Можно сказать, что после реэвакуации в области оставалось еще около 26 249 детей.

Другой дискуссионной проблемой является: на чьи деньги вывозились дети? Эта проблема была заявлена А.В. Зотовой, утверждавшей, что эвакуация происходила исключительно на средства родителей⁵⁷.

В то же время необходимо указать, что уже 6 июля 1941 г. было принято Распоряжение Совета по эвакуации СНК СССР № 4870-сэ об ассигновании эвакуации детей дошкольного и школьного возраста из Москвы и Ленинграда городскими, местными, бюджетами за счет сокращения расходов по другим статьям⁵⁸. Вопросам финансирования и налаживания быта при эвакуации детей были посвящены: Приказ по Наркомпросу РСФСР № 547 от 17 июля 1941 г. «О наведении порядка по обслуживанию школьников» [Мосгороно, Ленгороно в эвакуации - Л.Г.], Инструкция № 01-1-5/ 55 Наркома здравоохранения СССР от 20 августа 1941 г. «Об эвакуации детей и матерей»⁵⁹. Продолжение эвакуации вызвало решения Ленгорисполкома: о порядке взимания платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда от 19 июля 1941. Пр. № 48, п. 7 (родительская плата должна была исчисляться не в размере 40%, как это было указано в решении СНК РСФСР от 7 Июля 1941 г. № 514/21с, а в размере 30% стоимости содержания детей

48 Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады / отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. М.: АН СССР, 1959. С. 61, 90.

49 ГАРФ. Ф. Р-6822 (Совет по эвакуации СНК СССР). Оп. 1. Д. 550 (Протоколы заседаний Совета по эвакуации). Л. 8, 9.

50 Ежов М. В. Местное самоуправление. СПб., 1993. С. 44-45.

51 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 21. Л. 70.

52 Там же. Л. 137.

53 Там же. Л. 138. Последняя информация вызывает недоумение, так как известно, что матери пытались вернуть детей, эвакуированных в Ленобласть, а не в отдаленные районы.

54 Там же. Д. 20. Л. 102.

55 ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.

56 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 68. Л. 92.

57 Зотова А.В. О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда // Вестн. Костром. гос. ун-та имени Н.А. Некрасова. 2013. № 6. С. 26-28. См. также: Гагиева Л.Л. Полемика вопросы финансирования эвакуации детей из Ленинграда в 1941-1942 гг.: (к статье А. В. Зотовой "О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда") // Там же. 2014. № 2. С. 51-53.

58 ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 543 (Распоряжения Совета по эвакуации за июнь-октябрь 1941 г.). Л. 69.

59 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. М., 1941. № 15/16. С. 4 ; Педиатрия. 1941. № 9/10. С. 61-62.

ясельного возраста и 40% школьного и дошкольного возрастов против среднего 32%)⁶⁰.

Жизнеобеспечение эвакуированных детей должно было в основном покрываться за счет ленинградского бюджета (в соответствии с решением Ленгорисполкома от 19 июля 1941 г.) и частично за счет родительских средств. За период июнь-сентябрь 1941 года все расходы на эвакуацию и реэвакуацию детей из местного бюджета, за исключением родительской платы, исчислялись в 58,6 млн. рублей. (документ не опубликован)⁶¹. Общая сумма расходов на эвакуацию детей до 1 августа 1941 г. составила 37,9 млн. рублей. С 18 августа 1941 г. был открыт дополнительно кредит в 988,8 тыс. рублей для оплаты счетов за транспорт, предоставляемый для вывоза детей обратно в Ленинград, в связи с реэвакуацией⁶².

2.1 ЭВАКУАЦИЯ

Эвакуация ленинградских детских домов в Краснодарский край в 1942 году

Лифоренко Марк, Богданов Вячеслав,

учащиеся 1 курса Медицинского училища

Института сестринского образования ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова

(руководитель – Газиева Л.Л.)

К работе над этим докладом нас подтолкнуло желание разобраться и углубиться в события блокады Ленинграда, а именно в организацию эвакуации. Среди большого количества информации практически очень мало данных об эвакуации на территорию Краснодарского края весной-летом 1942 года. А именно туда и в соседние районы Северного Кавказа и Кубани была отправлена почти половина эвакуируемых из Ленинграда после смертной зимы 1942 г. В том числе студенты и преподаватели 1 ЛМИ (Ленинградского Медицинского Института), среди других вузов Ленинграда.

Из эвакуированных детских интернатов и домов из Ленинграда в 1942 году в Краснодарский край проследовала значительная часть. Это, очевидно, вызывалось необходимостью оздоровления детей на базе здравниц и санаториев края. Из документов следует, что из Ленинграда за период с 21.01.1942 по 20.04.1942 г. было вывезено всего: 44 206 ленинградцев в Краснодарский край, а вместе с Орджоникидзевским краем и Кабардино-Балкарской АССР (районами Северного Кавказа): 98 021 чел.⁶⁴.

Справка городской эвакуационной комиссии позволяет судить о количестве детей, вывезенных в Краснодарский край с детскими учреждениями: детдомами, дошкольными и школьными интернатами, домами малютки и яслями, в 1942г.: всего 4465⁶⁵.

К 1 июня 1942 г., по данным Наркомздрава СССР, в Краснодарском крае находилось 35 эвакуированных детдомов, с общим числом детей 4 529 чел., кроме того, имелось в

Сколько же всего детей с детскими учреждениями удалось вывезти из Ленинграда летом 1941 года? В ходе ревизии финотдела Ленгорисполкома было установлено, что за пределы Ленинградской области удалось эвакуировать с детскими учреждениями, в том числе в ходе реэвакуации без возвращения в Ленинград, не более 93 874 чел. детей⁶³.

Таким образом, можно сказать, что работа со всем корпусом рассекреченных документов, хранящихся в государственных архивах, позволяет дать ответ по наиболее сложным проблемам борьбы за спасение детей с детскими учреждениями, показать огромные усилия, которые предпринимались в этом направлении центральными и местными органами государственной власти, а также педагогами, медиками, родителями, всеми ленинградцами.

Орджоникидзевском крае всего 34 детдома с общим числом детей 2312 чел.⁶⁶ Очевидно, большая часть этих детей была ленинградцами.

Среди работ, посвященных эвакуации ленинградских детей на Кубань: документальная повесть журналиста С.К. Филиппова «Прошедшие через ад», основанная на воспоминаниях, дневниках, письмах очевидцев тех далеких событий, и статья исследовательниц М.Ю. Давыдовой и Д.А. Чибириковой. Источниковой основой исследования явилась поисковая база данных на лиц, эвакуированных из Ленинграда в период 1941–1943 гг., содержащаяся в виртуальном проекте «Блокада Ленинграда. Эвакуация».

На Кубань ленинградские интернаты были отправлены 7 апреля 1942 г. До Армавира ехали поездом, но только к концу апреля пешком или на подводах местных жителей они добрались до станицы Отрадной. 10 апреля 1942 г. была направлена следующая партия. Всего прибыло 1 238 чел. детей, которых распределили по разным станицам и поселкам.

В пути эвакуированные дети не раз подвергались обстрелам. Многие из них умерли по дороге. Поэтому на место прибыло значительно меньше ленинградцев, чем направлялось.

Однако летом 1942 г. германская армия перешла в наступление, и к началу августа ей удалось занять практически всю Кубань. Часть детских домов Краснодарского края была реэвакуирована в Армянскую, Киргизскую, Казахскую

60 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 20. Л. 101.

61 Там же. Л. 98-102.

62 Там же. Л. 99.

63 Там же. Л. 98-102.

64 ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 50. Л. 1.

65 Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде 1941–1944 г. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 169.

66 ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 61. Л. 124, 125.

ССР. Но в отдаленных районах детдома решили оставить, так как местные власти отказались направить их через перевал, боясь обстрелов.

Осенью-зимой 1942 г. ленинградские дети вновь испытали голод и холод, а также издевательства фашистов. «Оккупанты забрали для себя все дрова, детским домам не выделяли продовольствия. Директора и воспитатели ежедневно совершали подвиг и находили способы, как уберечь детей от голода и болезней, как оградить их от звериной жестокости оккупантов. Помогали местные жители, которые, рискуя жизнью, тайком забирали к себе детдомовцев». Опаснее всего было скрывать еврейских детей. Фашисты затребовали у директоров списки детей-евреев, а те старались спасти ребят, выдавая их за опасно больных, перебинтовывали так, чтобы ни лица, ни волос не было видно⁶⁷.

Сколько всего ленинградских детей оставалось на оккупированной территории сказать трудно.

18 октября 1943 г. уполномоченный Наркомпроса РСФСР по краснодарскому краю Домарев сообщал: «В данное время в крае находится 12 детских домов и 12 детдомов эвакуировались в другие края и республики и находятся там... Остальные детдома пострадали большей частью во время эвакуации по железной дороге, где подверглись вражеским бомбардировкам. В данное время выясняется, что многие дети были размещены по другим детским домам в районах, многих брали крестьяне»⁶⁸.

На освобожденных территориях налаживалась медицинская помощь детям. В 1943 году на территории Краснодарского края 84,6% детей, нуждавшихся в госпитализации, были госпитализированы. К 1944 г. число госпитализированных от остро нуждающихся составило уже 88,2%. Проводились вакцинации, противоэпилептические мероприятия⁶⁹.

После освобождения территории Краснодарского края от оккупантов, в июне 1943 г. начала работать Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков, возглавлял ее Алексей Николаевич Толстой.

Советские люди узнали о зверствах фашистов из центральных газет, в которых был опубликован очерк А.Н. Толстого «Коричневый дурман» 5 августа 1943 года, а 11 августа – из газеты «Ставропольская правда».

Потрясенный А.Н. Толстой в своей статье писал: «На Северном Кавказе я видел печальное... Немцы убили всё еврейское население, в большинстве эвакуированное из

Ленинграда, Одессы, Украины, Крыма. Произведенные под моим наблюдением раскопки противотанкового рва в Минеральных Водах обнаружили плотную массу трупов на протяжении ста пяти метров. Мы определили цифру убитых более 6.000 человек».

Один из выживших, старик Фингерут, был очевидцем этих событий: «Когда был приказ – раздеваться – люди поняли, что сейчас – конец жизни, сейчас – казнь. Люди начали кричать, метались и так кричали, что вылезали глаза, и многие сошли с ума. Охранники погнали толпу этих людей по полю аэродрома к противотанковому рву, отстоящему в километре от стекольного завода. Фингерут увидел немецкого солдата, который волок за руки двух детей, вынул револьвер и застрелил их. Тех, кто пробовал бежать, убивали выстрелами».

Очерк Алексея Толстого оставляет неизгладимое впечатление, будучи на месте преступлений, он точно передал все события, читая ты чувствуешь боль и гнев за свой народ.

«Что всё это такое? Я спрашиваю: кто такие немцы? Как мог немецкий народ пасть так низко, чтобы его армия совершала дела, о которых тысячу лет с омерзением и содроганием будет вспоминать человечество? Каким раскаянием и какими делами немцы смогут смыть с себя пятно позора? Пятно позора – это нацизм. Немецкий народ не плюнул в глаза своему соблазнителю и пошел за Гитлером убивать и грабить. Горе тем немцам, кто теперь же, не откладывая на завтра, не очнется от коричневого дурмана»⁷⁰.

В ходе исследования мы использовали результаты работы наших предшественников: студентов и педагогов медучилища, которые потратили много времени на исследование данной темы. И вся эта информация действительно затронула наши души. Мы испытали боль за детей, которые в тяжелейших условиях эвакуировались из Ленинграда, без родителей, в неизвестное для них место часто погибали в дороге. Но даже по прибытии на место их испытания не закончились. От зверства фашистов погибло невероятно огромное количество детей... А ведь дети не представляли никакой угрозы немцам, это была обыкновенная жестокость. Фашисты забыли, что значит сострадание, любовь, доброта, забыли все самые важные чувства человека, стали обыкновенными зверями. К сожалению, войн не удастся избежать, но в этих войнах не должны страдать невинные люди, а в особенности дети. Человек безоружный и не представляющий угрозы должен жить в спокойствии даже во время войн.

67 Давыдова М. Ю., Чибирикова Д. А. Ленинградские детские дома на Кубани в 1942-1943 годах // Манускрипт. 2019. № 1. С. 32–36.; Электронная версия: URL: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.6> (дата обращения: 20.11.2019).

68 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 983. Л. 105.

69 ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 66. Л. 12.

70 Толстой А.Н. Коричневый дурман. Молотов : Обл. изд-во, 1943. 11 с.

Школа-интернат № 1 им. К.К. Грота в период эвакуации

Манилкина Светлана Александровна,

заведующий музеем ГБОУ школа-интернат № 1 им. К.К. Грота Красногвардейского района Санкт-Петербурга

Жданкова Ольга Александровна,

педагог-организатор ГБОУ школа-интернат № 1 им. К.К. Грота Красногвардейского района Санкт-Петербурга

В первые недели Великой Отечественной войны школа-интернат № 1 им. К.К. Грота была эвакуирована. Несколько учителей отправились с учащимися в эвакуацию, другие ушли на фронт. Директор – В.Е. Чугунов – остался в блокадном Ленинграде, чтобы охранять школьное имущество: брайлевские книги, уникальную библиотеку, тифлоприборы, станки, мастерские и другие ценности школы.

Основные сведения о событиях, относящихся к эвакуации школы-интернат № 1 им. К.К. Грота, получены нами из записок, хранящихся в школьном музее, учителя географии Екатерины Владимировны Лимоновой, озаглавленных ею как «Воспоминания о годах эвакуации». Эти воспоминания впервые были представлены Е.В. Лимоновой в докладе на встрече, посвященной 25-летию возвращения школы из эвакуации в 1970 году.

Школа-интернат № 1 им. К.К. Грота была эвакуирована 7 июля 1941 года. Первоначально предполагалось, что школа поедет в Кострому и школьники будут жить и учиться при школе слепых со всеми удобствами. Сборы были быстрые, родные провожали своих слепых детей со слезами.

В записках не сказано, доехали ли учителя и школьники в Кострому. Вероятно, военные действия развивались так быстро, что план школы был изменен. Школу 28 октября повезли на теплоходе «Герцен» в Ульяновск. Е.В. Лимонова пишет: «Тяжела была дорога от Ульяновска до станции Шумиха, куда приехали и впервые вывели детей из товарных вагонов только 18 ноября. Наш путь закончился, когда отъехали от железной дороги еще 18 километров. Встретили нас с санями, с тулупами. Вот мы и в селе Рига. Два школьных здания натоплены, но ни стола, ни стула, ни кроватей. Пустые комнаты. Надо было обживать их. Напилили березовых чурбанов – вот и стул, принесли несколько парт – вот и стол, а спали долго прямо на полу».

Несмотря на то, что школа была эвакуирована в глубокий тыл, с продуктами было плохо: мороженая картошка и мороженая капуста, часто без хлеба. Первый год был самый тяжелый. Не хватало дров, не было валенок, часто был лютый мороз – до 40 градусов. Из Ленинграда приходили вести о гибели родных, о страданиях ленинградцев, а с фронта шли сообщения об отступлении наших войск. Главным делом учителей стала моральная поддержка детей, нужно было помочь им не впасть в уныние. Детей надо было занять делом. Шел учебный год, а воспитанники учились. По инициативе учителей Д.И. Николаевой и О.А. Лавровой была возобновлена учеба.

Без брайлевских учебников и без брайлевской бумаги начали они учебу. Писали на проклеенной картошкой газете. Исписанный лист еще раз прокатывали и вновь использовали для письма. На уроках чтения по Брайлю в эвакуации специалистом был Шура Румянцев. Учились с увлечением, второгодников не было. Шестеро выпускников закончили школу (Гумозова Екатерина, Валентинов Алексей, Терентьева

Лилия, Метелева Майя, Румянцев Александр, Ремизов Николай), экзамены на аттестат зрелости они сдавали при районной школе в селе Галкино. Это были первые выпускники средней школы, закончившие школу в эвакуации.

В воспоминаниях Е.В. Лимоновой отражается распорядок дня школьников. Каждый день был наполнен делами, а вечерами, при коптилке долго и много читали вслух. Обучой для колхоза школьники старались не быть. Воду носили сами, а ее требовалось немало, больше всего воды надо было для нужд кухни и бани. Сами заготавливали в лесу дрова, сами их пилили и кололи. Эту тяжелую работу выполняли Боря Халтунен, Тима Николаев, Петя Голубев, Леша Валентинов.

В период уборки урожая старшие воспитанники работали в колхозах на веялках и молотилках, вели борьбу с саранчой. Младшие школьники заготавливали лекарственные травы и шиповник. Ослабленным школьникам самим нужен был шиповник, но они, несмотря на свои нужды, сдавали его килограммами фельдшеру для аптеки. Работали много, ребята понимали, что необходимо сделать все, что в их силах.

Кроме работы, нужно было заниматься и делом для души. Старшие школьники под руководством Тимы Николаева организовали струнный оркестр, начал работать хор, которым руководили Анна Федоровна Чугунова и Елена Алексеевна Виноградова. У младших школьников был свой хор, которым коллективно руководили сами учащиеся: Петр Голубев, Шура Доброва, Дина Травникова. Эти кружки скрасили жизнь в эвакуации не только учителям и школьникам, но и жителям села. В нетопленный клуб набивалось столько народу, что ступить было некуда. Ребята перед колхозниками выступали с концертами и докладами. Содержание концертов и докладов было самым злободневным. Давали даже платные концерты, а за вырученные деньги отправляли посылки на фронт.

В музее школы хранится варежка для стрелка: такие варежки вязали слепые девочки в эвакуации и отправляли бойцам на фронт в посылках. Шили и кисеты для табака – образец такого солдатского кисета также хранится в нашем музее.

На основании изученных материалов, необходимо подчеркнуть гражданское отношение слепых учащихся школы-интерната № 1 им. К.К. Грота к своему общественному долгу. Находясь в эвакуации, они не требовали для себя льгот, а жили заботами вместе со всей страной. В эвакуации школьники продолжали учиться, сами обеспечивали свой быт и помогали фронту.

Школа-интернат № 183 на Вятской земле

Верховская Светлана Николаевна,

учитель ГБОУ СОШ № 183 с углубленным изучением английского языка Центрального района Санкт-Петербурга

Я и не жил бы на свете,
Не вынес бы эти муки,
Но руки спасли меня эти,
Зои Васильевны руки.
Игорь Алексеев, 11 лет⁷¹.

Знакомство с историей жизни учеников и учителей нашей школы в эвакуации началось с сайта вятского краеведа А. Л. Рашковского [5]. После была работа в ЦГА СПб, запросы в архив Кировской области, обращение к администрации Шабалинского района, воспоминания учеников интерната № 183 В.Д. Барвиша⁷² и Э.С. Василевской⁷³, их семейные архивы.

4 июля 1941г. с Варшавского вокзала отправился очередной поезд с ленинградскими школьниками [3]. Среди них были ученики нашей школы, человек 250. Высадились на станции Лычково, добрались до деревни Канищево Молвотицкого района Ленинградской области, где провели

две недели. Фронт приближался. Вспоминает В. Д. Барвиш: «Нас срочно сажали в автобусы, наш доехал до станции Валдай. Фокиной⁷⁴ предложили сесть в эшелон, который отправлялся, но она отказалась, ждали остальных. Валдай бомбили. К вечеру нас погрузили в теплушки. Только 2 августа мы прибыли на станцию Шабалино». Интернат № 183 работал в селе Колосово Шабалинского района Кировской области с 1941 по 1945 г. Из архивной справки: «число детей 109, также ... имеются данные, что в интернате числилось 87 воспитанников» [6; 7].

Вот несколько строчек из Списка воспитанников, в котором 87 фамилий:

Ф. И. О.	Год рожд.	Откуда прибыл	Сведения о родителях
Борткевич Нина Александровна	1929 г.	Ленинград, ул. Красной связи, д.8, кв.19	Отец умер, мать на фронте
Бочкарева Эрна Николаевна	1933 г.	Ленинград, Гродненский пер., д.16, кв.3	Родители умерли
Григорьев Николай Николаевич	1930 г.	Ленинград, Кирочная ул., д.17, кв.68	Отец на фронте, мать в Ленинграде

Из них: 24 воспитанника – полные сироты, 22 – безотцовщина (отец не указан или «пропал», «умер»), 26 – дети фронтовиков (отец или мать на фронте), у 2 – отцы «осуждены». Годы рождения детей – с 1927 по 1935. Никто и подумать не мог, что в область привезут столько детей! Нарком просвещения Потемкин⁷⁵ обратился «к женщинам – работницам, колхозницам, сельской и городской интеллигенции Кировской области» со словами: «Пусть наш дом станет их домом, наша семья – их семьей» [8, л. 6].

Так и получилось. Вспоминает В.Д. Барвиш: «Для нас был приготовлен большой одноэтажный дом. В одной половине разместились мальчики, в другой – девочки. Село небольшое: с одной стороны колхозные поля, с другой – речка и отличный лес, куда мы сразу направились за черникой. Колхоз обеспечивал молоком, овсом (кашу из него называли «жуй – плюй»), картошкой, капустой и дровами. Сытости не было, но не голодали. Мы тоже помогали колхозу: дергали лен и складывали его в снопики, убирали картошку за плугом. Ходили в лес за грибами и ягодами⁷⁶, которые передавали в госпитали для раненных бойцов. Выступали там с концертами. Я читал рассказы Зощенко.

Мы учились в местной школе с деревенскими ребятами. Они хорошо относились к нам. В 1942 г. я вступил в комсомол.

До сих пор помню номер своего билета – 15381405! В том же году я послал деду в Ленинград посылку – книгу. В ней вырезал полость и положил хлеб. Дошла ли?.. Дед умер от голода в 1942 г.»

Большой проблемой было отсутствие тетрадей и учебников. В Ленинграде знали об этих трудностях, и в 1943 г. школы Дзержинского района отправили для ребят посылки с гостинцами и со школьными принадлежностями.

Местные жители собрали для эвакуированных теплую одежду и обувь, провели субботники по подготовке интернатов к зиме. В 1942 г. колхозы выделили землю, передали кур, поросят, овец, семенной материал «для заведения подсобного хозяйства» (ведь интернаты должны были обеспечивать себя сами). В полеводческом, скотоводческом, овощном кружках дети получали необходимые знания. Кроме того, учились носить воду на коромысле, колоть дрова, набивать погреб снегом, стирать и чинить одежду, вязать носки и варежки.

Начиная с 8 класса, ребята жили в селе Новотроицкое, где находился ленинградский интернат № 200⁷⁷ и школа – десятилетка. Из архивной справки: «Прибыли из интерната школы №183 (г. Ленинград) в октябре 1941 г. ...» [7]. Далее следуют сведения о 12 учениках. Приведем некоторые из них:

71 Цит. по: Рогова Н.Б. Чистые родники памяти... // Женщина и война : о роли женщин в обороне Ленинграда, 1941–1945 гг. : сборник статей. СПб., 2006. С. 72.

72 Владимир Давыдович Барвиш (1927 г.р.) – ученик школы № 4 (183) с 1937 по 1940 гг.

73 Эльвира Семеновна Василевская (1925 г.р.) – ученица школы № 4 (183) в 1936–1941 гг.

74 Екатерина Андреевна Фокина (1905–1984) – окончила ЛГУ, отделение литературы и языкознания. Работала в школе с 1937 г. учителем, с 1938 г. завучем. В эвакуации (1941–1944) – директор интерната № 183.

75 Владимир Петрович Потёмкин (1874–1946) – глава Наркомпроса РСФСР, находился в эвакуации в г. Кирове вместе с Наркоматом просвещения РСФСР.

76 Норма сбора грибов и ягод на школьника: грибы соленные – 6 кг, грибы сухие – 2 кг, ягоды сухие – 200 г.

77 Школа № 200 (до 01.02.1941 г. – № 24) находилась на ул. Маяковского, д. 26.

- Фоменко Владимир Михайлович, 1925 г.р., проживал до эвакуации – Красная ул., д.28, кв.1, призван в РККА в мае 1942 г., убит в октябре 1942 г.

- Тарыкина Тамара Федоровна, 1926 г.р., проживала до эвакуации – 8-ая Советская ул., д.47, кв.46. Поступила на учебу в университет г. Ленинграда.

- Василевская Эльвира Семеновна, 1926 г.р., проживала до эвакуации – Салтыкова ул. (так в док. – авт.), выбыла в 1942 г. к матери в г. Чимкент.

Вспоминает Э.С. Василевская: «12 девочек жили вместе в комнатке, топчаны вокруг печки. Чтобы мы забыли о еде, Вера Александровна⁷⁸ читала нам «Евгения Онегина», потом повторяли, заучивали. Мысли о голоде отступали. В воскресенье я бегала 8 км через лес в село Колосово к младшей сестре. Волки! Страшно! Выжили все. Дружили очень».

В.Д. Барвиш, перешедший осенью 1942 г. в 8 класс и переехавший в Новотроицкое, дополняет: «Осталась в памяти наша самостоятельность. Под руководством Александра Журбина мы разучили и поставили пьесу Лаврентева «Разлом», ездили с ней по району и по госпиталям». Концерты давал интернатский оркестр, организованный из тех учеников, которые, на удивление местным жителям, умели играть на музыкальных инструментах.

Старшие школьники работали в колхозе за трудодни. Девочки помогали няням в яслях, писали письма, стирали бинты в госпиталях. Ленинградцы, находившиеся на госбеспечении, зачастую делились хлебом с местными жителями, которые были в совершенно бедственном положении [4].

Возвращение из эвакуации началось после снятия блокады. Нужно было получить вызов из Ленинграда, в котором гарантировалось жилье. Игорю Фокину⁷⁹ повезло, 18 сентября 1944 г. он отбыл «к матери в Ленинград» из деревни Колосово. А организованное возвращение интернатов из Кировской области прошло в июне – июле 1945 г.: «4379 детей, имеющих родителей, 360 сирот старше 14 лет и 820 воспитателей. До этого было передано родителям и

на трудоустройство 16000 человек» [8, л. 30]. Рассказывают, что ленинградские матери, встречая детей из эвакуации, опустились на колени перед сопровождающими эшелон кировчанками.

Список использованной литературы и источников

1. Воспоминания В.Д. Барвиша, ученика школы 1938–1940 гг. Запись 2016 г. // Архив школы № 183 Центрального района.
2. Воспоминания Э.С. Василевской, ученицы школы 1936–1941 гг. Запись 2016 г. // Архив школы № 183 Центрального района.
3. Воронов А. 14 дней июля // Война. Блокада. Ленинград : фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на XVII городской историко-краеведческой конференции в 2019 году. – СПб., 2019. – Вып. 3. – С. 61–65.
4. Карачева О. Дети из блокадного Ленинграда на Шабалинской земле // Шабалинский край. – 2015. – 29 янв. (№ 11). – С. 3.
5. Рашковский А.Л. Эвакуированные в Кировскую область детские учреждения // [Личный блог] / Александр Рашковский. – 2012. – URL: <https://maxpark.com/user/884694586/content/944675> (дата обращения: 04.10.2019).
6. Государственный архив Кировской области. Ф. 2342 (Департамент образования). Оп. 13. Д. 9 (Списки детских учреждений и их воспитанников, эвакуированных в Кировскую область в 1941–1942 гг.). Л. 123 об.
7. Государственный архив Кировской области. Ф. 2342. Оп. 13. Д. 16 (Списки воспитанников интерната № 183. 1941–1945). Л. 522–524 об.
8. ЦГА СПб. Ф. 5039 (Комитет по образованию). Оп. 3. Д. 737 (Альбом – отчет о жизни детей, эвакуированных в Кировскую область).

«От Тургенева до Шостаковича»: из истории школы № 235. Эвакуация школы в годы Великой Отечественной войны

Кокин Вячеслав Леонидович,

сотрудник Народного музея «А музы не молчали...» ГБОУ школы № 235 им. Д.Д. Шостаковича Адмиралтейского района Санкт-Петербурга

Свою вековую историю школа № 235 ведет с мужского и женского училищ, открытых в память И.С. Тургенева. После многочисленных переименований в 1941 году учебное заведение на проспекте Маклина, д. 3 (так в то время назывался Английский пр.) получило название 235-я школа Октябрьского района, а открытая в 1936 году на наб. реки Пряжки, д. 6 школа стала 258-й. В сентябре 1966 года школа № 258 объединилась со школой № 235. В данной работе мы постарались проследить непростую судьбу обеих школ, а также учителей и учеников в годы Великой Отечественной войны.

О работе школы № 258 в данный период известно совсем немного. Напротив здания школы на наб. реки Пряжки находится психиатрическая больница Святого

78 В.А. Кабанова (? – 1962) – библиотекарь школы № 4 (183) в 1937–1941 гг., воспитатель интерната № 183.

79 Игорь Михайлович Фокин (1933 г.р.) – племянник Е.А. Фокиной. Сведения из справки Шабалинского РОНО, сохранившейся в архиве семьи Фокиных.

Николая Чудотворца. Сохранились воспоминания одного из врачей больницы: «На территорию 2-й психиатрической больницы было сброшено в ночь с 4 на 5 апреля 1942 года несколько авиабомб и 12 тяжелых снарядов. Весь персонал больницы, находившийся на казарменном положении вместе с врачами и учеными, работоспособными больными, выносил больных из палат. Десятки грузовых автомобилей отправляли их в здание школы, расположенной напротив больницы на противоположном берегу реки Пряжки». Был ли развернут в здании школы госпиталь – сведениями об этом на данный момент мы не располагаем.

29 июня 1941 года Ленгорисполком принял решение «О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области», согласно которому предполагалось вывезти 390 тыс. человек со школами и детскими учреждениями. Был разработан план групповой отправки детей в организованные интернаты под руководством школьных педагогов. Для вновь создаваемого интерната школы № 235 срок эвакуации был назначен на 2 июля 1941 года. За отсутствием директора (он был мобилизован в армию), ответственность за создание интерната была возложена на преподавателя химии Бурмистрову Ольгу Михайловну. В короткий срок надлежало скомплектовать штат сотрудников интерната, произвести оповещение, запись и подготовку детей к длительному отъезду из города. В состав воспитателей были включены, прежде всего, педагоги 235-й школы. Преимущество отдавалось женам военнослужащих, имеющих детей школьного или дошкольного возраста. Желающих поступить в штат воспитателей интерната и эвакуироваться с детьми, было более чем достаточно. О.М. Бурмистрова вспоминала, что одна женщина, мать эвакуируемых детей, буквально на коленях умоляла взять ее в эвакуацию, но штат был скомплектован, и ей, как и многим другим пришлось отказать. В списки эвакуируемых детей включались младшие братья и сестры учащихся данной школы. Всего было записано 261 человек, которые 4 июля 1941 года поездом были отправлены в Поречье-Рыбное Ярославской области. Прибывших ленинградцев разместили в школе и клубе поселка, для питания их прикрепили к школьной столовой. Вскоре дети включились в помощь Пореченскому совхозу по уборке овощей. В начале ноября 1941 года течение учебной жизни было нарушено. Участились воздушные налеты, как на Москву, так и на окрестные города, включая Ярославль. Бомбежке подверглось и Поречье-Рыбное, одна из бомб упала рядом с зданием, где жили воспитанники интерната. В первой половине ноября 1941 года от уполномоченного Ленсовета по эвакуации детей поступило распоряжение: срочно подготовиться к новой эвакуации вглубь страны. За время пребывания в Поречье-Рыбном 83 воспитанника покинули интернат, соединившись с эвакуированными родственниками. В интернате осталось 178 разновозрастных детей: школьников 1–7 классов и группа дошкольников. Всех воспитанников разместили в 3-х вагонах-теплушках, оборудованных печками-буржуйками. В каждую теплушку посадили по 60–65 человек, среди которых находилось по два воспитателя. 11 ноября 1941 года эти вагоны присоединили к товарному поезду с эвакуированным заводским оборудованием и отправили на Урал.

В конце декабря они прибыли в Далматовский район Челябинской (с 1943 года Курганской) области. Областная комиссия по распределению эвакуированных детей не смогла подыскать сельского пункта, где можно было бы

разместить около 200 человек (детей и персонала) временно. Поэтому ребят разместили в двух интернатах: в селе Першино – 81 человек и Смирново – 97 человек. В 1943 г. Смирновский интернат расформировали, часть детей отправили в ремесленные училища, а остатки влились в Першинский интернат, руководила которым все эти годы опытный педагог и воспитатель Бурмистрова Ольга Михайловна. В Першино интернат разместился в 3-х зданиях: «Белом здании», «Красном здании» и «Деревянном здании». В «Белом здании» в нижнем этаже располагалась кухня и кладовка для продуктов; в верхнем – комната для девочек 4-5 классов, в которой был отгорожен небольшой уголок «директорской квартиры» и зал для интернатской самостоятельности. В «Красном здании» на нижнем этаже была устроена хлебопекарня и кладовая для муки. Четыре небольших комнаты верхнего этажа использовались под раздевалку (здесь же был поставлен умывальник, а при необходимости, в зимнее время и выносной туалет). В трех остальных комнатах было устроено общежитие для 33-х детей средней группы, здесь же помещалась и дежурная воспитательница этой группы. В «Деревянном здании» разместилась старшая группа воспитанников (17 мальчиков и 20 девочек) и две семейные воспитательницы этой же группы.

Первоначально штат составлял 11 человек (вместе с директором), именно им выпала самая трудная работа организационного периода в жизни Першинского интерната. Через неделю после приезда интернат получил государственное обеспечение питанием. Однако оно было недостаточным для поддержания ослабленных детских организмов, и интернату не раз приходилось обращаться за помощью к местному населению.

Зимой 1942 года, учитывая значительное отставание детей в прохождении учебного программного материала, Першинский интернат начал подготовку к продолжению обучения. Уже к концу учебного года это отставание было ликвидировано, и воспитанники интерната успешно выдержали весенние переводные испытания или были переведены в следующий класс после сдачи повторных испытаний. Благодаря хорошо слаженной работе педагогов, «политическая жизнь Першинского интерната находилась на высоком уровне». Дети всегда находились в курсе дел фронтовой и трудовой жизни страны, очень часто детям зачитывали сводки Совинформбюро (хотя в те годы в селе не существовало радио). Газет поступало до чрезвычайности мало, но политинформации в интернате проходили постоянно. Такому событию, как прорыв блокады Ленинграда, был посвящен большой общесельский митинг с участием детей интерната. Детям по вечерам читали рассказы и повести о фронтовых и трудовых подвигах. В январе 1943 года интернат «поставил платный концерт», весь сбор от которого воспитанники передали в фонд на строительство танковой колонны «Челябинский колхозник». Нельзя обойти молчанием и серии патриотических стихотворений, написанных в интернате Александром Перновым. Многие воспитанники участвовали в художественной самостоятельности. В интернате были созданы хоровой и драматический кружки. В середине 1942 года возник швейный кружок; чуть позже – созданы танцевальный кружок, кружок художественного слова и кукольный театр.

19 июня 1945 года Уполномоченный Ленсовета по эвакуации ленинградских детей дал директиву подготовить

списки возвращающихся детей. 5 августа 1945 года в Першино проводжали первую партию ленинградцев на Родину. Собралось все село, чтобы проводить тех, с кем переживали военные годы, с кем делили и горечи, и радости. Старшие воспитанники и остальной персонал отбыл 7 августа 1945 года, прожив в селе 966 дней. В Ленинграде на перроне Московского вокзала собрались сотни встречающих, каждый из которых считал своим долгом поблагодарить директора интерната и воспитателей. Еще в Першинском было известно, что дом О.М. Бурмистровой был разрушен, и все имущество погибло. А на ее руках оставалось несколько круглых сирот, которых она взяла, на свой риск, устроить

в Ленинграде. Хлопоты с квартирой, а также составление отчета для Октябрьского РОНО по руководству интернатом заняли много времени. Место в 235-й школе было занято другим учителем, и О.М. Бурмистровой пришлось согласиться на неполную ставку.

В 1972 году свердловский краевед М.П. Бирюков по воспоминаниям и документам написал очерк «Першинский интернат ленинградских детей», в котором подробно описал все указанные выше события. Печатная рукопись этого очерка бережно хранится в фондах Народного музея «Амузы не молчали...», а материалы использованы для создания данной статьи.

Исследовательская деятельность учащихся по теме «Наша школа в годы Великой Отечественной войны»

Бойко Татьяна Николаевна,

заведующий музеем «Герои Ораниенбаумского плацдарма» ГБОУ средняя школа № 238 Адмиралтейского района Санкт-Петербурга

Материалы, документы, воспоминания об эвакуации учащиеся и учителя нашей школы собирали по крупицам. Начало этой работы было положено в 2008 году изучением воспоминаний Льва Демина, выпускника нашей школы 1940 года, сбора информации в архивах Санкт-Петербурга, Ярославской и Костромской области.

Учащиеся заинтересовались этим этапом в истории школы, записывая воспоминания жителей блокадного Ленинграда МО Адмиралтейский округ, была издана книга материалов и воспоминаний «Нас вместе называли Ленинград».

Важным этапом стала поездка группы учащихся в Ярославль, Кострому, Нерехту, Судиславль и село Шахово осенью 2009 года, подготовленная на основе первых результатов архивных поисков.

Эллине Шевцовой стало интересно, «как и куда дети были эвакуированы, в каких условиях они жили, чем занимались, как их встретили, и как относились к ним долгие годы войны». Этим вопросам она посвятила свое исследование «Детские дома блокадного Ленинграда в Ярославской и Костромской областях», а Баранова Дина остановилась подробнее на эвакуации нашей школы, проанализировав фотографии, воспоминания, документы, предоставленные Судиславским краеведческим музеем, и собранные нами материалы в ходе поездки 2009 года.

Подбирая литературу по данной проблеме, Эллина с интересом прочла книгу Станислава Котова «Детские дома блокадного Ленинграда». В ней собран большой материал о детских домах на территории Ленинграда (воспоминания детей и воспитателей, фотографий, исторические справки). «В этой книге я, к своей радости, нашла и воспоминания людей, эвакуированных детьми в Нерехту. Эти воспоминания, также, как рассказы О.Н. Петровой, жителей Судиславля, заметки воспитателей Судиславского детского дома и письма их воспитанников, стали ценнейшим источником для понимания другой стороны жизни детей: их ощущений, отношений, которые складывались у них со сверстниками и взрослыми, – всего того, что помогло бы лучше понять, почувствовать обстоятельства, в которых приходилось существовать маленьким блокадникам. Они были ценны для меня именно своей искренностью, субъективным взглядом, на все, что тогда происходило», – пишет Эллина.

Нам удалось побывать в селе Шахово. «Мы приехали в Шахово, когда уже стемнело. Наш переезд из Судиславля продолжался в течение 10 минут. Запомнилась тишина, встретившая нас. На автобусной остановке нас встретили директор Шаховской школы, ученики школы, местные жители. Мы пошли в церковь, так как это было единственным местом, где мы могли собраться и поговорить. Рядом с церковью во время войны находилось деревянное здание школы, которое не сохранилось. Нам рассказали о церкви, в которую мы пришли, ее видели, возможно, и бывали в ней школьники в годы войны. Директор школы и жители рассказали о том, что они знают об эвакуации нашей школы, о том, что они помнят и о том, что рассказали им их родители. У меня сложилось впечатление причастности к тому, что происходило тогда, в 1941 году, когда в это тихое село приехали ленинградские школьники. Приехали без родителей, а с учителями и воспитателями, и прожили почти четыре года. То мужество, которое проявили ученики и учителя нашей школы, то единство людей, их взаимопомощь и взаимовыручку в годы войны, я буду помнить всегда», – написал об этой встрече Саганенко Виктор.

Побывать на Земле, которая приняла сотни тысяч ленинградцев в годы Великой Отечественной войны, почтить память ленинградцев, навсегда оставшихся в местах эвакуации, – это цель нашей второй поездки 2013 года. Об этом написала свою работу Ордынец Валерия.

На Ярославской земле до сих пор помнят о маленьких блокадниках, которые так и не доехали до пункта эвакуации или скончались там. В некоторых городах, где были детские дома, сейчас находятся памятники, посвященные эвакуированным ленинградцам. Всего в Ярославле были захоронены около 10 тысяч погибших блокадников.

Сколько всего ленинградских детей было эвакуировано в Ярославль?

Мемориальная доска на здании железнодорожного вокзала содержит информацию о 162 эшелонах с жителями блокадного Ленинграда.

В Костроме на бывшем Лазаревском кладбище установлен памятник ленинградским детям. Это памятник глубокой скорби и печали, памятник героизму и мужеству юных ленинградцев, кому не суждено было дожить до Победы. Ребята из поисковых отрядов костромских школ номер 35

и 38 выяснили, что зимой 1942 года в Кострому было эвакуировано более 10 тысяч ленинградских детей. Их привозили в прицепных вагонах товарных поездов и расселяли в госпиталях и общежитиях крупных фабрик. Жители Костромы собирали деньги, теплые вещи и продукты для маленьких ленинградцев. Многие дети были до того обессилены и истощены, что их организм не мог справиться с болезнью. Около 300 юных ленинградцев были похоронены в Костроме. Долгое время обсуждался проект памятника, различные варианты и сначала был установлен простой гранитный камень с памятной табличкой. «Мы возлагали цветы и провели минуту молчания у памятника ленинградским детям в Костроме. Это памятник глубокой скорби и

печали, памятник героизму и мужеству юных ленинградцев, кому не суждено было дожить до Победы» – пишет Валерия. Особенно поразили современных школьников детские игрушки, принесенные к памятнику.

Так стала складываться новая школьная традиция поездов по Ярославской и Костромской землям.

Исследования позволили дать общую картину эвакуации нашей школы, мы создали стенд, оформили витрину, посвященную нашим ученикам и учителям в годы Великой Отечественной войны.

Исследования этих материалов, так же, как и поиск наших учеников, переживших войну, документов, фотографий продолжается.

Эвакуация 238 школы в село Шахово. (по воспоминаниям В.И. Мордасова и М.Н. Антоневиц)

Зайцева Татьяна,

учащаяся 9 класса ГБОУ средняя школа № 238 Адмиралтейского района Санкт-Петербурга
(руководитель – Бойко Т.Н.)

Источники. В 2018 году нашей школе исполнилось сто лет. Мы готовились к этому юбилею: собирали информацию об учениках и учителях нашей школы, удалось найти дополнительную информацию об эвакуации школы в воспоминаниях Татьяны Андреевны Феоктистовой и Марии Николаевны Антоневиц, а также разыскать одного из учеников школы Валентина Ивановича Мордасова. В.И. Мордасов в своей книге «Хрящевские этюды» рассказал об эвакуации учащихся нашей школы. Я лично встречалась с Светланой Крамаровой, которая бережно хранит воспоминания и документы её мамы, Муси Антоневиц. Ее письма, фотографии, документы и воспоминания, написанные в 2000–2014 гг., стали важным источником для моей работы.

Эвакуация. Из воспоминаний В.И. Мордасова известно, что уже в начале июля началась подготовка к отъезду: «В самом начале войны, на всякий случай, из школ приходили составлять список детей для эвакуации. В каждой семье прошёл совет о том, будет ли их ребенок уезжать из города или останется в Ленинграде. Вскоре разлетелась весть, что немцы приближаются к Ленинграду и детей стали срочно собирать в дорогу».

Ученики 238 школы покинули Ленинград 5 июля 1941 года. Из воспоминаний В.И. Мордасова: «Настроение у нас было даже приподнятое. Прощание с родителями не было очень трогательным – ведь мы, как нам тогда сказали, ехали в летний лагерь».

Путь был непростым. Сначала дети, сев на поезд, ехали по железной дороге до Костромы. Из воспоминаний В. Мордасова: «На вторые сутки без приключений мы пересекли Волгу. Это стало для нас маленьким событием. В вагоне кто-то крикнул: «Смотрите, Волга!». Ребята прикинули к окнам. За окнами мелькали фермы моста, а внизу с искристыми проблесками синела широкая река, окаймлённая желтеющими полосками песчаных берегов».

Из открытки М.Н. Антоневиц, посланной родителям 7 июля из Рыбинска, известно, что поезд ехал не спеша, в течение трёх дней, делал остановки в маленьких городах. Муся пишет, что она скучает по родным. Также мы узнали, что тех кто болел в поезде, лечили, давали лекарства.

7 июля «к вечеру наш поезд остановился у вокзала города Костромы. Нам велели выйти на перрон и

построиться. Нас пересчитали и повели на привокзальную площадь, запряжённую подводами. Нас уже ждали. На подводах ехали мы долго. Помню, ночью была остановка в каком-то селе. Нас партиями по очереди заводили в школу, где был организован «пункт питания». Нам дали по алюминиевой кружке жидкого, но горячего чая, по четыре куса пилёного сахара, по паре яиц, сваренных вкрутую, и по два ломтя хлеба. Почему-то этот ночной «пир» запомнился мне на всю жизнь. Наверно, из-за контраста с тем, чем кормили меня родители дома» - вспоминает Валентин Иванович.

Из воспоминаний М. Антоневиц: «Можно считать, что мне крупно повезло: нас вовремя отправили, и не в те места, куда потом дошли фашисты, и нас не бомбили в дороге. Эшеленом мы доехали до Костромы. Затем нас и вещи погрузили на подводы и повезли дальше...».

Так дети оказались в селе Шахово Судиславского района. Всего в Шахово прибыло 280 детей в сопровождении педагогов.

Известно, что за некоторыми детьми приезжали родители из Ленинграда, они возвращались в родной город, или вместе оказывались в эвакуации. Так, за Валею Мордасовым приехала мама и увезла сына в родное село Хрящевка. А мамы Ксении и Юрия Кефели и Муси Антоневиц остались жить в Шахово, работали в колхозе.

Организация жизни и учебы. «Село стояло на холме. Из достопримечательностей в нём были: церковь с колокольной (служб не было, наверху пост МПВО), две стоящие рядом школы, сельсовет, почта, магазин сельпо, изба-читальня. В центре – перекрёсток дорог и пожарный водоём (пруд с тритонами). Электричества не было нигде. Телефон – на почте и в сельсовете, там же теоретически было и радио, но работало плохо».

Был образован детский дом № 54 Судиславского района.

Организационные проблемы решались постепенно: определялись в избы младшие школьники, старшие обустроились в большом амбаре. Голые стены, дымившие печи, которые топились сырыми дровами, в комнатах стояли наспех сколоченные топчаны. Спать приходилось на матрасах, набитых сеном. Несмотря на то, что топили целыми днями, было холодно.

По воспоминаниям местных жителей, ленинградские дети над своими кроватями делали надписи со своими фамилиями и рисунки.

Взрослые, решая проблемы размещения, питания, порой не успевали присмотреть за детьми. В.И. Мордасов вспоминает, что они наелись ягод и грибов и попали в больницу. «Любимым местом наших прогулок был расположенный за территорией школы ольшаник. Следует заметить, что ольшаник был любимым местом и старшекласников. Там, скрываясь от бдительных очей директора интерната, они курили самокрутки из сухих листьев, о чём-то беседовали и пели».

Взрослые пытались подарить им ту заботу и внимание, которых они лишились, так как у многих погибли родители и другие родственники. Дети, жившие в Шахово, быстро сдружились с ленинградцами, привыкли к ним. Часто эвакуированные получали письма от близких, оставшихся в Ленинграде, и очень радовались этому. Они, наверное, как никто другой верили в Победу и ждали ее. В.И. Мордасов вспоминал, что за книжным шкафом у ребят висел старый репродуктор, из которого они узнавали сводки с фронтов: «Нас, конечно, интересовала судьба Ленинграда, где остались наши близкие. Однажды по радио передали, что фашисты прорвались к городу на реке Н, но были отброшены доблестными кавалеристами, и прорыв был ликвидирован. Ребята решили, что речь идёт о Ленинграде, ведь это он стоит на реке Н, то есть на Неве!».

Осенью правление колхоза решало проблемы питания, одежды и обеспечение всем необходимым: приготовило для них интернат, столовую, необходимое оборудование. По мнению учителя А. Кузнецовой, продукты питания доставлялись бесперебойно. Тетя Валя – Валентина Ивановна Чистякова возила хлеб. В коридоре были специально поставлены столы, за которыми дети завтракали, обедали и ужинали, внимательно наблюдая за поваром. Ели из глиняных мисок. У детей был следующий рацион: на завтрак – каша и чай с хлебом, на обед – полторы пиалы супа («основной посудой нашей почему-то были пиалы», – вспоминает В.И. Мордасов) и пиала второго (пюре или макароны), хлеб

с кусочком масла размером с кубик рафинада. Масло, кто хотел, клал во второе, а многие оставляли полпорции хлеба с маслом на ужин (выносили потихоньку из столовой). На ужин полагался чай с двумя кусочками колотого сахара. Хлеба давали на завтрак и ужин по 1/22 буханки, а на обед 1/20 буханки.

Школа. В сентябре 1941 года ленинградские дети пошли в школу. В селе Шахово школа располагалась рядом со старинной церковью в двухэтажном деревянном здании (не сохранилось до наших дней). Были назначены учителя, проводившие уроки специально для них, затем местные и ленинградские школьники учились вместе. Удалось установить имена некоторых учителей Шаховской средней школы: Зинаида Васильевна Преображенская была директором школы и учителем истории, преподавала А. Кузнецова. Директором интерната была М.М. Ковригина. В начальной школе работала и учительница младших классов 238 школы Мария Эдуардовна Михайлова

Дети учились и трудились. Они выполняли всю домашнюю работу: топили печи, убирались. Девочки шили и вязали одежду. Летом все вместе собирали урожай: огурцы, морковь, капусту – все это шло к столу. «Большую помощь ребята оказывали колхозу в проведении полевых работ. Правление всегда выручало с питанием. Чтобы сделать жизнь ребят интересной, содержательной, проводились различные мероприятия. Действовали кружки, совершались экскурсии, ставили спектакли, концерты детской художественной самодеятельности, отмечали дни рождения учеников, оформляли выставки детских рисунков, поделок, собирали лекарственные травы и т.д.».

В 1945 году учащиеся покинули Шахово. За прожитое в эвакуации время ленинградцы крепко сдружились со сверстниками, воспитателями и учителями. Перед отъездом на митинге выступила директор интерната М.М. Ковригина со словами: «Дорогие друзья! Мы вас будем всегда вспоминать добрым словом...».

Поиск учеников нашей школы, эвакуированных в Шахово, и информации о них продолжается.

Вдали от Ленинграда (письма из эвакуации)

Смирнова Мария,

учащаяся 9 класса ГБОУ средняя школа № 534 с углублённым изучением английского языка имени Героя России Тимура Сиразетдинова Выборгского района Санкт-Петербурга (руководитель – Лукьянова О.Ю.)

В нашем школьном музее Ученика хранятся письма, написанные в эвакуации ленинградским подростком Андреем Чигиринским. Прочитав их, я поняла, что мальчик по имени Андрюша (как он подписывался в конце каждого письма) писал девочке по имени Галя, которая находилась в эвакуации в Нижнем Тагиле. Девять писем он написал из местечка Арлагуль Курганской области, расположенного практически на границе России и Казахстана в 2 700 километрах от Ленинграда. В то время Арлагуль – это небольшое село, состоящее из 70 домиков, где Андрей жил и учился в школе. Арлагуль от Нижнего Тагила находится на расстоянии 600 километров [2]. Для современных условий – это очень небольшое расстояние, но тогда это расстояние было трудно преодолимое. Последние 4 письма написаны из Ленинграда.

Я решила побольше узнать об Андрюше и стала искать сведения о нём в интернете, в списках эвакуированных [1]. Мне удалось узнать, что полное имя Андрюши – Чигиринский Андрей Николаевич, он родился в 1930 году. Семья проживала на улице Воинова (наст. Шпалерная) в доме 64, квартире 24. С наступлением войны родители Андрея ушли на фронт. Его «мама обеспечивала радиосвязь в качестве старшего радиста на флоте, имела награду «За оборону Ленинграда», а отец был капитаном корабля и, вероятно, одним из его боевых заданий была перевозка по ленд-лизу боеприпасов, техники и продовольствия из США в СССР. Даже бабушка Андрея вносила свой вклад в Победу – шила ватники для нужд фронта» [3, с. 187]. Андрей был эвакуирован вместе со своей школой № 163 5 июля 1941 года, то есть за два месяца до начала блокады Ленинграда в Вологодскую

область. Вероятно, эвакуация школы в Курганскую область была повторной.

Эти сведения стали началом моего исследования. Теперь можно было анализировать письма.

В селе Арлагуль дети жили и учились в одном здании, номер школы сохранился ленинградский – 163, учились вместе с девочками (правда, может быть, и в разных классах, ведь тогда существовало раздельное обучение). Ребята трудились, занимались самообслуживанием, иногда сами себе готовили, заготавливали и пилили дрова, спасаясь от холода, по весне сажали огород и принимали меры к его охране от непрошенных гостей. Но, конечно, играли и в детские игры: в футбол, в шахматы, самодельные карты, обучались военному делу, мечтали о походе в кино (по его словам, кино привозили 2 раза в год) и театр, и, конечно, о возвращении в родной Ленинград, о встрече с родными.

Андрей хорошо учился. В письме от 4 февраля 1944 года есть такие слова: «За вторую четверть у меня по всем «Отлично». Сейчас по алгебре мы проходим формулы сокращённого умножения. Не так уж трудно, как казалось». Но в школе бывает разное: «в этой четверти я сначала получил кол по русскому устному, тройку по алгебре и четвёрку по зоологии, как видишь начало, что надо! Правда кол я получил вот за что: нам надо было разбирать упражнение и озаглавить его. Меня вызвала русачка, и я стал сразу разбирать его, не прочтя название. Она без лишних слов посадила и поставила единицу...» [5: 8 мая 1944]. Это не единственный случай, который Андрей описывает, когда с учителями возникают трения, но у кого из мальчиков их не бывают, тем более, что шла уже весна 1944 года, и он уже мысленно был в Ленинграде.

В конце апреля 1944 года школа готовилась к празднованию 1 мая. «Я участвую в пьесе «В тылу врага» и в хоре. Завтра у нас занятий не будет. Будем проводить военно-тактическую игру. К нам приехал капитан из военкомата, награждённый орденом Александра Невского первой степени. Он будет проводить смотр всем нашим «войскам». Я сейчас командир отделения. Вообще с наступлением тёплых дней уроки по военному делу стали ещё интереснее. Мы учимся преодолевать препятствия. Надо сначала перелезть через забор, потом перепрыгнуть через две метровых загородки, потом пройти по «буму», а оттуда по шесту влезть на столб. Шест высотой 4 метра. Я все препятствия, как и все мальчики, преодолеваю легко. Немного труднее лезть по шесту» [5: 20 апреля 1944 года].

За 7 класс все испытания (экзамены) сдал на «5». «Интересно прошли испытания по военному делу. По теории мы отвечали только на 3 вопроса, а остальное – практика. Мы провели «настоящую» войну с минными полями, танками, пулемётами и пр.» [5: 2 июня 1944 года].

Из многих писем видно, что Андрей был вовлечен, как бы сейчас сказали, в активную внеурочную деятельность, принимал участие в организации и проведении праздников – Нового года, 23 февраля, 8 марта. Он пел в хоре, играл роли в школьном театре, вероятно, применял свои художественные навыки – а рисовал мальчик неплохо – может быть, участвовал в изготовлении стенгазет, агитационных плакатов.

О его рисунках стоит сказать особо. Они содержатся в 6 письмах. Мне понравились все его рисунки, они все имеют названия. «Гибель «Варяга» – очень хороший и яркий рисунок (использовано несколько цветных карандашей), изображён трагический момент взрыва на корабле. Хорошо у Андрея получаются люди. Например, на рисунке «Наши ребята во

время топки печи». По этому рисунку я поняла, что они носили форменную рубашку, может быть даже гимнастёрку, заправленную в брюки.

Какой мальчик не рисует войну даже в мирное время?! У Андрея тоже эта тема появляется в трёх письмах: «Смерть немецким оккупантам», «Смерть гадам» и в поздравлении с Новым годом: изображение Кремля и летящих самолётов. Но самым смешным и фантазийным является рисунок «Победа Ястребиного глаза над Волчьим клыком». В нём он вставил свою неудачную фотографию – она получилась очень затемнённой, и Андрей решил, что её можно использовать в сюжете с краснокожими индейцами.

Увлечение рисованием стоило ему снижения оценки за поведение до «хорошо» с подачи учителя по русскому языку, что Андрея очень огорчало.

Итак, жизнь в эвакуации без родных, в отрыве от привычных довоенных ленинградских культурных возможностей непростая, но ведь шла война, и об этих ценностях можно было только мечтать. При этом ребята были в безопасности, здесь не стреляли, не взрывались бомбы, и они не умирали от голода. Андрей старался хорошо учиться и активно участвовал в школьных делах, обо всём этом он рассказывал в своих письмах Гале.

Самое время рассказать о Гале – Галине Всеволодовне Кравченко. Именно она, известный краевед, большой друг нашего музея и передала эти письма в наш школьный музей. Подробности о Гале я узнала из книги «Лесной: исчезнувший мир» и из личной встречи. Она тоже родилась в 1930 году, как и Андрюша. Семьи Гали и Андрея до войны дружили. В книге есть рассказ Галины Всеволодовны, в котором она очень подробно описывает своё детство в Лесном, счастливое детство, которое «успела прожить целиком до войны и в таком месте, лучше которого..., не было на свете». Одно лето Андрей целиком провёл в Лесном, в семье Гали. С началом войны её семья тоже оказалась в эвакуации – в Нижнем Тагиле [4].

Возвращение в Ленинград в ту пору было непростым. Андрей специально попросился на обучение в училище, так можно было быстрее приехать в Ленинград. Последние письма датированы осенью 1944 года. Андрей работал по 6 часов на заводе, он «обтачивал поршни для паровых машин», носил дрова с пристани на завод, разбирал разрушенные дома, мечтал поступить в Школу юнг Ленинградского пароходства, учился кататься на велосипеде, подаренном отцом, ходил с мамой и бабушкой в кинотеатр. Позже Галя тоже вернулась, и они с Андреем увиделись, но по жизни пошли разными дорогами.

В дальнейшем Андрей стал военным врачом, блестящим морским офицером, женился. Со слов Галины Всеволодовны «был атлетичен и красив, как киноактер. В 37 лет трагически погиб». Это была бытовая трагедия. А для нас – история с грустным концом. Галина Всеволодовна всю жизнь хранила эти письма Андрея, теперь мы будем хранить их в нашем Музее.

Об эвакуации и эвакуированных людях я узнала много нового. Городские власти сделали немало, чтобы отправить людей в тыл разными путями. Письма и рассказ Галины Всеволодовны дают мне право сделать вывод, что, несмотря на отсутствие родственников и близких, сложные бытовые условия, в которых оказались эвакуированные дети – они продолжали старательно учиться, мечтали вернуться в родной Ленинград, поддерживали друг друга, посылая друг другу письма. Благодаря эвакуации сохранялась их жизнь.

Список использованной литературы и источников

1. Блокада Ленинграда. Эвакуация : [сайт] / Арх. ком. Санкт-Петербурга. – 2011–2015. URL: <http://evacuation.spbarchives.ru/> (дата обращения: 20.11.2017).
2. Карта России и мира : [портал]. – URL: (дата обращения: 20.11.2017).

3. Глезеров С.Е., Кравченко Г.В., Фояков И.О. Лесной: исчезнувший мир : очерки петербургского предместья. – М. : Центрполиграф ; СПб. : Русская тройка-СПб, 2011. – 429 с.

4. Интервью с Галиной Всеволодовной Кравченко // Фонды Музея Ученика ГБОУ СОШ № 534 Выборгского района.

5. Письма Чигиринского А.Н. к Кравченко Г.В. // Фонды Музея Ученика ГБОУ СОШ № 534 Выборгского района.

Дети Ленинграда в Киргизии

Куркина Наталья Анатольевна,

инструктор по физической культуре ГБДОУ детский сад № 85

Красносельского района Санкт-Петербурга

Среди многих и многих эпизодов Великой Отечественной войны героическая и трагическая история города на Неве не просто занимает особое место. Наш город стал одним из главных символов сопротивления и выдержки, а перенесённые им испытания доказали, что даже на самом краю, среди бесконечных страданий, страха, боли и отчаяния не только один человек, но и десятки тысяч людей могут оказаться сильнее судьбы.

Кажется, об этом сказано и написано всё. И, тем не менее, некоторые страницы этой истории мало, кому известны, а имена некоторых героев потрясшей весь мир ленинградской блокады по сей день не только не увековечены, но и забыты.

О событиях, начавшихся в 1942 году, мы узнали от их участников, с которыми удалось пообщаться в 2017 году в Киргизстане.

В 1942 году из блокадного города были эвакуированы дети, оставшиеся без родителей. Некоторые из них были совсем малыши, ещё совсем плохо говорили. Не было возможности узнать имена некоторых детей, т.к. за время долгого пути на привязанных к детским ручонкам тряпицах стёрлись имена и фамилии.

В киргизском селе Курменты на Иссык-Куле, куда привезли ребятишек, заботу о них поручили председателю местного сельсовета, совсем молодой девушке – Токтогон Алтыбасаровой. Сельчане под руководством Токтогон принимали, накормили и одели голодных, истощённых, измученных малышей. Сама Токтогон заботилась о детях, как родная мать. Она давала им имена, устраивала в детские дома, следила за их судьбами. И благодаря ей, ни один из малышей не умер, все они не только пережили войну, но вернулись потом к нормальной жизни. Многие вернулись в родной город, кто-то нашёл своих родных.

Валентина Ивановна Степанова (Ащеулова), которая сейчас живёт в столице Киргизии Бишкеке, поделилась своими воспоминаниями о тех событиях.

«В Ленинграде мы жили на первом этаже на конечной остановке трамваев, на улице Троицкое поле, дом 9, кв. 2. Нас вывезли по Ладоге, маме было 22 года, меня бросили в бортовую машину, маме сказали: «Беги!», больше я её не видела. Затем, нас посадили в телячьи вагоны (там были воспитатель Лидия Ивановна и медсестра Анна Ивановна) и привезли в Киргизию».

О том, как тяжело приходилось детям во время эвакуации, мы узнали из воспоминаний другого ребёнка, вывезенного из Ленинграда в годы войны. Воронцова Людмила Николаевна 22.06.1935 г.р., в Ленинграде жила по адресу:

ул. Зверинская, дом 32, кв. 41. Состоит в «Обществе жителей блокадного Ленинграда» в Кыргызстане, ныне живёт в городе Каракол Кыргызстана.

Вот её рассказ: «10 марта 1942 года умерла мама, я одна пошла в детский сад – там кормили. Эвакуировали на катерах, затем в товарных вагонах ехали дети от 2-х до 14-ти лет. Во время бомбёжек вагоны не останавливались, мальчики хватали малышей – и в лес. По дороге я получила 4 ранения. Помню, в Тиньковке (Тагайский район) было много белорусских детей и плохие условия (волки, крысы). На какой-то станции мы кормили пленных немцев. Потом я оказалась одна. Приходилось ехать на подножках товарных вагонов. Много людей ехали на подножках. Нас оттуда скидывали».

Медет Зайнидинович Омуралиев – житель горного посёлка Курменты в Киргизии рассказал: «Во время войны в посёлке жила молоденькая девушка Токтогон. Она была активной, знала русский язык, была грамотной. Её попросили стать председателем сельского совета. Она отказывалась, но потом согласилась. Когда сообщили о детях, поехала на Пристань встречать. Детей в возрасте от 3 до 10 лет переправили озером на баржах, оттуда до Курментов везли на десяти бричках».

Валентина Ивановна продолжает вспоминать:

«Когда приехали в посёлок Курменты, помню большую тёплую баню, председатель, совсем молоденькая девушка, собрала колхозников, попросила помочь. Токтогон дала мне туфли, платье, кофточку, отправила в Джеты-Огуз на лечение. Сама приезжала в больницу навещать. В Курментах было тепло, нас кормили, тётенька приносила молоко, кто-то приносил супчик, бобы и другие продукты, кто что мог. Когда люди что-то приносили, Токтогон говорила: «Сначала малышам!». Когда мне было 7 лет, меня отправили учиться в другой посёлок в детский дом (Токтогон в дорогу дала одежду и еду). Там, в другом посёлке, было очень тяжело, еду наливали в лопухи, хлеба не видели. Курменты нас хорошо поддержали, когда мы только приехали из Ленинграда». Односельчане Токтогон вспоминают, что она заботилась и о том, чтобы дети хорошо учились и развивали свои таланты.

После войны Токтогон Алтыбасарова вышла замуж за фронтовика, родила и вырастила восемь собственных детей, они подарили ей внуков. Никогда она не напоминала о своём подвиге, не просила за него никаких наград. И своих подопечных не забыла. Она вела с ними переписку, знала о судьбах многих из них, а они сохранили и ныне хранят (те, кто сейчас живы) память о своей приёмной маме и огромную благодарность к ней. Умерла героиня в 2015 году.

В столице Кыргызстана Бишкеке есть памятник Токтогон Алтыбасаровой.

Прошли десятки лет. Распалась страна, изменились многие идеалы, зажили, если не все, то многие раны войны. Но подвиг юной киргизской девушки и спасённые ею десятки детских судеб остались золотыми строками на страницах истории самой страшной из пережитых человечеством войн. Только об этом подвиге знают немногие, даже в самом городе на Неве.

Было бы очень правильно, чтобы память о Токтогон сохранили в Санкт-Петербурге, чтобы в нашем городе

появился, пускай самый скромный, но достойный памятник Т.Алтыбасаровой в одном из мест, тесно связанных с блокадной историей. Существует даже эскиз памятника, созданный скульптором Виктором Сергеевичем Остриковым.

Узнавая о тех событиях, общаясь с людьми, ощущаешь соприкосновение со святыней. В далёком от Ленинграда маленьком киргизском посёлке в тяжёлые военные годы простые люди ежедневно буднично совершали подвиг: отогревали чужих детей. Организовывала, руководила работой молоденькая хрупкая девушка с железным характером и большой, щедрой душой.

Ленинградские дети на Ветлужской земле

Левашова Наталья Сергеевна,

учитель истории Муниципального общеобразовательного учреждения

«Ветлужская школа № 2» Города Ветлуги Нижегородской области

«Ленинградские дети» – так называли у нас в Ветлужском районе Горьковской области воспитанников детских домов, эвакуированных из блокадного Ленинграда летом 1942 года. В июле-августе 1942 года в Горьковскую область прибыли 5282 ребенка из Ленинграда и Ленинградской области. Детей встречали в г. Горьком, а затем распределяли по районам.

В наш Ветлужский район направили два детских дома: дошкольный детский дом № 20 Ленинского района и Сестрорецкий детский дом.

Дошкольный детский дом № 20 эвакуировали 20 июля 1942 года эшелонам № 168 через Финляндский вокзал. На время эвакуации директором была назначена Иевлева Агриппина Владимировна. Этот детский дом разместили в бывшей усадьбе помещика Стюсси в деревне Беляевка (в трех км от г. Ветлуги). Здесь он получил новое название – «Беляевский детский дом № 20».

В Беляевку приехало 124 ребенка в возрасте от трех до двенадцати лет (*авт. списки детей восстановлены*). Вместе с воспитанниками эвакуировались четырнадцать сотрудников детского дома со своими детьми. По воспоминаниям ветлужских воспитателей, это были истощенные, страшно худые дети, которые едва держались на ножках, некоторые от слабости не могли ходить, страдали различными кожными заболеваниями. Сотрудники детского дома окружили детей заботой и вниманием, не отходили от них даже по ночам. Но, несмотря на все старания, четыре ребенка так и не смогли выжить: Прокофьева Жанна (5 лет), Шаровский Юра, Уланова Зоя, Скиба Вова (4 года). Эти события стали самой черной страницей в истории Беляевского детского дома.

Первое время было очень тяжело, всего не хватало: дров, продуктов, мебели, игрушек. Жители Ветлуги не остались в стороне: приносили, кто что мог: картошку, вещи подросших детей. Женщины из деревень привозили ягоды.

В начале, Беляевский детский дом был на районном бюджете. Соседний колхоз «Искра» должен был снабжать детей продуктами, для чего пришлось значительно увеличить посевные площади зерновых и картофеля. Из колхоза на подводах в детский дом привозили мясо, молоко, масло.

В 1943 году детский дом передали на областной бюджет. Стало легче и с питанием, и с одеждой. С семи лет дети ходили в школу в деревне Ефаниха, воспитатели несли ответственность за выполнение детьми домашнего задания, за их успеваемость в школе. Очень важное место в

воспитании занимал труд. Дети дежурили на кухне, делали уборку. Девочек научили шить, вышивать. Большое внимание уделялось организации досуга воспитанников детского дома. Так в ноябре 1944 года директор детского дома Н.В. Пономарева приказала воспитателям организовать досуг детей «на чтение, пение, рукоделие, рассказывание и т.д., не допуская «болтовни» детей по коридорам». В пятом классе три раза в неделю проводилась политинформация. Один раз в неделю – собрание по итогам успеваемости и вечера художественной самодеятельности.

Постепенно жизнь налаживалась: воспитанники детского дома были сыты, одеты. А самое главное, что они снова научились смеяться и вести себя как самые обычные дети, хотя еще долгое время старались припрятать кусочек хлеба «про запас» – страх голода не покидал детей.

В 1944 году, когда была снята блокада Ленинграда, в Беляевку стали приезжать родители и родственники в поисках своих детей. Девятого июня 1945 года в Ленинград к родственникам уехали двенадцать воспитанников. Вернулись в Ленинград и воспитатели со своими семьями: Алехова, Иевлева, Петрова, Игнатьева, Кремень, Смирнова. В декабре 1945 года в Ленинград к родственникам было реэвакуировано ещё тринадцать детей. Уехали и оставшиеся сотрудники детского дома – ленинградцы.

Но большинство детей война оставила сиротами. В Ефанихе была только начальная школа, поэтому, после окончания 4-х классов детей направляли в другие детские дома. Затем большинство из них уедут учиться в ремесленные училища г. Горького. И уже взрослыми они будут приезжать в Ветлугу к своим воспитателям, которые для многих стали самыми близкими людьми. Одна из воспитанниц – Егорова Эвелина Иосифовна приезжала из Москвы в Ветлугу в течение 40 лет вместе со своей семьей, купила здесь дом. И по её просьбе похоронена на ветлужском кладбище.

Тогда же в июле 1942 года Ветлужский район принял еще один детский дом, который был эвакуирован из города Сестрорецка. Его разместили в рабочем поселке имени Калинина, и он стал называться «Калининский детский дом». Сюда направили 117 детей в возрасте от четырех до шестнадцати лет, с ними и сотрудников Сестрорецкого детского дома.

Первая зима в эвакуации была трудной – дети продолжали умирать, не от голода, а от болезней. Ещё в сентябре 1942 года от истощения умерла первая девочка – Смирнова

Аня в возрасте пятнадцати лет. В течение года умрут ещё 5 детей. В их числе и младшая сестра Ани – Смирнова Полина с диагнозом «миллиарный туберкулез». Эти ленинградские дети навсегда остались на ветлужской земле.

За этими трагедиями последовала проверка из г. Горького, и был назначен новый директор – Медведева Клавдия Ивановна. Она сама ездила по колхозам, откуда привозили продукты. В детском доме было самообслуживание: старшие дети ухаживали за младшими. Ребят из старшей и средней групп разделили на 4 бригады. Каждая бригада дежурила неделю. Сами пилили и кололи дрова, топили печи, носили воду на коромысле, работали на кухне.

В 1943–1944 гг., когда воспитанники детского дома окрепли, они работали в колхозе наравне с местными жителями – теребили лен. Для городских детей это было особенно трудно. Надо было вытащить и связать 100 снопов – это норма. Очень болели руки и ноги (работали босиком). Но никто не жаловался – все трудились, знали, что это нужно для фронта, для нашей Победы.

Была организована детская самодеятельность. Алексей Филиппович Шемаков – учитель немецкого языка в

поселковой школе – создал струнный оркестр. Он же руководил хором. Был и кружок танцев. Дети выступали в местном Доме культуры и ездили по колхозам. В кружке по рукоделию Антонина Александровна Кинкман научила вышивать разными способами. Под её руководством девочки сами шили себе кофточки из белой бязи и украшали вышивкой. Все это потом очень пригодилось в жизни.

В 1944 году после снятия блокады Ленинграда вернулись домой сестрорецкие воспитатели со своими детьми. Уедут и старшие дети поступать в ремесленные училища, многие – в Ленинград. В 1945 году в детском доме останутся только младшие дети, потом их направят в Ветлужский детский дом. Детей среднего возраста увезут в Поповский детский дом Борского района. После этого Калининский детский дом был расформирован.

Исследовательская работа, посвященная «ленинградским детям», ведется с 2015 года. Нам удалось восстановить списки эвакуированных детей и судьбы некоторых воспитанников эвакуированных детских домов.

2.2 ПРОЕКТ «СПАСЁННОЕ ДЕТСТВО»

Проект «Спасённое детство». В начале поиска

Васильева Ирина Григорьевна,

методист, педагог дополнительного образования сектора исторического краеведения и школьного музееведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Летом 2018 года в Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных поступили копии материалов, которые рассказывали о жизни ленинградских детей в эвакуации в Чернушинском районе Пермского края (в то время Молотовской области).

Среди сканированных документов были материалы о Таушинском и Бедряжском детских домах и о Легаевском интернате. Погружаясь в отчеты работы педагогического коллектива, планы воспитательной работы и прочие материалы, меня все больше охватывало чувство восхищения людьми, которые в трудных военных условиях, работая и в поле, и в классе действительно сохранили детство для своих воспитанников. Все отчетливее вырисовывалась фигура Евгении Николаевны Скотниковой, заведующей Легаевским интернатом, благодаря стараниям которой все эти материалы не канули в лету. Кроме того, поразило количество сохранившихся рисунков детей Легаевского интерната. За что, конечно, следует благодарить руководство школы № 5 г. Чернушки и лично Тамару Анатольевну Павлову, заведующую школьным музеем. Так решение пришло само собой – сосредоточить внимание на изучение судеб воспитанников и сотрудников именно этого интерната, который до эвакуации являлся детским садом № 20 Октябрьского района г. Ленинграда.

6 сентября 2018 года в Петербург приехали педагоги и ученики школы № 5 г. Чернушки. На митинге у монумента героическим защитникам Ленинграда С.Ю. Агапитова и П.В. Миков дали старт межрегиональному проекту

«Спасённое детство». В Пермь делегация из Чернушки увезла боевое задание «Спасённое детство».

На первом этапе проекта найти кого-то из воспитанников интерната казалось практически невозможным, а сама тема была настолько интересна и важна, что хотелось поведать о ней как можно большему количеству людей. Тогда и появилась мысль подключить «Спасённое детство» к уже реализующемуся проекту «От «Искры» к «Январскому грому», посвященному 75-летию Ленинградской Победы. Участникам проекта в Санкт-Петербурге было предложено изучить стихи и рисунки ребят из Легаевского интерната и создать собственные творческие работы. Стихи, рисунки, списки эвакуированных в д. Легаевку ребят были размещены в группе проекта ВКонтакте⁸⁰, и в выполнение боевого задания включились 100 школьников Петербурга. Благодаря Историческому парку «Россия – моя история» 25 января 2019 года в канун празднования 75-й годовщины освобождения Ленинграда от вражеской блокады была открыта выставка творческих работ, которая стала частью большого выставочного проекта «Во имя жизни. Спасённое детство»⁸¹. На открытие выставки приехали наши друзья из Пермского края. В свою очередь в Перми выставка, посвященная проекту «Спасённое детство», была открыта 8 мая 2019 года.

В этот же день, 25 января, на торжественной церемонии подведения итогов в Аничковом дворце были вручены подарки и благодарности от двух Уполномоченных.

Но самое важное, что ко времени проведения выставки исследователям историко-краеведческого клуба

80 От «Искры» к «Январскому грому» // Социальная сеть ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/club157739551>

81 Выставка «Во имя жизни. Спасённое детство» // Исторический парк «Россия – моя история» : [сайт]. – URL: <https://myhistorypark.ru/poster/vystavka-vo-imya-zhizni-spasennoe-detstvo/>

«Петрополь» удалось отыскать одного из воспитанников интерната. Им оказался Исаак Хаимович Фарберов⁸². На сегодняшний день найдено 7 воспитанников интерната.

Запутанней всего в истории с Легаевским интернатом представлялось история с источниками. Оказалось, что в Петербурге в Народном музее «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» хранятся материалы, которые во многом дублируют документы, с копий которых начинался проект.

Согласно данным, предоставленным руководителем музея, Еленой Николаевной Дмитриевой, материалы поступили в музей в промежутке между 1982–1985 гг. Принесли их в музей две сестры – Наталья Михайловна Любович и Александра Михайловна Андрушевич.

Н.М. Любович и А.М. Андрушевич

Интересно, что две эти фотографии есть и в музее Чернушки. Но кто на них изображен, заведующий музеем не знает.

В исторической справке, посвященной детскому саду № 13 Васильевского острова, указано, что в 1924–1925 гг. приходят воспитатели, окончившие Педагогический институт дошкольного образования, среди которых значатся Наталья Михайловна Окиншевич-Любович и Александра Михайловна Окиншевич-Андрушевич⁸³. Согласно данным статьи педагога 13 детского сада активно занимались воспитанием и подготовкой новых кадров дошкольных работников. Воспитатели Наталья Михайловна Окиншевич-Любович и Мария Робертовна Штамм без отрыва от производства читала лекции для слушателей курсов, проходящих практику в детском саду.

Детский сад не прекращал своей работы и в годы войны. В блокадном Ленинграде его посещали 110 детей. Но среди воспитателей, работавших в блокаду, Наталья Михайловна и Александра Михайловна не значатся.

В списках эвакуированных есть фамилия и инициалы Натальи Михайловны Любович⁸⁴. Указан её год рождения – 1902. Данные согласуются с информацией, опубликованной на сайте, созданном Архивным комитетом Санкт-Петербурга «Блокада Ленинграда. Эвакуация». Запись: Любович Н.М. 1902 года рождения.⁸⁵ Если предположить, что Наталья Михайловна родилась в 1902 году, получила высшее образование и поступила на работу в 1924, то ей должно было быть 22 года, что вполне возможно.

С фамилией Андрушевич всё сложнее. В списках значится фамилия Андрушевич Н.М. Фамилия пишется с буквой «к» в середине. Поэтому на данный момент точных данных о том, была ли эвакуирована Наталья Михайловна, у нас нет.

Из документов Народного музея мы знаем, что Евгения Николаевна Скотникова, вернувшись в Ленинград, продолжила свою профессиональную деятельность в детском саду № 13, но только Куйбышевского, а не Василеостровского района.

Таким образом, остается лишь предполагать, когда и при каких обстоятельствах сестры Окиншевич познакомились с Евгенией Николаевной. И каким образом к ним попал архив Евгении Николаевны Скотниковой.

Что это за документы?

В Народном музее «Дети и дошкольные работники народного образования» находятся 5 больших папок с документами, посвященными работе Легаевского интерната.

Изобразительные материалы.

Фотографии: старшая группа, 1943 г.; коллектив сотрудников интерната на фоне Трудового Красного знамени; коллектив сотрудников интерната на фоне ковра, 1944 г.; фотография трёх девочек с пояснением «1 мая 1944 г.»

Рисунки воспитанников интерната: рисунок Осипова Толи «Деревня Легаевка. Дома напротив интерната накануне отъезда. 6.07.1945»; рисунок с изображением дома интерната без пояснения.

Стенгазета «Красный маяк» от 1943–1945 гг.

Рукописные и машинописные материалы воспитанников интерната.

- И. Юдбаровский, 1944 год. Стихи, песни, рассказы, посвященные жизни в интернате. Тетрадь в клетку в твердой обложке. Рукопись
- Стихи и песни В. Трыкова и И. Юдбаровского. Тетрадь в клетку, машинопись. 20 стихов.
- «Тетрадь № 4». Авторы: В. Трыков и И. Юдбаровский. Содержание - стихи и песни. Тетрадь в клетку. Рукопись.
- Поздравление в стихах от детей старшей группы А.А. Трещаловой, 1945 г. Стихи – И. Юдбаровский, рисунки – А. Осипов. Блокнот, Рукопись.
- В. Трыков. Воспоминания, 1975 г. Машинопись.

Рукописные и машинописные материалы воспитателей интерната.

- Трещалова А.А. О досуге старшей группы Легаевского интерната, 1944. Как ходили фотографироваться в Чернушку. Машинопись. 5 страниц.
- Трещалова А.А. Отчёт о работе старшей группы. Тетрадь в клетку. Рукопись
- Смирнова О.Ф. Запись игры со строительными материалами и игрушками-самоделками из бумаги.
- Смирнова О.Ф. Высказывания детей, 1942 г. Об отношении детей к войне. В рамках общественного воспитания детей. 2 листа в клетку. Рукопись.
- Скотникова Е.Н.: песни стихи, отрывные календари. Альбом. Тетрадь в клетку.
- Скотникова Е.Н. Годовой отчет за 1944 г. 48 листов. Листы бумаги. Машинопись.

82 URL: <http://www.anichkov.ru/page/news131218detstvo/>

83 ИСТОРИЯ НАШЕГО САДА. // ГБДОУ [сайт] – URL: <https://spbschool21.ru/istoriya-nashego-sada.html> (дата обращения: 10 октября 2019)

84 Эвакуированы из Ленинграда // Моё семейное древо: [сайт]. – URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/voyna/2-mirovaya/эвакуированные/эвакуированы-из/эвакуированы-из-ленинграда/эвакуированы-из-ленинграда-л/эвакуированы-из-ленинграда-л-спик-11.html>

85 Блокада Ленинграда. Эвакуация. - URL: <https://evacuation.spbarchives.ru/table?fo=Любович+Н.М.&birthYear=1902&evacuationYear=>

- Скотникова Е.Н. Конспект беседы с молодежью, 1973 г. 15 листов. Рукопись.

Печатные издания, которые собирала Е.Н. Скотникова.

- Вырезки из газеты «Красное Предуралье», 1942-1945 гг.
- Отдельная папка отведена под методическую продукцию, которую покупала Евгения Николаевна в годы войны. Журнал «Дошкольное воспитание» № 4-5, 6-7 за 1943 г.

Краснознаменный Легаевский интернат. О жизни детей Детского сада № 20 Октябрьского района г. Ленинграда в эвакуации

Павлова Тамара Анатольевна,

заведующий Музеем истории школы № 5 г. Чернушка Пермского края

В 2020 году исполняется 75 лет со Дня Победы. Этот день особенный в нашей стране. Великая Отечественная война не обошла стороной ни одну семью в нашей стране. Более сорока лет в нашей школе проводится поисково-исследовательская работа, посвященная участникам Великой Отечественной войны – землякам, эвакуированным предпринятиям и детям. Фотографии, статьи газет и журналов, воспоминания, письма, рисунки – все это хранится в школьном музее. Написаны десятки исследовательских работ. Много подлинных документов передано на хранение в архивный отдел и в краеведческий музей Чернушинского района. Поисково-исследовательская работа продолжается и в настоящее время.

На Урале пересеклись судьбы тысяч детей, родившихся и выросших на этой земле и тех, кто прибыл сюда в годы войны. В Чернушинский район Молотовской области в 1941 году прибыло из Ленинграда, Москвы, Смоленска и других городов около 8 тысяч человек, 2 тысячи из них – дети. Всего в районе было создано 24 интерната. В 1943 году еще был открыт в селе Тауш детский дом для ленинградских детей.

Статья посвящена Легаевскому интернату. Этот интернат был одним из лучших в области. В нем жили дети 20 детского сада Октябрьского района города Ленинграда. Главная моя задача показать, как удалось сохранить воспитателям и заведующей Скотниковой Евгенией Николаевной жизнь всем его воспитанникам, почему этот интернат был признан лучшим и награжден Красным знаменем Ленсовета.

Из воспоминаний Евгении Николаевны мы узнаем, как велась подготовка к эвакуации. На седьмой день войны заведующих детсадами вызвали в райисполком: «... завтра в 10.30 эвакуация. Куда? Неизвестно. Вы считаетесь мобилизованными. Надо же оповестить родителей, побеседовать, собрать вещи. – Когда? – Сами решайте. Имейте в виду: детей с сестрами и братьями до десяти лет не разлучать. Ясно? Действуйте». Вот такие ответы она получила на все вопросы, которые ее волновали. Оказалось, что одна ночь – военная – срок большой. Про себя пришлось забыть. Самое главное оповестить всех сотрудников детского сада и родителей. Воспитатели забежали домой, оставили записки мужьям (у кого еще не ушли в армию), наспех собрали вещи. Многие тогда не знали, что домой они вернуться через четыре года. Утром в автобусы садились «неделимые» дети, трехлетние и школьники. Дети стояли возле автобусов, уже отдельно от родителей, прижимая к себе мишек, кукол – каждому разрешили взять из детского сада богатства самую любимую (спустя много, много лет в эти игрушки еще будут играть дети

Многие из указанных материалов дублируют документы и фотографии из архива школы № 5 г. Чернушки Пермского края. Если удастся узнать, каким образом архив Евгении Николаевны попал в руки сестры Окиншнвич, то возможно, удастся пролить свет и на многие обстоятельства жизни самой Евгении Николаевны, а может и выяснить судьбу некоторых воспитанников.

этих детей). Младшие не очень горевали – они ехали «на дачу». А старшие потом сочинили стихи: «Так плакать хочется, но нужно улыбаться, чтоб мама грустной не была». Мамы не были грустны, на сердце у них лежал камень. Они не представляли себе, что разлука продлится четыре года, не думали, что многим детям суждено стать сиротами. Ночью, перед отправкой они вышивали на рубашечках и на панамках дату рождения, имя, адрес малыша, чтобы его опознали, если ранят или потеряется. На всю жизнь запомнила Евгения Николаевна этот день. Мамы бежали рядом, кричали вслед отъезжающим автобусам, а те, что сумели пробраться на перрон, – вслед эшелону: «Одевайте Аллочку теплее, она простуживается», «Соне – два раза в день капли в уши, я положила...» Каждая – свое. Тем же, кто увозил детей, слышалось одинаковое: «Сберегите!» Какие бы трудности не пришлось испытать во время эвакуации, Евгения Николаевна слышала эти голоса.

На 68 человек сначала было три воспитательницы, две няни и заведующая. Перед отъездом Евгения Николаевна просчитала все: лекарства, бинты, обязательно вазелин, нитки, иголки, пуговицы и многое другое. Это все поможет во время долгого пути эвакуации. И она всегда принимала правильные решения. При второй эвакуации из Ярославской области в Молотовскую она предусмотрела и то, чтобы дети не потеряли одежду, и было им тепло, ее привязывали вокруг тела, также привязывали и подушечку. Во время пути на пароходе «Златовратский» воспитатели встретились и с другими трудностями. С ночи занимали очередь в камбуз – чтобы приготовить детям еду. Ночью стирали их белье, благо в каютах просыхало быстро. Детей регулярно мыли. При изучении материалов и воспоминаний воспитанников и воспитателей других детских учреждений, обратила внимание, что это был единственный детский сад, где о гигиене детей так заботились на пароходе. Часто дети других учреждений голодали, мерзли и болели.

Из-за скученности и на этом пароходе начались болезни. Почти в каждом городе приходилось оставлять заболевших детей. В двадцатом же саду никто не кашлянул. Уж не знаю, что сберегло детсад №20: лизол, которым она одержимо мыла вагоны, каюты, нары, или фанатическая преданность воспитателей и его заведующей, прикрывшая их незримым, непроницаемым для бактерий облаком.

За две недели до приезда эвакуированных специальный уполномоченный Ленсовета в Молотовской области (такие были во всех областях и республиках, принимавших ленинградцев) Любовь Анисимовна Нехамкина с заместителем председателя облисполкома Георгием Николаевичем

Белецким и заведующим ОБЛОНО Василием Петровичем Масыгиным часами сидели над картой области, ожидавшей 20 тысяч детей. Все брали в расчет: мощность колхоза, состояние школы, дорог. «А хлеб – пекарня приличная?», «А врач – медпункт близко?» – эти вопросы были главными.

Прибыв в Чернушинский район в д. Легаевка, детсад № 20 из Ленинграда поселили в двухэтажном доме, это здание предназначалось для летних яслей. Как утепляли и обустривали все это – отдельная история. Все становилось событием: умывальный уголок, распялки из лучинок для одежды и многое другое. Оказали большую помощь и жители села Легаевка. Они помогли ленинградцам с мебелью, одеждой, продуктами.

Детей держали в чистоте и опрятности. Чего это стоило? Вот одно из самых острых воспоминаний: «руки, леденели в проруби, пока переполошишь полсотни простынь. Обмороки, случавшиеся с ними не раз в баньке, которую жарко топили по-черному, пока перебивали всех малышей. Составляя меню, подсчитывали, как в мирное время, калории. Разумеется, работали на земле – усердно, даже радостно. Любимая поговорка: «Что посеешь, то поешь». Городские дети вошли во вкус крестьянских хлопот. Как же, у них огород, живность, им надо дрова пилить, дом белить, снег сгребать, научились печь хлеб, запрягать лошадей, управляться с сохой, чистить печные трубы. Все дети были приучены к труду, даже самые маленькие тоже помогали посильно: собирали колоски, ягоды, грибы, лекарственные травы, ухаживали за грядками на огороде, поливали и пололи. А зимой они с наслаждением ели овощи, которые сами выращивали.

Любили ребята спортивные игры. В летнее время в 8 часов утра они выбегали на лужайку под березку на зарядку. Освеженные, обласканные первыми лучами солнца бежали дети после зарядки на завтрак. Работа интернатов всегда в поле зрения руководства области и района. Один из представителей Молотовской области тов. Хигер посетил Легаевку, увидел, как загорели за лето дети. Слова, сказанные им: « Да

у вас они такие здоровенькие, да хорошенькие, как резиновые куколочки», – стали высокой оценкой для заведующей и сотрудников интерната. Легаевский интернат вел большую культурно – массовую работу на селе и в районе – участие на собраниях, чтение газет, информации, ударная работа вместе с колхозниками на поле, – все это оставило неизгладимый след культуры.

В 1944 году интернат получил переходящее знамя Ленсовета. На знамени написано – Лучшему интернату в Молотовской области. Это знамя Евгения Николаевна в 1945 году привезла вместе с детьми в Ленинград.

8 июля 1945 года 20-й детский сад возвращался в Ленинград. Провожать интернат вышла вся Легаевка. Женщины плакали, у мужчин ком стоял в горле. Не провожали – отрывали от себя что-то очень близкое. Обратно дети ехали, как из санатория. Напекли печенья на дорогу, везли цветы, на станциях покупали клубнику. Поезд подходил торжественно, не спеша.

И вот Ленинград. На перроне родители. Они с нетерпением ждут своих детей. Когда поезд остановился, и стали из него выходить их родные детки, не все сразу узнавали своих мальчиков и девочек. Девочки все в нарядных розовых платьях, банты розовые, щеки розовые. Когда мамы потом вели их по улицам города, прохожие оглядывались – отвык город от благополучных, красивых детей. Про встречу, что ж говорить, ее не опишешь. Евгения Николаевна смотрела на своих питомцев и вспоминала тот страшный день 1941 года, когда дети покидали Ленинград, как просили мамы ее сохранить детей. Эту просьбу она выполнила. Все дети живые и здоровые, после 44 месяцев разлуки вернулись в родной город.

В завершение хочу сказать залог того, что данный интернат смог дать здоровую смену бодрых духом, смелых, готовых к учебе и труду ребят – это сила коллектива сознательность, дисциплинированность, четкость, инициатива. Воспитатели и жители села Легаевка стали для детей интерната сами родными.

«Не геройствовала, а жила...» Евгения Николаевна Скотникова: ленинградские страницы биографии

Стальмак Елена Павловна,

педагог дополнительного образования историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Говорова Арина,

учащаяся историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Евгения
Николаевна
Скотникова

Одной из ключевых фигур эвакуации двадцатого детского сада была заведующая – Евгения Николаевна Скотникова, которая проявила себя как талантливый организатор, ответственный, увлеченный и болеющий за дело человек. Невзирая на трудности пути, на бытовые и организационные неурядицы, в условиях отсутствия элементарных вещей, ей удалось сначала в Ярославской области, затем – в Пермском крае наладить образовательный и воспитательный процесс, успешно решать бытовые и хозяйственные вопросы, кормить, учить, лечить, заменять родителей 68-ми воспитанникам на протяжении четырех лет, поддерживать коллег,

вести системную методическую и управленческую работу. Ее стараниями Легаевский интернат был награжден Красным Знаменем Ленсовета как лучший эвакуированный интернат Пермского края. А воспитанники до сих пор называют Евгению Николаевну «наша блокадная мама». З.М. Трыкова вспоминает, что «все воспитатели были всегда хорошими и добрыми. Вторыми мамами. И было ощущение, что интернат – наш второй дом».

О судьбе Евгении Николаевны до и после войны известно крайне мало. Наша статья посвящена ленинградским страницам биографии заведующей Легаевским интернатом Евгении Николаевны Скотниковой.

Данные о том, когда родилась Евгения Николаевна, в источниках расходятся. Так, в Чернушинском муниципальном архиве нам удалось найти списки эвакуированных, где

указано, что Евгения Николаевна 1904 года рождения. В списках же сотрудников Легаевского интерната рукой Евгении Николаевны указано, что она родилась в 1903 году. В домашних книгах, хранящихся в Центральном Государственном Архиве Санкт-Петербурга, мы встречаем точную дату рождения — 27 ноября 1903 года. Эту же дату подтверждает и справка о смерти. В домашних книгах также указано, что Евгения Николаевна всю жизнь жила в Петербурге, однако подтверждений этому мы пока не нашли. Также неизвестна девичья фамилия Евгении Николаевны. Скотникова — это фамилия ее мужа.

О детстве и семье Евгении Николаевны мы пока сведениями не располагаем. Из «Сведений о стаже педагогических работников Легаевского интерната» мы знаем лишь, что свою педагогическую деятельность Евгения Николаевна начала в возрасте 20 лет — в мае 1923 года, в небольшом городке Боровичи. Первый известный нам адрес Скотниковой в Петрограде — Мойка, 98. По этому адресу Скотниковы впервые появляются на страницах справочника «Весь Ленинград» в 1927 году [1]. Вероятно, это была служебная квартира при Военно-ветеринарном научно-исследовательском институте Рабоче-крестьянской Красной Армии, где работал муж Евгении Николаевны.

С февраля 1928 года по 1 сентября 1930 года Евгения Николаевна руководила детской комнатой при объединенном Жакте 1, 3, 5, 7 домов по Троицкой улице и, как указано в справке Жакта, «проявила себя опытным руководителем..., соединяющим в себе качества хорошего организатора с умелым и чутким подходом к детям...» [10]. С 1930 года Евгения Николаевна начинает совмещать работу с учебой в Ленинградском Педагогическом институте имени А.И. Герцена [8]. В Центральном Государственном Архиве Санкт-Петербурга мы обнаружили документы, которые подавала Евгения Николаевна при поступлении. В анкете она указала, что имеет среднее образование по специальности «руководительница-дошкольница» и проходила повышение квалификации в Боровичах в 1923 и 1924 годах [8], из чего мы заключаем, что, возможно, первоначально Евгения Николаевна приехала в наш город из Боровичей. Обучение в институте на вечернем отделении заняло пять лет, и 13 ноября 1935 года Евгения Николаевна получила диплом. Среди предметов, которые она изучала, — возрастная психология, педология, педагогика, история педагогики, история дошкольной педагогики, дошкольная педагогика, педология трудного детства, гигиена дошкольного возраста и семь методических дисциплин, из чего можно заключить, что педагогическое образование в те годы институт давал очень серьезное.

22 июля 1931 года чета Скотниковых переезжает с Мойки на набережную Обводного канала, 175. Поиски домашних книг по этому адресу в архиве не увенчались успехом, пока мы не выяснили, что дома на Обводном меняли нумерацию, и дом 175 стал домом 213, в книге которого нам и удалось обнаружить запись о Скотниковых, они прожили в этом доме до самой войны.

Благодаря домашним книгам мы также узнали, что с 1931 года Евгения Николаевна работала в детском очаге по адресу улица Писарева, 16. Эти же данные подтверждает отзыв, предоставленный студенткой Скотниковой по месту учебы, в котором читаем: «под ее руководством детский очаг ... стал одним из лучших жактовских очагов Октябрьского района».

В период проживания на Обводном канале Евгения Николаевна дважды меняет место работы: сначала из очага она переходит на работу в детский сад № 33 в должности педагога. Этот детский сад размещался по адресу бульвар Профсоюзов, дом 31. Затем Евгения Николаевна становится заведующей детским садом № 20 Октябрьского района. Когда это произошло? Пока мы не нашли приказ о ее назначении. Очевидно, она была назначена где-то в 1940 году, так как в сметах детского сада на 1941 год уже встречается ее фамилия.

Детский сад № 20 Октябрьского района размещался во Дворце культуры Первой Пятилетки на улице Декабристов, 34. Это был большое детское учреждение, в котором работали заведующий, завхоз, бухгалтер, 7 воспитателей, 4 няни, повар, прачка, сторож и уборщица. Группы были отлично укомплектованы игрушками: лошадки и машинки, лото, мячики, куклы, конструкторы, кубики, музыкальные инструменты, санки... Были растения в кадках и три аквариума. Персонал в саду работал профессиональный — все воспитатели имели профильное педагогическое образование, трое из семи — высшее, один — техникум, остальные — педагогическое училище. На момент эвакуации из Ленинграда 29 июня 1941 года это был один из лучших детских садов Октябрьского района.

О военном периоде биографии Евгении Николаевны мы рассказывать не будем, лучше всего о нем рассказала она сама в «Справке о Легаевском интернате», написанной уже в послевоенное время на основании отчетов. Одна из бывших воспитанниц Легаевского интерната, Валентина Васильевна Шманцер, вспоминает: «Евгения Николаевна была очень доброй. Помню, когда была бомбежка в Ярославской области, я к ней на коленки садилась, головку на плечо клала и сидела. Так спокойнее было». А Римма Ефимовна со смехом вспоминает: «Наши воспитатели были просто класс!».

О послевоенной деятельности Евгении Николаевны рассказали документы, хранящиеся в фондах Музея Академии Постдипломного педагогического образования и Архиве Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Евгения Николаевна приехала из эвакуации 15 июля 1945 года. Вернуться в родной детский сад № 20 она не могла — там на тот момент уже была заведующая Раева, назначенная в годы Великой Отечественной войны и проработавшая всю блокаду. 1 ноября 1945 года Евгения Николаевна была назначена заведующей детским садом № 13 Куйбышевского района Ленинграда, который находился по адресу — набережная Мойки, 42 [5]. Приказом №2 от 1 января 1946 года в детский сад были приняты на работу воспитатели, которые прошли со Скотниковой всю эвакуацию — А.А. Трещалова, О.Ф. Смирнова, Ф.А. Дегтярева и А.И. Михайлова. Благодаря отличной работе Евгении Николаевны 13 детский сад стал одним из лучших в районе. Если в 1947 году в саду было 29 детей, то уже в 1950 их количество выросло до 87, то есть увеличилось в три раза! В «Отчете о деятельности детских садов Куйбышевского района за 1948-49 годы» детский сад № 13 представлен как образцовый в самых разных направлениях: передовые работники заранее знакомятся с детьми и проводят открытые занятия, бережно относятся к инвентарю, заведующей объявляется благодарность «за оказание помощи району», воспитатели Трещалова и Михайлова характеризуются как профессионалы, «давшие высокие образцы работы с детьми» [4].

В архиве Чернушинской школы №5 хранятся две характеристики, данные Евгении Николаевне РОНО в 1961 году для оформления звания персонального пенсионера. Из них мы узнаем, что Евгения Николаевна выступала с докладами на семинарах и конференциях, руководила педагогической практикой студентов института им. А.И. Герцена и курсантов колхозных детских площадок и детских садов, была кавалером медалей «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны» и медали «250 лет Ленинграда». Как написано в характеристике, она пользовалась «большим заслуженным авторитетом среди работников детского сада, родителей и работников района».

В 13 детском саду Евгения Николаевна Скотникова проработала до 23 мая 1961 года и была переведена в оздоровительный детский сад в Ушково [6]. Дальнейшие следы трудовой биографии Евгении Николаевны теряются. Вероятно, в скором времени она ушла на пенсию.

Стоит отметить, что по воспоминаниям внуков А.А. Трещаловой (бывшей воспитательницы старшей группы Легаевского интерната), Е.Н. Скотникова, Ф.А. Дегтярева и А.А. Трещалова в 1960-70-е годы активно общались. «Они ходили на всевозможные премьеры в кинотеатр «Родина», общались и просто дружили».

В 1975 году вся страна широко отмечала 30-летие Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. К этому событию Евгения Николаевна готовила для Лениздата публикацию — справку о Легаевском интернате. Подтверждение того, что сборник планировался, мы также нашли в листах ознакомления с документами ленинградских интернатов в эвакуации, хранящихся в Центральном Государственном архиве Санкт-Петербурга. Там нам удалось найти автограф уполномоченного Ленсовета по Молотовской области Любови Анисимовны Нехамкиной, которая просматривала эти документы «для подготовки сборника». Евгения Николаевна Скотникова также говорит о сборнике в пояснении к «Справке о Легаевском интернате» от 25 марта 1975 года: «предполагалось выпустить сборник статей о детях Ленинграда, но почему-то Лениздат на это не откликнулся».

Тем не менее, памятные мероприятия состоялись. Мы знаем, что в мае 1975 года Евгения Николаевна проводила встречу с воспитанниками Легаевского интерната. С этой встречи сохранился сценарий, написанный рукой Евгении Николаевны, список участников с комментариями, кто кем стал и фотографии на фоне Юсуповского дворца — тогда Дома учителя, где, вероятно, и проходила встреча.

8 мая 1981 года в газете «Известия» вышла статья Эллы Максимовой «Женское сердце», посвященная истории Легаевского интерната. Журналист пишет о том, что она разыскала Евгению Николаевну по адресу переулоч Макаренко, дом 3, квартира 14. В основу написанной статьи легли отчеты и «Справка о Легаевском интернате». Видимо, в тот момент Евгения Николаевна уже не выходила из дома, так как на встрече в редакции она не была. Но в музее истории школы №5 города Чернушка хранится письмо Е.Н. Скотниковой директору музея от 16 мая 1981 года, в котором она просит поместить в фонды музея статью о Легаевском интернате от 9 мая 1981 года, а также упоминает о том, что в 1975 году она сдала в музей материалы об интернате.

Евгения Николаевна была одиноким человеком: ее муж погиб на войне, детей у нее не было. Поэтому важнейшей задачей нашей работы стал поиск могилы Евгении Николаевны. К сожалению, архив ЗАГСа Адмиралтейского района отказался предоставить свидетельство о смерти, поскольку, в соответствии с Законом о личных данных, лица, не находящиеся в родстве, не имеют права на получение документов с личной информацией. Однако благодаря административной поддержке Аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге нам удалось получить информацию о смерти: Евгения Николаевна Скотникова умерла 5 июля 1982 года [7]. Запрос в ГУП «Ритуальные услуги» позволил уточнить примерное место захоронения: Евгения Николаевна была кремирована в Ленинградском крематории 9 июля 1982 года и 16 июля «захоронение урны с прахом Скотниковой Е.Н. произведено в могилу 1977 года на участке «Псковская дорожка» Большеохтинского кладбища» [9]. В результате планомерного последовательного обхода всех могил участка «Псковская дорожка» удалось обнаружить захоронение Евгении Николаевны Скотниковой.

Статью стоит завершить строками, автором которых является Ольга Берггольц. С нашей точки зрения, они в полной мере отражают жизнь и работу Е.Н. Скотниковой:

*«Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды,
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
Я не героизмовала, а жила!».*

Список использованной литературы и источников

1. Весь Ленинград : адресная и справочная за 1927 год. – Л., 1927. – 1082 с.
2. Весь Ленинград : адресная и справочная за 1940 год. – Л., 1940. – 977 с.
3. Опросный лист для поступающих в Вечерний Педагогический институт. Заполняющий: Е. Н. Скотникова // ЦГА СПб. Ф. Р-4331. Оп. 17. Д. 3555. Л. 1.
4. Отчет о деятельности детских садов Куйбышевского района за 1948–1949 годы // Архив Академии Постдипломного педагогического образования.
5. Приказ о назначении Скотниковой Е.Н. от 1 ноября 1945. // Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Ф. 10. Оп. 4. Д. 39. Л. 1.
6. Приказ № 14 о переводе Е.Н. Скотниковой // Объединенный архив Комитета по образованию от 23.05.1961. Ф. 10. Оп. 4. Д. 131. Л. 35.
7. Сведения о захоронении Е.Н. Скотниковой // Санкт-Петербургское государственное унитарное предприятие «Ритуальные услуги».
8. Сведения об образовании и стаже работы педагогов и заведующей Легаевского интерната // Архивный отдел Администрации Чернушского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
9. Справка о смерти Е.Н. Скотниковой // Архив отдела записи актов гражданского состояния Адмиралтейского района Санкт-Петербурга. Запись № 1004 от 05.07.1982.
10. Справка тов. Скотниковой о том, что она работала руководительницей в детской комнате при объединении ЖАКТА домов № 1, 3, 5, 7 // ЦГА СПб. Ф. Р-4331. Оп. 17. Д. 3555. Л. 3.

Первый этап эвакуации детского сада № 20 Октябрьского района Ленинграда

Литвинская Ева,

учащаяся историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Стальмак Е.П.)

Задача данной статьи, созданной в рамках межрегионального проекта «Спасённое детство», – проанализировать первый этап эвакуации детского сада № 20 Октябрьского района Ленинграда, который начался 29 июня 1941 года, когда дети и сотрудники отправились в Ярославскую область, и завершился 29 октября 1941, когда детский сад был эвакуирован в деревню Легаевка Пермского края.

Согласно плану Дошкольного Сектора Отдела Народного Образования Октябрьского района на 1940–1941 годы [2], в детском саду № 20, расположенному по адресу ул. Декабристов, д. 34 в здании при клубе Первой Пятилетки [3], на июнь планировалось проведение дней открытых дверей для педагогов и летние оздоровительные работы для детей с вывозом на дачу. Однако план работы детского сада нарушила война. В соответствии с этим планом, заведующая детским садом Евгения Николаевна Скотникова также должна была «вести записи и обобщить опыт работы в младшей группе...». Заведующая Скотникова прекрасно справилась с этой задачей, даже несмотря на эвакуацию из Ленинграда. Именно благодаря ее планам, отчетам и воспоминаниям, оригиналы которых хранятся в музее истории школы № 5 города Чернушка Пермского края, мы имеем основную информацию о жизни ребят в эвакуации.

28 июня 1941 года в 17 часов Райисполком Октябрьского района отдал указание всем заведующим детскими садами подготовить своих подопечных к эвакуации [1]. Интересно, что заведующих собрали за сутки до того, как Ленгорисполком выпустил распоряжение «О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области», которое вышло 29.06.1941 и, как указывает историк М.В. Ежов, не было опубликовано. Вероятно, решили действовать, не дожидаясь, пока готовился документ.

В соответствии с указанием Райисполкома, братьев и сестёр не разлучали, поэтому в эвакуацию вместе с малышами отправлялись и школьники до 12 лет. По требованию заведующей интернатом, на рубашечках родители вышили имя, фамилию и отчество своего ребёнка, дату рождения и точный адрес. Такую рубашку с именем Вовы Калёнова нам удалось найти в Музее истории Санкт-Петербурга.

Всего из детского сада № 20 было эвакуировано 68 ребят, семеро из них были школьники. Детей сопровождали 5 человек обслуживающего персонала. С собой дети везли вещи, не более 16 килограмм на человека [9].

Утром 29 июня 1941 года детский сад № 20 на автобусах выехал к Московскому вокзалу. По воспоминаниям Евгении Николаевны, поезд отправлялся 29 июня в 10 часов 30 минут. Время отправления мы уточнили в Центральном Государственном архиве Санкт-Петербурга. Нам удалось найти «Сводку по отправке детей за 29 июня 1941 года» [8] и выяснить, что 29 июня в 10.30 с Московского вокзала был отправлен всего один поезд, но не в Некоуз, как вспоминали участники эвакуации, а на станцию Маслово, которая также расположена в Ярославской области в 15 километрах от Некоуза. В соответствии со сводкой, в этом составе выехали

1392 ребенка от 3 до 7 лет. Вероятнее всего, в сводке намеренно не указаны школьники.

Воспоминания школьника, эвакуированного вместе с детским садом, Валентина Трыкова, которому на тот момент было четырнадцать лет, характеризуют, с какими мыслями дети уезжали из родного Ленинграда: «В моей памяти отъезд сохранился так, как будто мы уезжали на дачу, как это было ранее в мирные дни. Много народа на вокзале, слёзы мам, последние напутствия, и лишь лица пап почему-то были строгими и сосредоточенными, и их было меньше, чем обычно при проводах» [12]. Евгения Николаевна тоже отмечает, что на вокзале было много народа: «У Московского вокзала была масса людей. Там были люди, мобилизованные по организации эвакуации детей, это работники исполкомов, отделов народного образования, представители партийных и комсомольских организаций, школьники старших классов и много провожающих» [9]. По воспоминаниям Зои Михайловны Трыковой, автобус с воспитанниками 20 детского сада опоздал, и при посадке была большая суета, ведь на вокзале было много людей, которых пришлось буквально расталкивать, чтобы успеть на поезд.

Однако в воспоминаниях Е.Н. Скотниковой мы находим другую информацию (видимо, в советское время нельзя было открыто критиковать): «Без паники, очень организованно и заботливо встречались автобусы с детьми. Почти без промедления предоставлялся каждому детскому саду хороший вагон. Нам достался пассажирский вагон № 16, самый последний в составе поезда...» – пишет Е. Н. Скотникова [9]. Но тот факт, что 20 детский сад поехал именно в последнем вагоне, отчасти подтверждает воспоминания З.М. Трыковой.

Нам удалось узнать, кто отвечал за эвакуацию детей Октябрьского района. Это, так называемая, районная тройка – Н. П. Каркиев, А. Н. Горелова, Н. Н. Скачков. В Комиссии по эвакуации в день отправки нашего детского сада дежурили Смирнов, Генрихович и Хрусталева, которых перевели на казарменное положение [6].

Уполномоченным по Московскому вокзалу был назначен заведующий юридическим сектором Исполкома Ленгорсовета Прудинский [4]. Были также отдельные уполномоченные по службе питания, службе городского транспорта, службе железнодорожного транспорта, медсанслужбе. Наличие большого количества ответственных взрослых позволило в целом организовать эвакуацию на высоком уровне.

По пути детей навещали уполномоченные, которые отправлялись с каждым составом, и медицинские работники, также закрепленные за поездами. Только в пути стало известно место прибытия, которое, очевидно, поменялось с Маслово на село Некоуз в Ярославской области.

Евгения Николаевна вспоминает, что прибыли на место только 30 июня 1941 года, через сутки. Современный пассажирский поезд проходит расстояние от Санкт-Петербурга до Некоуза за 11 часов. Почему же детский сад № 20 ехал почти сутки? Евгения Николаевна вспоминает, что часто

останавливались. Вероятно, пропускали эшелоны, которые шли на фронт.

30 июня на вокзале села Некоуз (сейчас оно называется Новый Некоуз) эвакуированных встречали «представители местных советских и партийных организаций. Были подготовлены школьные помещения для отдыха детей. Обслуживала столовая, предоставляя горячее питание. Из многих сельских советов... были вызваны представители для встречи...» [9].

В октябре 2019 года исследовательская группа клуба «Петрополь» побывала в селе Новый Некоуз. До наших дней сохранилось деревянное здание школы, которое приняло ребят 30 июня 1941 года. А вот деревянное двухэтажное здание вокзала, которое когда-то вмещало просторный зал ожидания и столовую, было уничтожено во время фашистского налета 18 октября 1941 года, погибло 150 человек [9]. Рядом со станцией на братской могиле уже после войны был установлен памятник, а вдоль железнодорожной насыпи и сегодня можно увидеть воронки от фашистских снарядов.

Состав поезда был распределён по разным деревням. Ребята 20 детского сада попали в деревню Лукино, которая находилась в 4 км от станции. В воспоминаниях В. Трыкова говорится: «Поместили нас вначале в 2-хэтажный покосившийся дом у большого заросшего пруда, но с большим количеством густой травы во дворе, которой в Ленинграде из нас никто не видел. Затем перевели в два других помещения. Одно на окраине – одноэтажное, другое – в середине деревни, куда мы и ходили питаться» [12]. В ходе осмотра сохранившихся домов деревни Лукино и опросам местных жителей удалось выяснить, что первый дом у пруда не сохранился, зато уцелел сам пруд. А вот второй дом, изображение которого нам удалось найти в Архиве Администрации Чернушинского муниципального района, вероятно, сохранился с перестройками. Сопоставление детского рисунка военных лет и современной фотографии здания позволяет это предположить с большой вероятностью.

Жизнь ребят в эвакуации почти не отличалась от жизни на даче. Они играли, отдыхали, собирали грибы в лесу, ходили за шишками для самовара, писали письма родителям, оставшимся в Ленинграде. Снова процитирую воспоминания В. Трыкова: «Наша спокойная жизнь не могла долго продолжаться, так как немецко-фашистские войска продвигались в глубь нашей страны. Однажды днём, после обеда они заявили о себе авиационным налётом на железнодорожную станцию и бомбардировкой железнодорожного полотна. Это было нашим первым знакомством с войной и, как потом оказалось, не последним» [12].

Старшие ребята ходили за хлебом на станцию вдоль линии железной дороги. Именно этот район был самым опасным, так как фашистских летчиков интересовала именно железная дорога.

С наступлением осени все школьники были отправлены на уборку урожая и на покос. Все жители деревни Лукино работали в колхозе имени Ленина, с которым, вероятно, сотрудничали и эвакуированные ребята. Дошкольники также принимали участие в сельскохозяйственных работах, уничтожая вредителей на огороде. 1-го октября у старших детей начались уроки в школе, находившейся на окраине Некоуза. Всем были выданы учебные пособия [11].

Однако учеба в военное время отличалась от привычной. В Некоузе до сих пор проживает Валентина Смирнова, ленинградка, которая во время блокады была эвакуирована

в Некоузский район. Она рассказала об учёбе в военное время: «Тетрадей на всех не хватало, писали часто на газетной бумаге, на оберточной, а порой – на грифельных досках. Ручки делали из малиновых веточек, перышки в них вставляли. Да и учебников на всех не хватало. Но всё равно ребята очень старались хорошо учиться» [10].

Наладилась связь с пионерской организацией. Ребят по пути встречали и провожали взрослые, но так как им это не нравилось, воспитатели старались создавать «случайные» встречи, потому что волновались за жизнь детей. Однако вскоре школу, в которую они ходили, переоборудовали в офицерский госпиталь, и занятия пришлось отменить.

Бомбёжки происходили всё чаще и чаще. В Архиве Некоузского муниципального района удалось найти Решение Исполкома Ярославского областного совета депутатов трудящихся от 28 октября 1941 года «Об эвакуации детей Ленинграда из Ярославской области» [7]. Согласно этому документу, детей Некоузского района эвакуировали в Молотовскую область (сейчас – Пермский край) водным транспортом. В «Графике эвакуации детей Ленинграда в Ярославскую область» мы обнаружили, что детей Некоузского района в количестве 4062 ребенка и 600 человек обслуживающего персонала планировали вывезти двумя пароходами со станции Волга 30 и 31 октября 1941 года. Решение эвакуироваться по воде было связано с тем, что железную дорогу бомбили, и ехать поездом было нельзя. 29 октября были предоставлены подводы, и детский сад № 20 отправился в Молотовскую область. Так завершился первый этап эвакуации детского сада № 20 Октябрьского района Ленинграда.

Список использованной литературы и источников

1. Годовой отчёт Легаевского интерната на станции Чернушка Молотовской области деревня Легаево январь 1945 года // Архив школы № 5 города Чернушка Пермского края.
2. Годовой план Дошкольного сектора Отдела народного образования Октябрьского района на 1940–41 гг. // Архив Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования.
3. Клуб Дворца культуры имени Первой Пятилетки / Центральный городской клуб 1-й Пятилетки Дворец культуры им. Первой пятилетки // Citywalls.ru : архитектурный сайт Санкт-Петербурга. – URL: <http://www.citywalls.ru/house8262.html> (дата обращения: 01.03.2020).
4. Материалы по подотчетным лицам по эвакуации 1941-1942 гг. // Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Ф. 1. Оп. 2. Д. 493. Л. 76–77.
5. Паспорт детского сада № 20 Октябрьского района // ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 858. Л. 64.
6. Расписание дежурств членов комиссии по эвакуации // ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 12. Л. 56, 57.
7. Решение исполнительного комитета Ярославского областного совета депутатов трудящихся 28 октября 1941 года № 1617 «Об эвакуации детей Ленинграда из Ярославской области» // Архивный отдел Администрации Некоузского муниципального района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 74–75.
8. Сводка об отправке детей за 29.06.1941 // ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 14. Л. 78.

9. Скотникова Е.Н. Справка о Легаевском интернате за 1964 год // Архив школы № 5 город Чернушка Пермского края.

10. Смирнова В. Интервью о Некоузе в годы Великой Отечественной войны. 24.10.2019.

11. Справка о Некоузе в годы Великой Отечественной войны // Музеи истории Некоузской СОШ.

12. Трыков В. Воспоминания // Архив школы № 5 города Чернушка Пермского края.

О чем рассказали списки Легаевского интерната, или Список как исторический источник

Белобородова Елизавета,

учащаяся историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Стальмак Е.П.)

Данная статья написана в рамках проекта «Спасённое детство», посвященного изучению эвакуации в годы войны ленинградского детского сада № 20. Проект начался, когда в архиве школы № 5 города Чернушки, Пермского края были найдены уникальные исторические документы, рассказывающие о том, как в июне 1941 года группа воспитателей вывезла из Ленинграда воспитанников детского сада № 20 сначала в Ярославскую область, а позже в Пермский край, деревню Легаевка, где появился Легаевский интернат. Им удалось спасти детство более шестидесяти ребят, и для того, чтобы сохранить память об этом героическом поступке, юные исследователи Санкт-Петербурга, Ярославской области и Пермского края изучают судьбы воспитанников и воспитателей, работают в архивах с историческими документами.

Но во время работы у всех членов исследовательской группы появлялось множество вопросов, загадок, мы находили все больше и больше расхождений между списками и другими документами, которые мешали поисковой деятельности. Также очень важно было узнать, когда был составлен документ, чтобы наиболее точно восстановить хронологию событий. Так появилась идея создать комплексный анализ списков Легаевского интерната.

Начнём с вопроса: сколько списков Легаевского интерната сохранилось? На данный момент мы имеем пять списков. В июне 2019 года в городе Чернушка состоялся исторический лагерь «Память». Во время поездки исследователи работали в различных архивах и находили все больше документов. Так, до поездки в Чернушку у нас было только два списка: первый нам предоставил Объединенный Архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга: «Список детей-воспитанников интерната Легаевского, Молотовской области, станции Чернушка, реэвакуированных в г. Ленинград 1945 г. переданных родителям или лицам их заменяющим» [8], второй – «Список эвакуированных граждан, размещенных на станции Чернушка, Молотовской области, деревня Легаевка» [9], предоставленный Архивным управлением Чернушинского муниципального района. В ходе работы в архиве музея истории школы № 5 города Чернушки и в Архивном управлении Чернушинского муниципального района мы нашли еще три: «Список детей детского сада № 20 Октябрьского района города Ленинграда» [7], «Список детей детского сада № 20 Октябрьского района, эвакуированных из города Ленинграда на станцию Некоуз Ярославской области, помещающегося в деревне Лукино» [6], «Список на обслуживающий персонал детского сада № 20 Октябрьского района города Ленинграда, помещающегося в деревне Легаевка Чернушинский район» [5].

На первый взгляд может показаться, что первым был составлен список эвакуированных детей [9], потом список

из Некоуза [6], а уже потом все легаевские. Но это не так. Во время анализа я обнаружила одну интересную вещь. В списках размещенных в Некоузе [6] нет Шварц Ирины Марковны и Блоха Ефима Михайловича. Нам удалось разыскать Ирину Марковну Шварц. После разговора с ней мы узнали, что ее эвакуировали из Ленинграда только в августе 1942 года [2], а в статье «Вторая победа» написано: «Александра Алексеевна Трещалова отправилась в Ярославскую область за Фимой Блохом, заболевшим еще в Лукино, оставленным там в больнице» [3]. Александра Алексеевна не хотела разлучать его с сестрой Бэбой. Но самое интересное то, что в отличие от Шварц, Ефим был в Некоузе, а в списках его тоже не было. Почему? Это может означать то, что этот документ был составлен, когда Ефим уже был в больнице, а детский сад оставался в Некоузе. Таким образом, примерная датировка первого списка – октябрь 1941 года, перед переездом в Чернушку.

Потом я стала разбираться со списком эвакуированных, размещенных на станции Чернушка [9] и списком воспитанников детского сада [7]. Про них можно сказать, что они составлены предположительно осенью 1942 года, так как в них уже появилась Шварц, но еще не появился Ефим Блох. Скорее всего, они были составлены в одно время, потому что в них нет никаких расхождений.

Со списком на обслуживающий персонал детского сада № 20 всё тоже оказалось не очень просто. В этом списке нет одной из воспитательниц – Александры Алексеевны Трещаловой. В сентябре 2019 года мы встречались с ее внучками Галиной Львовной Федосовой и Людмилой Львовной Тюсиковой, они и рассказали нам, что в августе 1941 года Александра Алексеевна уезжала за теплыми вещами в Ленинград, и вернулась она в феврале 1942 года [1]. Следовательно, этот список был составлен либо в этот период, либо, когда Трещалова забирала Ефима Блоха, к сожалению, нам не удалось узнать, в какое время она за ним возвращалась.

И последний список, который есть у нас – это список реэвакуированных детей, переданных родителям или лицам, их заменяющим [8]. Он был составлен в июле 1945 года, так как дети уехали из Легаевки 8 июля 1945 года [4, с. 42].

Какую информацию дают нам эти списки? В них мы находим данные о возрасте детей, об их ленинградских адресах (причем интересно, что с течением времени некоторые адреса меняются), о родителях. Расхождения в списках позволяют нам уточнять новые факты об истории Легаевского интерната, а также достаточно успешно вести поиск воспитанников в современном Петербурге: на данном этапе нами найдены восемь ныне здравствующих

воспитанников Легаевского интерната, с которыми проведены встречи и взяты интервью.

Список использованной литературы и источников

1. Интервью с Г. Л. Тюсиковой. 18 сентября 2019 г.
2. Интервью с И. М. Шварц. Июнь 2019 г.
3. Максимова Э. Вторая Победа // Дети военной поры : [сборник] / сост. Э. Максимова. – М., 1984. – С. 34–37. – URL: www.militera.lib.ru/prose/russian/sb_deti_voennoy_poryu/12.. (дата обращения: 23.11.2019).
4. Справка о Легаевском интернате. 1944 год // Архив школы № 5 города Чернушка Пермского края.
5. Список на обслуживающий персонал детского сада № 20 Октябрьского района города Ленинграда // Архивный отдел администрации Чернушинского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.

«Спасённое детство» Исаака Юдборовского

Аксенова Полина,

учащаяся историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Стальмак Е.П.)

Одна из главных задач межрегионального проекта «Спасённое детство» – это изучение судеб воспитанников детского сада № 20 Октябрьского района Ленинграда, которые были эвакуированы в годы Великой Отечественной войны сначала в Ярославскую область, а затем в Пермский край. В Архиве Чернушинского муниципального района сохранились уникальные стихотворения, написанные старшим воспитанником Легаевского интерната Исааком Юдборовским. Творчество Исаака не раз упоминалось в отчётах и воспоминаниях сотрудников интерната, но кроме общей информации о нём было мало что известно. Как же сложилась судьба этого воспитанника? Ответом на этот вопрос может послужить данная статья.

Итак, Исаак Матвеевич Юдборовский, согласно спискам воспитанников Легаевского интерната, родился 18 декабря 1930 года [7]. Он появился на свет в городе Невеле Псковской области [1].

Первый ленинградский адрес семьи Юдборовских – ул. Решетникова д. 5 Б, кв. № 2 [7]. По этому адресу семья Исаака жила в довоенное время.

Что известно о родителях мальчика? Родителей Исаака звали Матвей Исаевич Юдбаровский и Софья Евсеевна Кисец. Софья Евсеевна работала бухгалтером, а отец Исаака Матвей Исаевич был профсоюзным деятелем [1]. Во время Великой Отечественной войны он ушел на фронт [8].

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Уже через несколько дней после объявления войны началась массовая эвакуация детей в восточные регионы страны из-за грозящей опасности. Из «Справки о Легаевском интернате», написанной заведующей интернатом Евгенией Николаевной Скотниковой, я узнала, что 28 июня 1941 г. заведующим детскими садами Октябрьского района отдал приказ об эвакуации детских садов района. Семьи не разлучать, брать братьев и сестер до двенадцати лет. На следующий день с Московского вокзала в 10:30 отправился поезд с детьми, среди которых был и Исаак Матвеевич [5]. Вероятно, родители отправили мальчика в эвакуацию вместе с двоюродной сестрой Эльмирой Беляевой, которая уезжала

6. Список детей детского сада № 20 города Ленинград на станции Некоуз, Ярославской области, помещающегося в деревне Лукино // Архивный отдел администрации Чернушинского муниципального района.

7. Список детей дет. сада № 20 Октябрьского района г. Ленинграда // Архивный отдел администрации Чернушского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.

8. Список детей – воспитанников интерната д. Легаево Молотовской области станции Чернушка, эвакуированных в Ленинград в 1945 г. // Объединенный архив Комитета по образованию. Ф. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 21.

9. Список эвакуированных граждан, размещенных на станции Чернушка, Молотовской области, деревне Легаевка // Архивный отдел администрации Чернушинского муниципального района.

в составе группы детского сада № 20 [2]. Сотрудникам и воспитанникам детского сада № 20 пришлось преодолеть множество трудностей и большие расстояния, прежде чем они вернулись в Ленинград. Исаак стал одним из самых ярких воспитанников интерната – он писал стихи, активно участвовал в жизни учреждения, его имя часто встречается в воспоминаниях, а стихи и стенгазеты сохранились в фондах архивов и музеев.

9 мая закончилась война. Наступил День Победы. Опасность миновала. 11 июля 1945 года воспитанники Легаевского интерната прибыли в Ленинград. Известно, что Исаака Матвеевича забрала его мать Софья Евсеевна, т.к. в документе стояла её подпись [6]. В квартиру на ул. Решетникова Исаак больше никогда не возвращался. Во время войны его семья сменила адрес.

Послевоенный адрес – наб. реки Фонтанки, дом 40, квартира 68 [6]. По этому адресу Исаак Матвеевич жил после возвращения из эвакуации. В этот период он учился в школе, а своё свободное время посвящал занятиям в музыкальной школе по классу виолончели и в секции бокса Ленинградского Дворца пионеров, ныне это Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных [1].

После окончания школы Исаак Матвеевич поступил в Ленинградский Горный институт, который окончил в 1953 году [1]. В год окончания института бывший воспитанник Легаевского интерната женился на Марине Григорьевне Цуккер и переехал к ней [1].

Третий адрес – ул. Профессора Попова д. 32, квартира 4 [1]. В этом доме в 1955 году у них родился сын, которого назвали Александром. После рождения сына молодожёны переехали в город Лисичанск Луганской области, где Исаак Матвеевич работал сначала буровым мастером, а потом – директором конторы бурения [1].

В 1959 году семья Исаака вернулась в Ленинград. После возвращения в родной город Исаак Матвеевич устроился старшим научным сотрудником в ВИТР – Всесоюзный научно-исследовательский институт методики и техники разведки, который являлся ведущим предприятием

геологоразведочной отрасли. В 1968 году в результате обмена семья Исаака переехала в новый дом [1].

Четвёртый адрес – Пионерская ул., д. 22, кв. 6 [4]. В этот период Исаак Матвеевич защитил диссертацию по технологии направленного бурения под руководством профессора Журавского из Горного института, и в 1970 году стал кандидатом технических наук [1]. В фондах Российской национальной библиотеки сохранились его научные работы. Также на сайте базы патентов СССР мы обнаружили патенты на изобретения Исаака Матвеевича и его коллег [9].

Известно, что в 1975 году Исаак Юдборовский принял участие во встрече выпускников Легаевского интерната [2].

Летом 1977 года группа сотрудников ВИТР, куда входил и Исаак Юдборовский, образовали новую организацию – Специальное проектно-конструкторское бюро буровых автоматов, где Исаак Матвеевич проработал начальником отдела до выхода на пенсию [1].

За свою жизнь Исаак Матвеевич неоднократно менял свое место жительства. **Его последним ленинградским адресом стала Барочная ул., 8, квартира 4** [1].

В 1992 году Исаак Матвеевич со своей второй женой Нелли Николаевной Харитоновой, её дочерью Ириной и своим отцом Матвеем Исаевичем Юдборовским переехал в Израиль. Но не терял связи с друзьями детства, воспитанниками Легаевского интерната. Так, Римма Ефимовна Калёнова вспоминает, что он регулярно звонил ей из Израиля [2].

27 ноября 2011 года Исаака Матвеевича не стало [1]. Он скончался в возрасте 80 лет и был похоронен на городском кладбище города Кармиэль на севере Израиля. Место захоронения мне удалось установить, благодаря Интернет-поиску. В 2018 году на сайте «Billion Graves» была опубликована фотография могилы Исаака Матвеевича [3].

Исаак Матвеевич Юдборовский прожил долгую и счастливую жизнь, в которой многое состоялось благодаря тому, что в тревожном 1941 году его вывезли из Ленинграда в далекую Легаевку.

«Все мы – дружная семья». О жизни и судьбе директора Таушинского детского дома Бубновой Марии Гавриловны

Исламова Юлия,

учащаяся 8 класса, МБОУ «СОШ № 5», г. Чернушка Пермского края
(руководитель – Павлова Т.А.)

О Великой Отечественной войне написано много: это и воспоминания фронтовиков, литературные произведения, и статистические данные. Созданы прекрасные художественные и документальные фильмы. Но ничто не может сравниться с подлинными воспоминаниями очевидцев тех далеких событий, когда и голос срывается и слезы на глазах.

В годы Великой Отечественной войны Урал был не только военным арсеналом страны. Тысячи эвакуированных детей нашли здесь приют и заботу. Только в Чернушинском районе было размещено 24 интерната, а в 1943 году был открыт в селе Тауш Детский дом для ленинградских детей. Исследовательской работой по эвакуированным детям в МБОУ «СОШ № 5» начали заниматься в далекие 70 – е годы прошлого века. Уже в те годы было собрано немало материала о тех, кто был эвакуирован в годы Великой Отечественной войны в Чернушинский район. В школьном музее хранятся фотографии, письма, рисунки, воспоминания, статьи из газет и журналов воспитанников интернатов

Список использованной литературы и источников

1. Интервью с Александром Исааковичем Юдборовским. Октябрь 2019 г.
2. Интервью с Риммой Ефимовной Калёновой. Август 2019 г.
3. Исаак Юдборовский // Billion Graves. – URL: <https://billiongraves.com/grave/Исаак-Юдборовский/20338151?referrer=myheritage> (дата обращения: 15.06.2019).
4. Скотникова Е.Н. Записки о бывших воспитанниках Легаевского интерната // Архив Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» при Педагогическом колледже № 8.
5. Скотникова Е.Н. Справка о Легаевском детском интернате. 1964 // Архив школы № 5 города Чернушки Пермского края.
6. Список воспитанников Легаевского интерната, эвакуированных в г. Ленинград в 1945 г. и переданных родителям или лицам, их заменяющим // Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Ф. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 21.
7. Список эвакуированных детей из города Ленинграда детского сада № 20 Октябрьского района, размещенных на ст. Чернушка Молотовской области в дер. Легаево // Архив школы № 5 города Чернушки Пермского края.
8. Юдбаровский Матвей Исаевич // Память народа : [интернет-портал]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1524399274/ (дата обращения: 17.08.2019).
9. Юдборовский // База патентов СССР : [сайт]. – URL: <http://patents.su/patents/yudborovskijj> (дата обращения: 12.07.2019).

и Таушинского детского дома Бубновой Марии Гавриловны. Свою исследовательскую работу «Все мы – дружная семья» я посвящаю Марии Гавриловне.

Свою работу я начала с изучения биографии Марии Гавриловны по документам нашего школьного музея. В ходе работы познакомилась с внучкой Марии Гавриловны Наташей Ханеевой. Наташа выпускница нашей школы №5. В настоящее время она живет в Перми. Но часто приезжает в Чернушку. Благодаря ей, мне удалось получить достоверную информацию о жизни Марии Гавриловны и ее детей Светланы и Валентина. При написании своей исследовательской работы, изучила подлинные фотографии, письма с фронта мужа Ханеева Романа, родных сестер, воспитанников Таушинского детского дома, подборкой статей из газет и журналов. Все эти документы бережно хранит ее внучка Наташа.

Мария Гавриловна Бубнова родилась в д. Верховны Некоузского района Ярославской области. Из автобиографии

Марии Гавриловны, мы узнаем, что детство Марии было тяжелым и безрадостным. Пришлось с 8 лет зарабатывать на кусок хлеба, «жить в людях».

В 1925 году Мария вступила в комсомол, и это определило, ее дальнейшую судьбу. Борьба за честь коллектива, всегда работать честно и добросовестно, быть ответственной, стало для нее потребностью. Была пионерской вожатой, участвовала в ученических организациях. Уже там, в школе она была секретарем комитета школьной комсомольской организации. В 1928 году, окончив школу второй ступени в г. Рыбинске и поступив по комсомольской путевке в Ярославский педагогический институт, Мария Гавриловна стала секретарем комсомольского комитета литературного факультета, пионервожатой на текстильной фабрике «Перекоп» и руководителем кружка ликбеза на станции Всполье г. Ярославля, обучая железнодорожников и рабочих табачной фабрики.

В этом же году она по комсомольской путевке стала студенткой Ярославского педагогического института, где была одно временно секретарем комитета комсомола литературного факультета, пионервожатой, руководителем кружка ликбеза.

В 1935 году Мария Гавриловна Бубнова переехала в Москву и работала в Московском Гороно методистом по внешкольной работе с детьми, а затем педагогом в детском кинотеатре «Авангард».

В самом начале Великой Отечественной войны Мария Гавриловна Бубнова вместе с детьми сыном Валентином и дочерью Светланой была эвакуирована вначале в Рязанскую область, а затем в Молотовскую область. Эвакуированных детей и взрослых из Москвы, прибывших вместе с Марией Гавриловной разместили в деревне Фомино Чернушинского района.

Мария Гавриловна работала здесь воспитателем в интернате. В 1942 году ее вместе с детьми перевели в интернат, который был открыт в селе Тауш. В 1943 году интернат был переименован в детский дом. Ей предложили должность директора Таушинского детского дома. Таушинский детский дом был создан для эвакуированных детей – сирот из Ленинграда. Именно к этому периоду относятся её воспоминания, о которых она пишет в своих дневниках и статьях газеты «Красное Предуралье».

В детском доме дети учились и жили под девизом «Ни одной секунды безделья». Чистота, надо сказать, идеальная чистота поддерживалась во всех помещениях и на территории детдома, подтянутость, опрятность в одежде. Это мы все видим на фотографиях. Детский совет совместно с пионерской организацией руководил всей жизнью коллектива, а взрослые направляли и помогали совету пионерской организации во всех начинаниях. На одном из праздников в районном Доме культуры ребята детдома выразили слова благодарности жителям Чернушинского района. Вот выдержка из приветствия: «Дорогие товарищи! В день славной годовщины Красной Армии разрешите передать вам пламенный привет от воспитанников Таушинского детского дома. Спасибо уральцам за заботу и внимание, какую они оказывают нам. Благодаря помощи районных организаций мы носим новые валенки, сапоги, костюмы, новое белье. Колхозники нам привозят дрова, продукты. Наши шефы

помогли остеклить рамы, сделать тумбочки, привозят керосин, гостинцы. Теперь у нас тепло, светло, уютно. Мы стали лучше учиться и работать. Летом мы боронили, возили копны, заработали тысячу трудовней. Сейчас мы учимся в школе и готовимся к восстановлению нашего любимого города Ленинграда, разрушенного фашистами».

Больше всего дети любили художественную самодеятельность. Любили потому, что она развивала способности, заполняла досуг весельем и радостью, любили за то, что она сближала всех и взрослых и ребят укрепляла дружбу. У ребят был и свой гимн. Вот припев из гимна Таушинского детского дома: «... В детском доме нас не мало, все мы – дружная семья. Теплой лаской и заботой окружает нас советская страна...»

Мария Гавриловна возглавляла детский дом до 1954 года. К этому времени ленинградские дети подросли и разъехались. Кто-то отправился учиться в город Молотов, кто-то уехал в Ленинград. Но все они скучали по Марии Гавриловне, писали письма, присылали свои фотографии.

Мария Гавриловна всегда была в гуще районных пионерских и комсомольских мероприятий. В 80-е годы она возглавляла районный совет Ветеранов комсомола. Она была частым гостем в нашей школе № 5. Встречалась с ребятами, рассказывала о детском доме и ее воспитанниках.

Три раза Мария Гавриловна встречалась со своими коллегами и воспитанниками в Ленинграде, это было в 1975, 1985 и 1988 годах. Дважды она брала с собой на эти встречи внучку Наташу. Встречи были яркими и памятными. Наташа стала свидетелем и встреч Марии Гавриловны со своими воспитанниками и в городе Перми. Они приходили к Марии Гавриловне домой. Все письма, фотографии, документы своей бабушки Наташа бережно хранит. Часть материалов передана в Партийный архив Пермского края и Краевой краеведческий музей.

Где-бы ни жили бывшие воспитанники Таушинского детского дома: в Ленинграде, Перми, Ижевске, на Сахалине, Камчатке – они с большой теплотой и любовью вспоминали детдом, школу, колхоз «Красноармеец», которые были для них родными в годы Великой Отечественной войны.

В настоящее время в Тауше живет одна из эвакуированных ленинградских школьниц Людмила Александровна Трубникова (Щеглова). В Краснодаре живет сын Валентин (он жил и учился в Тауше). В 2019 году ушла из жизни Морозова Лора.

В результате поисково-исследовательской работы удалось составить список всех воспитанников и сотрудников Таушинского детского дома на 1943 год, а также узнать о судьбе некоторых. Это стало возможным благодаря личному архиву Марии Гавриловны.

Бубнова Мария Гавриловна ушла из жизни в 1994 году. Один из воспитанников детского дома Юрий Овчинников посвятил ей такие строки:

«...М.Г. Бубнова всегда была человечна, жизнерадостна, с неумейной энергией. Она за нас в те годы билась, мы снились часто ей во сне. Не веря в Бога, все молилась, чтоб выжили мы все. За все ей от души спасибо, за то, что рядом с нами шла. За то, что нам она в детдоме, родною мамою была».

Судьба человека. О судьбе детей ленинградской семьи Морозовых

Михеева Екатерина,

учащаяся 8 класса, МБОУ «СОШ № 5», г. Чернушка Пермского края
(руководитель – Павлова Т.А.)

Я являюсь участницей межрегионального проекта «Спасённое детство», и в его рамках решила посвятить своё исследование судьбе девочки, которая в трёхлетнем возрасте вместе со своими братьями была эвакуирована из Ленинграда в Чернушинский район Молотовской области.

У детей войны разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия, невосполнимая потеря прекрасного мира детства. Не в срок повзрослевшие, не по годам мудрые и невероятно стойкие маленькие герои противостояли войне. Их патриотизм во время Великой Отечественной войны, трудовые подвиги и отчаянная храбрость навсегда останутся в памяти нашего народа. Вдали от родных, в тяжёлых условиях военного времени дети, спасённые от ужасов блокады Ленинграда, росли и развивались под присмотром опытных и душевных педагогов.

В музее школы № 5 г. Чернушка сохранились уникальные материалы – подлинные рисунки, стихи, письма, воспоминания эвакуированных детей. Это результат многолетней поисковой работы учащихся нашей школы.

Свои исследования начала с изучения письма от Алексея Валерьевича Кашина, внука Ларисы Михайловны Морозовой, которое пришло в наш школьный музей. Алексей Валерьевич обратился с просьбой предоставить любую информацию, какая имеется в нашем школьном музее: фотографии, документы, детские рисунки и любые другие материалы, сохранившиеся о Таушинском детском доме за период с 1941 года по 1953 год и о Морозовой Лоре. Либо предоставить сведения, где данные материалы могут храниться. После чего произошёл обмен информацией между нами и Алексеем.

Кашина Лариса Михайловна, в девичестве Морозова. Родилась в городе Ленинграде 1 ноября 1938 года. У Ларисы Михайловны было два брата: Юрий Михайлович Морозов (1936 года рождения) и Геннадий Михайлович Морщин (1934 года).

В Ленинграде семья Морозовых жила на улице Герцена, дом 53/8, квартира 36. Всю жизнь у Ларисы Михайловны в свидетельстве о рождении стояла дата 1 ноября 1938 года. Но, как вспоминала она, дату рождения выбрала себе сама в детском доме, когда они выпускались и им выписывали свидетельства о рождении.

Внуку Алексею удалось в результате поиска установить точную дату рождения своей бабушки Ларисы. Оказалось, что она родилась 4 января 1938 года.

Её мама Морозова Анастасия Иванова, 1910 года рождения, умерла в 1942 году, а папа Морозов Михаил Иванович, также 1910 года рождения, умер в 1941 году после отъезда своих детей, он тяжело болел.

Во время блокады Ленинграда детей эвакуировали целыми детскими садами. Лариса и её братья были эвакуированы из 12-го Детского сада Октябрьского района г. Ленинграда. Ей было всего три года.

Сначала их привезли на станцию Некоуз Ярославской области, распределяли кого куда. Лора была слишком мала, чтобы запомнить те события. Юра и Гена оберегали

сестренку. На всю жизнь запомнили они то, что пришлось им увидеть и испытать. На их глазах была потоплена баржа с эвакуированными детьми. Они видели, как взрываются бомбы, как гибнут люди. Позднее они не раз рассказывали своей сестренке, как они уезжали из Ленинграда, как ехали на поезде, плыли на пароходе по Волге и Каме, как ехали в теплушках и на лошадях, как оказались в Тауше.

Эти рассказы запомнила Лариса на всю жизнь. В одном из видео, заснятым внуком Алексеем, Лариса Михайловна делится этими воспоминаниями. Эвакуированных детей 12 детского сада Ленинграда привезли на станцию Чернушка, Молотовской области, а затем в деревню Козьямыш. Жители деревни тепло встретили эвакуированных детей. Они помогли малышам устроиться на новом месте. Но в Козьямше долго жить им не пришлось. В 1942 году пришла весть, о том, что отец умер, а мама погибла во время бомбежки, когда стояла в очереди за хлебом. Дети семьи Морозовых осиротели.

В 1943 году Ларису и её братьев Юру и Геннадия перевели в Таушинский детский дом. Таушинский детский дом был создан для детей-сирот из Ленинграда. Но в него переводили только ребят школьного возраста. Ларису не брали. Она была самая маленькая. Братья Юрий и Геннадий заявили директору детского дома, что если не возьмут Ларису, то они все убегут. Юра взял на руки Ларису, он помнил наказ своей мамы беречь сестру, ведь она была еще совсем маленькой. Так дети семьи Морозовых оказались в Таушинском детском доме. Ребятам нравилось здесь. Все было, и продукты, и одеты они всегда были нарядно. Лариса, когда подросла, стала принимать активное участие в художественной самодеятельности, пела в хоре, танцевала, а потом пошла учиться в Таушинскую школу.

В детском доме воспитанники, чем могли, помогали взрослым: пололи сорняки на колхозных полях, участвовали в сборе урожая. Ухаживали за своим огородом. Помогая взрослым, детдомовцы осознали это и их удар по Гитлеру. А еще изучали военное дело, пели – плясали перед колхозниками, шефами из Чернушки, а это были рабочие Завода связи п/я 648, выпускали стенгазеты. Потом, когда Лариса уже пошла в школу, в 1 класс, Юра уже перешел в 4 класс. Он учил свою сестру немецкому языку. Научил так хорошо, что она уже знала весь немецкий алфавит, читала и переводила без всяких проблем. Но дело было не в этом. В Таушинской школе было всего 7 классов. После 7 лет обучения в школе всех отправляли в ремесленное или на ФЗО [Фабрично-заводское обучение]. В ремесленном училище учили на станках, на токаря или на слесаря. В ФЗО тоже были рабочие специальности. А Ларисе было обидно, ей хотелось учиться. Она училась хорошо, на 4 и 5, и решила, что поедет учиться дальше.

Когда всем выдали документы у Ларисы появилось желание поступить в музыкальное училище, но там не было общежития, а снимать квартиру денег не было, такая же ситуация с физкультурным училищем. В итоге она поступила на фармацевта в Молотовское фармацевтическое училище.

Училась, занималась спортом, лыжами — всегда и везде была первая. Активно участвовала в жизни комсомольской организации. После окончания училища ее направили работать в аптечный пункт поселка Центральный Кировской области. Она жила и работала на Камчатке, в Костроме.

Изучив материалы о жизни и судьбе Ларисы Михайловны Морозовой, я узнала, какие трудности пришлось ей пережить. Маленькая трёхлетняя девочка рассталась с родителями. Родители погибли, а она выжила, благодаря заботе воспитателей Ленинграда и жителей нашего Чернушинского района.

Она получила образование. Всю жизнь поддерживала связь со своими братьями и их семьями. Рассматривая внимательно фотографии Ларисы Михайловны, сделанные на её юбилее в 2018 году, видим большую и дружную семью. На общей фотографии около тридцати человек. Это ее дети, внуки и правнуки. Так одна спасённая ленинградская девочка подарила жизнь тридцати человекам. Ради этого

«Дорогой жизни».

О судьбе ленинградской девочки Людмилы Щегловой

Савинских Виктория,

учащаяся 8 класса, МБОУ «СОШ № 5», г. Чернушка Пермского края

(руководитель – Павлова Т.А.)

С каждым годом всё дальше и дальше вглубь истории уходят события Великой Отечественной войны, а память вновь и вновь возвращает нас к грозным событиям 1941 года. Понять и оценить настоящее, можно только сравнив его с прошлым. Они уже седые, эти мальчишки и девчонки, выросшие и уцелевшие в годы Великой Отечественной войны. И послевоенная пора была у них суровой, а подчас и жестокой. И пока эти люди живы, мы должны узнать от них самих об их судьбах и жизненной дороге.

В Музее истории школы № 5 Чернушинского района сохранились уникальные материалы – свидетели жизни ленинградских детей в эвакуации: рисунки, стихи, письма, фотографии и воспоминания. Это материалы собраны в результате поисково – исследовательской работы учащихся 70-80 х годов XX века, а также в 2000 году ученицей Ириной Кузиной, при написании исследовательской работы «Детство, которое не отдали войне».

Сегодня многие ветераны войны – это те ребята, которые пережили годы бомбежек, голода и страха... Со слезами на глазах они вспоминают свое военное детство, и, несмотря на то, что некоторые моменты уже стерлись из памяти, тот период они запомнили на всю жизнь и вряд ли забудут. Они могут рассказать нам про свою войну, какой они её знают и помнят.

Ознакомившись с личным архивом Людмилы Александровны, я увидела много фотографий, рассказы о ее жизни в Таушинском детском доме, о начале педагогической деятельности, об ее учениках. Есть семейные фотографии, есть выпускники, но нет ни одной фотографии из ее далекого довоенного детства и ее родителей.

Людмилу Щеглову, 10-летнюю школьницу, вывезли из сжимаемого блокадным кольцом Ленинграда в 1941 году. Она вспоминает, как испуганных ребятишек долго везли поездами и на санях. Затем по Волге и Каме на пароходе. Суда с ребятами стали прибывать в Сарапул к середине морозного ноября 1941 г. И вот, наконец-то, эшелон

шли солдаты в бой и защищали Родину. Дети – это будущее страны.

Когда мы вели сбор и изучение материалов о судьбе Ларисы Михайловны, планировали встретиться с ней, пришла горестная весть, что она умерла 11 февраля 2019 года. Ей был 81 год.

В результате поисковой работы найдены новые документы, фотографии, получены видео материалы Морозовой Ларисы Михайловны и об ее братьях.

А также узнали, что есть такая категория ветеранов, как «дети войны». Они живут рядом с нами, об их судьбах, о жизни в военные годы мало писали. В ходе исследовательской работы по проекту «Спасенное детство», мы многое узнали о судьбах маленьких ленинградцев. О том, как они научились жить и выживали в трудных условиях, как помогали фронту. Теперь с этой информацией мы должны познать как можно больше людей.

остановился на станции Чернушка. Людмилу Щеглову вместе с другими ребятами и воспитателями Фрунзенского района отправили в Среднюю Атыню. Первое время дети спали на соломенных матрасах и топчанах.

Людмила Александровна вспоминает: «В Атыньке – было посытнее и попросторнее, чем в Ярославской области и в пути». Жители села помогали эвакуированным детям. Делились хлебом, картошкой, крупами. Многим детям нужна была теплая одежда. И в этом местные жители тоже помогли. Так дети Ленинграда начинали потихоньку привыкать к новым условиям жизни. Вскоре ребят, кто был постарше, перевели жить и учиться в д. Крещенка. Здесь была начальная школа.

В 1943 году в селе Тауш был открыт детский дом для эвакуированных детей Ленинграда. Он стал пополняться детьми из интернатов Чернушинского района. Из Крещенки перевели всех ребят, окончивших 4 класс, так как школа была только начальной, а ходить из Крещенки в соседнее село Тауш было далеко. Окончив 4 класса, Людмила была переведена в Тауш для дальнейшего обучения. И снова переезд, снова новое место, ребята, которых она еще не знает. Она знала лишь, что они тоже из Ленинграда. Однажды из письма родных своей ленинградской подруги Эли Красновой, она узнала, что родители погибли при бомбежке.

В 1945 году Людмила Александровна окончила 7 классов Таушинской школы и была переведена для обучения в Чернушку в школу № 1. После окончания 8 классов Мария Гавриловна Бубнова, заведующая Детским домом, посоветовала ей поступить в Осинское педагогическое училище.

В 1950 году она окончила педучилище и вернулась в Таушинский детский дом, где начала свою педагогическую деятельность в качестве пионервожатой, а через год её перевели на должность воспитателя.

В августе 1957 года ее назначили на должность завуча Таушинской школы, а также она возглавила Таушинский детский дом. В детском доме было организовано

самоуправление детей – детсовет. На заседаниях, ребята решали вопросы об организации и проведении концертов, оказание помощи колхозникам, забота о малышах, проведение праздников.

С сентября 1973 года Людмила Александровна работала учителем начальных классов в этой же Таушинской школе. В 1975 году Таушинский детский дом был закрыт. С 1980 года по 1999 год она преподавала русский язык в своей уже ставшей родной школе. В общей сложности педагогический стаж Людмилы Александровны – 50 лет.

За многолетний педагогический труд Людмила Александровна Трубникова (Щеглова) награждена: Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР, Знаком «Отличник народного просвещения», Медалью «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.», Медалью «Ветеран труда» и другими наградами.

Для Людмилы Александровны село Тауш Чернушинского края стал второй родиной. Когда после окончания детского дома многие ее друзья покинули село и уехали в Ленинград, она не поехала, а осталась жить, уже ставшим родным ей Тауше, учить и воспитывать других детей.

В 1985 году она побывала вместе со своей дочерью Риммой в Ленинграде. Побывала у дома, где жила до войны. Мимолетно пролетели воспоминания из довоенных лет,

школьные друзья, родители. Она постояла у дверей, но в квартиру, где когда-то жила не пошла. «Пусть в памяти останется все так, как я запомнила перед отъездом во время эвакуации. Теперь там все чужое. Чужие люди. Нет моих дорогих родителей», – вспоминает Людмила Александровна.

«Дорога жизни» Людмилы Александровны Трубниковой – Ленинград – Тауш. Несмотря на все трудности, эта маленькая, хрупкая девочка из Ленинграда выдержала все испытания, которая ей уготовила жизнь. Прошли годы.

В настоящее время Людмила Александровна находится на заслуженном отдыхе. Она все также живет в своем родном селе Тауш. Ее часто приглашают в школы, на районные мероприятия. Межрегиональный проект «Спасённое детство» стал для Людмилы Александровны очень важным.

Она принимала участие в мероприятиях Межрегионального проекта «Спасённое детство». Неоднократно выступала перед учащимися и педагогами нашей школы и на районных семинарах. В 89 лет, она бодр и еще многое может поведать из своих воспоминаний нашему поколению.

Людам, чье детство украла война, до сих пор снится то страшное время. В годы Великой Отечественной войны они показали, каким огромным может стать маленькое детское сердце, когда в нем есть любовь к Родине и ненависть к ее врагам.

Печали и радости школьников Некоузского района в годы Великой Отечественной войны

Капленко Алина,

учащаяся 10 класса, МОУ Шестихинская СОШ Некоузского МР Ярославской области
(руководитель – Любимова Е.А.)

Одной из важнейших задач, стоявших перед Советским государством в военные годы, была забота о подрастающем поколении. Некоузский район в этот страшный период стал второй родиной для многих эвакуированных детей и подростков.

В сообщении я хотела бы осветить события из жизни некоузских школьников, имевшие место в 1943 г. Именно в это время обстановка в районе, который в начале войны оказался в прифронтовой зоне, несколько стабилизировалась. Над школьниками, шедшими в свои учебные заведения вдоль железнодорожных путей, больше не нависала смертельная угроза вражеских бомбардировок. Школы приспособились к условиям военного времени: функционировали все из них, даже те, чьи здания пострадали от бомбежки или были отданы под госпитали. Была налажена отчетность о деятельности учебных заведений. Именно она легла в основу данного исследования.

Итак, в 1943 г. на территории района располагалось 12 детских домов. В 58 школах района обучалось 7887 детей (включая воспитанников детских домов)⁸⁶.

Забота о воспитанниках – дело первостепенной важности. Одной из самых существенных проблем, которую предстояло решить, было обеспечение воспитанников правильным питанием. Особенно важным считалось снабжение детей молоком. Не случайно отдел образования запрашивал

данные о колхозах, перевыполнивших план по поголовью крупного рогатого скота: из таких колхозов в 1943 г. 43 коровы были переданы во владение детских домов. В среднем в каждом детском доме было от 2 до 4 коров⁸⁷.

В годы войны остро стояла проблема отопления помещений. Как правило, детские дома имели лошадей, что существенно облегчало заготовку дров. А вот школам приходилось значительно труднее. Если заготовить дрова в лесу можно было силами учителей, самих школьников и их родителей, то для того, чтобы подвезти их к школе, требовалось обращаться в колхоз и просить лошадь. Показательно обращение заведующей Ковыревской школы в Отдел образования с просьбой на вышестоящем уровне решить вопрос доставки 30 кубометров дров. В обращении, написанном в конце октября 1943 г., читаем: «Я несколько раз обращалась с просьбой в сельский совет, ходила сама в колхозы, писала в Райисполком, но никакой помощи ниоткуда не получала. Распоряжения сельских советов колхозами не выполняются, хотя дрова находятся всего в 7-8 километрах. Школа не протоплена. Холодно и сыро. Кроме того, за недостатком топлива я не могу организовать горячих завтраков, хотя продукты имеются»⁸⁸. Аналогичная проблема была и в ряде других школ Некоузского района. Налицо нехватка тяглового скота – лошадей. Тепло в школах доставалось в годы войны ценой немалых усилий, дети умели ценить его!

86 Отдел по делам архивов администрации Некоузского МР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 26. Л. 131.

87 Там же

88 Там же. Л. 224.

Несмотря на все тяготы военного времени, заботе об успеваемости и качестве образования придавалось большое значение. В октябре 1943 г. учителя Некоузского района приняли вызов на социалистическое соревнование от учителей соседнего Брейтовского района. Главным направлением, по которому некоузским учителям предстояло улучшить показатели, был так называемый «всеобуч» или «полный охват детей школой»⁸⁹. Было выяснено, что по разным причинам в начале нового учебного года школу не посещали 225 человек. Предполагалось, что к зиме ситуация может только ухудшиться, поэтому в отделе образования имелось 600 пар детских валенок⁹⁰. Выдавая их нуждающимся детям, учителя могли надеяться, что посещаемость школ останется на достаточно высоком уровне.

В условиях военного времени активно проводилась воспитательная работа среди школьников, как никогда проникновенно и понятно звучали слова об истинном патриотизме. Школьники – и те, кто пережил ужасы эвакуации, и те, чьи родственники сражались на передовой – мечтали внести свой вклад в победу над врагом. Ученики, согласно архивным документам, принимали «массовое участие в общественной работе и помощи Красной Армии в деле окончательного разгрома фашистских захватчиков»⁹¹.

Летом 1943 года некоузским школьникам предстояло активно включиться в дело государственно-оборонного значения – заготавливать лекарственное сырье. Каждая школа, исходя из местных условий, определяла, какие именно дикорастущие растения ученики будут собирать. Из анализа архивных «Сведений о заготовках» видим, что в подавляющем большинстве школ заготавливалась крушина (это растение больше известно как волчья ягода). Школьники собирали как кору, так и плоды этого растения. Учениками также заготавливались крапива, ромашка, клевер, мята, листья брусники, малины, смородины, мать-и-мачехи, березовые почки. К лекарственному сырью были приравнены и сушеные грибы и ягоды. Во всех школах проходили так называемые «воскресники» по сбору полезных трав, причем учителям вменялось в обязанность не только следить за качеством собранного материала, но и вести его строгий учет. Собранное и прошедшее первичную обработку сырье школьники сдавали в специальные пункты приема⁹².

Особенно отличились в сборке полезных растений ученики 1-4 классов. В целом по району начальные школы сдавали сырья намного больше, чем средние. Этому есть вполне логичное объяснение: по постановлению правительства учащиеся в возрасте от 12 до 16 лет должны были выработать 50 трудодней в колхозах. Ученикам среднего звена доверялась более тяжелая работа. Они пололи посевы, вели борьбу с вредителями полей, ухаживали за скотом, бороили, пахали, возили и вязали снопы.

В 1943 г. Ярославская область должна была поставить государству 3 миллиона пудов хлеба. Это было наивысшее задание за весь период войны. К уборке хлеба в колхозах широко привлекались и школьники. Задачей самых

маленьких детей было поднимать упавшие колоски, чтобы ни один из них не пропал. В результате самоотверженной работы план по поставке хлеба был перевыполнен – область сдала дополнительно полмиллиона пудов хлеба. Не те ли это зернышки, что были заботливо подняты детскими руками?

В 1943 г. в сельскохозяйственных работах занято было 1763 учащихся и учителей. Они заработали 70 555 трудодней⁹³. Тяжелый, изнуряющий труд, выпавший на долю школьников, скрашивался радостью от осознания того, что они помогают фронту, поддерживают своих близких, воюющих с врагом.

Еще одним проявлением патриотического воспитания школьников являлось их активное вовлечение в агитационно-массовые мероприятия. Участие в художественной самодеятельности, посещение госпиталей, шефство над детскими садами – все это не только позволяло отвлечься от повседневных забот, наполняло жизнь особым интересом, но и помогало детям чувствовать, что и они приближают Победу.

Жизнь школьников в годы войны была непростой. Самым страшным было то, что многие дети были разлучены со своими родителями, не знали об их судьбе. В 1943 г. в районный отдел образования неоднократно приходили письма от бойцов Красной Армии, которые пытались выяснить, не в Некоузский ли район были эвакуированы их дети. После получения таких писем во все образовательные учреждения делался запрос. И случалось так, что дети находились, семьи воссоединялись.

Примечательно и то, что в отдел образования часто приходили письма, в которых солдаты выражали обеспокоенность успеваемостью детей. Вот пример такого письма: «Мой сын ..., находящийся в настоящее время в эвакуации на моей родине в селе Марьино Некоузского района, в учебный 1942/43 год учился в Марьинской неполной средней школе (в 6 классе). На весенних испытаниях – не выдержал испытания по иностранному языку, и – по полученным мною сведениям – поэтому оставляется на второй год в 6-м классе. Испытания в знании по другим предметам выдержал. Находясь на Службе в Красной Армии, я конечно не могу взять его под наблюдение и оказать какую-либо ему помощь. Потеря же одного года в учении сына может сказаться на дальнейшем продолжении образования, что меня и беспокоит. Прошу Вашего распоряжения провести переэкзаменовку и если можно оказать помощь путем дополнительных занятий с установлением срока сдачи испытаний»⁹⁴. Получив письмо, руководство пошло навстречу бойцу, его сын получил возможность пересдать иностранный язык. И хочется верить, что парнишка в полной мере оценил заботу о нем отца – она поистине бесценна.

Для многих детей письма с фронта от сражающихся близких людей были главной радостью, придающей силы. Но почтальоны разносили не только письма... Не понаслышке многим детям довелось узнать, что такое похоронка.

Дети войны.. Рано им пришлось повзрослеть... Рано узнали они тяготы жизни... И в Великой Победе есть и их вклад.

89 Там же. Л. 165.

90 Там же.

91 Там же.

92 Там же. Л. 180, 188.

93 Некоузский край в годы войны // Некоузский культурно-досуговый центр : [сайт]. – 2020. URL: https://nkdc.yar.muzkult.ru/media/2020/03/18/1253717236/Nekouzskij_rajon_v_gody_vojny.pdf (дата обращения: 12.07.2019).

94 Отдел по делам архивов администрации Некоузского МР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 26. Л. 199.

Мы родом не из детства, из войны...

Кондырева Дарья, Рижко Елизавета,

учащиеся 9 класса, МОУ «Некоузская СОШ» с. Н. Некоуз Ярославской области

(руководитель – Тарасова Т.Б.)

70 лет прошло с тех пор, как закончилась самая страшная война за всю историю человечества. В поход за Родину ушли те, кто мог держать оружие, и мало кто смог вернуться с нее целым и невредимым. Осиротела земля, а вместе с ней и дети. Запуганные, голодные и одинокие, малыши находили свой приют в детских домах, но и они не спасали от ужасов войны, именно поэтому их в первую очередь старались эвакуировать.

На территории Некоузского района находилось более десятка подобных детских домов с малышами, перевезенных из блокадного Ленинграда. И в данной истории исследования будут рассмотрены следующие вопросы: какие детские дома были в поселке; как была организована в них работа; сколько всего было воспитанников; как они жили и учились и когда, наконец, смогли возвратиться домой.

Согласно источникам, в Новый Некоуз с середины июля 1941 г. стали прибывать специальные поезда с эвакуированными детьми. Детей подбирали в домах и на улицах, и, согласно возрасту, формировали детские дома.

Всего на территории Некоузского района находилось 13 детских домов с детьми блокадного Ленинграда. Они располагались в Воскресенском, Станилове, Веретее, Николо-Замощье, Новинском, Спас-Ильди, Большом Дубинине, Пахомове, в Золоткове, Быково, Нескучном, в архивных списках значатся более 1000 фамилий маленьких ленинградцев. Мы же решили систематизировать информацию о детском доме №170, т.к. по архивным данным в нашем поселке он был один.

На основании документов, хранящихся в Некоузском архиве, детский дом в Николо-Замощье был образован 6 марта 1943 года. Его директором была назначена Ларионова Зинаида Николаевна, а также зачислен штат сотрудников. Затем директором была назначена Анастасия Анатольевна Дедок. На январь 1944 года в штате числилось уже 20 человек. Прибыли в Некоуз 113 ребят в возрасте от 6 до 13 лет. Среди них детсадовцев – 4, школьников – 105, сирот – 32.

«В один холодный зимний вечер к зданию школы прибыли подводы с маленькими детьми, – вспоминала Евгения Константиновна Зайцева. Их по «дороге жизни» вывезли из Ленинграда... В наш дом поселили женщину с двумя малолетними детьми – это была директор детского дома... Ее назначили директором детдома, она и ехала с детьми по «дороге жизни». Анастасия Анатольевна не любила вспоминать этот путь и только один раз рассказала, что машина, которая шла впереди, попала в полынью и ушла под лед вместе с находившимися в ней детьми. После этого случая она поседела».

Детей разместили в большом двухэтажном здании напротив церкви в с. Николо-Замощье. Это здание, к сожалению, не сохранилось. Областные исполнительные комитеты были обязаны обеспечить детям соответствующие условия проживания, но в реальности это сделать быстро не удавалось, поэтому директор и воспитатели обратились за помощью к местному населению.

Дети были сильно истощены, «словно, «живые трупы», но они быстро поправлялись, выздоравливали. На ноги вставали и в школу сами ходили, а это уже о многом сказать может» – говорит А.П. Шеломова. «Суп они ели в два приема, вначале бульон, а потом всё содержимое супа. Хлеб дети могли оставлять как самую лакомую пищу и есть после» (из воспоминаний работников детского дома). Болели в детдоме ребята очень часто, однако информации об умерших в детдоме №170 в архиве нами не обнаружено.

Благодаря завхозу д/д Е.К. Киселевой на дворе стояли две коровы и лошадь: коровы для детей давали молоко, а лошадь была для подвозки дров и продуктов. Питались дети четыре раза в день: на завтрак каша на молоке, обязательно чай или кофе, в обед были готовы три блюда – на первое рыбный или мясной суп, картофель с мясными продуктами, а на третье кисель или компот – далее полдник и ужин.

В субботу была баня. Там трудились Елизавета Александровна Белякова из деревни Махаево – она стирала белье для детей, а по субботам помогала их мыть. А еще с девочками занималась кастелянша Симочка из Некоуза. Именно она учила 11-13-летних девочек латать заплатки, пришивать пуговицы, штопать чулки и гладить. До гладильного стола ребятам было не достать, так на две табуретки клали доску и на ней гладили, а утюги в те времена были тяжелые, на углях.

Мастером работал в детском доме Поликарп Сергеевич Левашов, наш земляк. Это он научил ребят из города косить траву и сушить сено, запрягать лошадь и колоть дрова, и позднее мальчишки стали настоящими помощниками для взрослых, могли наравне с ними работать в поле.

К обучению в школе в 1943 году сразу приступили всего 14 человек. Учитель начальных классов Лидия Николаевна Гордеева писала: «Мы, учителя, для детдомовцев были не только учителями, но старались, как могли заменить им родителей, приободрить, приласкать. Старались поддержать ребят и жители поселка. Приносили детдомовцам что-либо из еды: морковку, картошечку или еще что-то. Некоторые колхозники брали их на выходные, были и те, кто усыновлял ребят...». Оказывали помощь детдомовским детям и союзники-американцы. Антонина Павловна припоминает, что ребятам как-то прислали коричневые шерстяные свитерочки. Они были сделаны не руками, а на машинном станке.

Судя по спискам в 1944 г. в детском доме № 170 с. Николо-Замощье числилось уже 150 детей. Подлежало обучению из них 74. Дети старше 14 лет, по окончании учебного года, становились выпускниками и отправлялись в фабрично-заводские ремесленные училища (ФЗУ).

В детдоме велась большая работа по организации досуга ребят. Они ставили спектакли, проводили различные мероприятия. В Новом Некоузе работали два госпиталя, и школьники часто ходили к раненым. Как-то зимним вечером к раненым пришли дети первого класса с концертом. Маленькую девочку, чтобы она была видна всем, поставили на табуретку. Она прочитала стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины». Стихотворение она читала так захватывающе, с таким пафосом, что у раненых

появились слёзы на глазах. Несколько раз по их просьбе она повторила его.

После снятия блокады Анастасия Анатольевна Дедок уехала в Ленинград и директором была назначена Андреева С.И., а с августа 1946 года Успенский П.А. В октябре того же года его сменила Сидорова Г.А. Она же оставалась руководителем учреждения до апреля 1953 года.

В 1945 году в детском доме числилось уже только 75 детей. Детский дом № 170 вс. Николо-Замосье был ликвидирован 17 апреля 1953, т.е. 66 лет назад.

Война в жестокой слепоте своей соединяет несоединимое: дети и смерть. В годы битв наша страна делала всё, чтобы уберечь детей от страданий, но порой эти усилия оказывались в пекле страданий и невзгод, они вели себя как герои. Война не детское занятие. Но и те тысячи ребят, детство которых пришлось на войну, вписали в военную летопись свою страницу.

Список использованной литературы и источников

1. Воспоминания Гордеевой Л.Н. // Архив школьного музея НСОШ. Осн. фонд. Инв. № 430.
2. Воспоминания Зайцевой Е.К. // Архив школьного музея НСОШ. Осн. фонд. Инв. № 487.
3. Воспоминания Ширяевой Н.А. // Архив школьного музея НСОШ. Осн. фонд. Инв. № 430.
4. Дорошкевич Н. Великая Отечественная война глазами ребенка // Вперед. – 2014. – 15 марта (№ 21).
5. Книга Памяти школьников НСОШ // Архив школьного музея НСОШ. Осн. фонд. Инв. № 497.
6. Отдел по делам архивов административно-кадрового управления администрации Некоузского муниципального района. Ф. 76. Оп. 1, 2. Д. 31 (1940–1951).
7. Отдел по делам архивов административно-кадрового управления администрации Некоузского муниципального района. Сведения об участии учащихся в обороне страны по Некоузскому РОНО за 1941–1942 гг. Ф. 4. Д. 1. Оп. 6. 145 л.
8. Фото из архива семьи Асикритовых и архива Некоузской средней школы.

Эвакуация лагеря ленинградского Литфонда в Гаврилов-Ям по воспоминаниям воспитанников лагеря

Попова Анна,

учащаяся историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Стальмак Е.П.)

Изучая эвакуацию детей из Ленинграда в рамках межрегионального проекта «Спасённое детство», нам удалось познакомиться с Татьяной Николаевной Шишловой⁹⁵, которая была ещё ребёнком, когда началась война. Десятилетняя девочка успела окончить только первый класс. В мирное время она жила с мамой и папой в Ленинграде по адресу набережная канала Грибоедова, 9, квартира 82. Мать – Екатерина Степановна Гаскевич – была художником, окончила Академию Художеств, впоследствии стала членом известного объединения «Круг художников». Отец – Николай Петрович Вагнер – работал журналистом, а во время войны был редактором, состоял в объединении союза писателей. Благодаря этому Тане и её маме удалось уехать из города вместе с лагерем ленинградского Литфонда [6].

Этим летом нам удалось созвониться с Татьяной Николаевной, она поделилась с нами бесценными воспоминаниями об эвакуации, а 1 октября мы встретились с ней и смогли уточнить детали воспоминаний. К сожалению, 8 октября этого года Татьяны Николаевны не стало, и я бы хотела посвятить свою статью её памяти.

Об отъезде из Ленинграда в эвакуацию Татьяна Николаевна Шишлова вспоминала так: «Мы эвакуировались с лагерем Литфонда. 500 детей от Союза писателей – это был целый состав. Эвакуация проходила летом и очень быстро. Нас повезли в Ярославскую область, в город Гаврилов-Ям» [6].

Подробности о дне эвакуации нам удалось обнаружить в воспоминаниях Анастасии Егорьевой-Канторович⁹⁶, опубликованных в книге «Голоса из блокады: ленинградские писатели в осаждённом городе, 1941–1944» [1]. Она пишет,

что уезжали из Дома писателя на улице Воинова, где в переломе стояли приготовленные автобусы. В адресно-справочной книге «Ленинград» за 1940 год мы обнаружили адрес Дома писателей имени Маяковского – улица Воинова, дом 18 (Сейчас эта улица называется Шпалерная).

Автобусы отправились на Московский вокзал, откуда, по воспоминаниям А. Егорьевой-Канторович [1], уезжали днём в обычном пассажирском составе. Татьяну Николаевну Шишлову на вокзале провожал папа. Он остался работать в осаждённом Ленинграде.

К сожалению, Татьяна Николаевна не смогла вспомнить дату эвакуации из Ленинграда в город Гаврилов-Ям, расположенный в 80–100 километрах от Ярославля. Но в ходе исследования у меня получилось узнать точную дату, место, район и время отправления. Для этого я отправилась в Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Изучая планы отправки детей в эвакуацию по Октябрьской дороге, я обнаружили несколько вариантов дат отъезда: 5, 6 и 7 июля. Как же я определила правильную?

Во-первых, в своих воспоминаниях Анастасия Егорьева-Канторович – жена ленинградского писателя Льва Владимировича Канторовича, вспоминает: «Мой муж писатель Лев Канторович погиб под Выборгом 30 июня, в бою защищая границу... 3 июля Льва Владимировича похоронили в Ленинграде, на Волковом лютеранском кладбище. Через два дня после этого, наскоро собрав кое-какие вещи, я с полуторагодовалой дочерью Настей и матерью мужа Полиной Абрамовной Канторович в назначенный час приехали в Дом писателя на улице Воинова» [1].

⁹⁵ Татьяна Николаевна Шишлова (1931–2019) – воспитанница лагеря Литфонда.

⁹⁶ Анастасия Егорьева-Канторович – жена ленинградского писателя Льва Владимировича Канторовича.

Также в письме Наташи Роскинойк Сергею Спасскому от 5 июля 1941 года, которую мне удалось найти в книге Ирины Роскиной «Письма военных лет», читаем: *«Дорогой Зек⁹⁷, сегодня уезжаем. Мы с Алёшей едем с Литфондом. По приезде, конечно, немедленно сообщу адрес. У меня настроение сейчас хорошее, думаю, что нам там будет хорошо. Взяли несколько книг, шахматы, шашки и др...»* [4].

Итак, можно сделать вывод о том, что Литфонд эвакуировали в Гаврилов-Ям 5 июля⁹⁸.

По документам отправки в Гаврилов-Ям осуществлялись 5, 6 и 7 июля. 6 июля детей вывозили вечером, в 20.30. Это не соответствует части воспоминаний, где утверждается, что уезжали днём. 7 июля поезд уходил в 10-30, но вывозили только детей Выборгского района. Осталось лишь 5 июля, так как в этот день поезд отправился в 17:20 [7], отправляющиеся могли счесть это днём, особенно в условиях ещё не закончившихся белых ночей. Всё сошлось и по документам, и по письмам! Поезд шёл в Гаврилов-Ям.

Как писала Анастасия Канторович: *«Состав из обычных жёстких вагонов стоял у платформ. Разместили нас как в поездах – каждому своё место». Также она пишет о самой дороге: «Помню, как нас обгоняли составы теплушек. В их открытых дверях толпились женщины с лицами, полными ужаса...»* [1]. В документах Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга мы нашли немало документов, рассказывающих об эвакуации мирных граждан из Прибалтийских республик. Многие из них, спасаясь от войны, бежали в Ленинград, где их принимали на эвакуопунктах и эвакуировали вглубь страны. Именно такие эшелоны повстречались лагерю Литфонда в пути.

По дороге часто совершали остановки в полях. Вероятно, потому что пропускали эшелоны, отправляющиеся на фронт. Путь был долгим и напряжённым, ведь никто не знал, что с ними будет дальше [6].

8 июля люди приехали в назначенное место, это я узнала из переписки Наташи Роскиной⁹⁹ с бабушкой, Верой Львовной Роскиной¹⁰⁰, которую мне удалось найти в книге Ирины Роскиной¹⁰¹ «Письма военных лет». А вот что пишет о приезде Егорьева-Канторович: *«У вокзала нас встречало много телег, их возницы – женщины. На их лицах приветливость и нескрываемое любопытство. Они развозят нас на телегах по домам»* [4].

В ходе работы над темой исследовательская группа клуба «Петрополь» посетила Гаврилов-Ям и разыскала адреса, указанные в воспоминаниях. Выяснилось, что железнодорожная ветка Гаврилов-Ям – Ярославль, по которой привезли ленинградских детей, – тупиковая, она строилась для нужд льняной мануфактуры, и в данный момент этот вокзал не работает. Но в годы войны именно он служил целям эвакуации.

Где поселили юных ленинградцев? Информацию об этом мы находим в переписке Роскиных: *«Нас пока что разместили по разным школам, но все они очень близко друг от друга, так что я захожу к Алёше по нескольку раз*

в день... Вообще у дошкольников все очень хорошо организовано. Кормят их три раза в день (нас так же). В компании все кажется вкусным. Погода чудная. Моемся и купаемся в реке. Есть у нас душ, что очень приятно, хотя река и рядом... Я живу в группе старших девочек. В нашей довольно большой комнате десять девочек. Есть электричество. Вообще довольно уютно. Кроватей ещё не привезли, но мы набили мешки соломой и спать можно хорошо...» [4].

Итак, в Гаврилов-Яме необходимо было установить две школы, которые находились по соседству, рядом с которыми был сад (о нем вспоминали многие ребята) и пляж. Установить это нам помог учитель истории Гаврилов-ямской средней школы № 3 Сергей Иванович Киселёв. В начале войны эвакуированных ленинградцев поселили в здания школы № 1 – начальной и средней – это старинные здания ещё дореволюционной постройки. Начальная школа – деревянная, это старая церковно-приходская школа, по соседству с которой протекает река Которосль и расположен городской пляж. Местные жители называли его Бабушкин пляж. Средняя – каменная, рядом с ней в 1941 году была красивая оранжерея, фонтан и городской сад, куда, очевидно, ребят водили гулять.

Как жили ребята? Ответ на этот вопрос – в письме Жени Гринберга – сына ленинградских писателей. В основном, в Литфонде были маленькие дети, поэтому свои письма они диктовали учителям, которые помогали деткам поддерживать общение с их родителями: *«Дорогие мама и папа! Мне очень здесь хорошо. Мне здесь мальчишки сделали лук и Мише Козакову тоже. Может быть, ты знаешь Мишину маму? Миша очень хороший, но большой шалун. ...Сегодня я кушал очень хорошо, желудок у меня в порядке. Мы часто ходим в гости к бабушке, и она нас чем-то вкусным угощает»* [4]. Гастрономические подробности мы читаем в письме Наташи Роскиной: *«Вам, наверное, интересно, что мы едим? С сегодняшнего дня мы на счету Литфонда. Утром пили чай и ели картошку или манную кашу (на выбор), на обед был рыбный суп с яйцом, пюре с жареной колбасой и чай с молоком, совершенно достаточно сладкий»* [4].

В результате поездки в Гаврилов-Ям нам удалось выяснить, что эвакуированных ленинградцев кормили в столовой – пищеблок был организован в помещении Дома культуры.

Обратим внимание на строки «мы на счету Литфонда». Жизнь ребят поддерживалась из Ленинграда, ведь на эвакуированных нужны были средства. В заметках Владимира Бахтина¹⁰² – фольклориста, историка литературы, критика, о жизни и работе Ленинградского отделения Союза писателей в дни войны отмечается: *«Немало забот требовал интернат в деревне Гаврилов Ям Ярославской области. Первоначально выехали 150 детей писателей, затем ещё 75. В конце концов там оказалось 370 детей, из них около ста неизвестно откуда и чьи. На этих ребят не было ни средств, ни фондов. Ломали голову, что делать с ними. Решили, конечно, по-человечески: оставили, всё делили поровну. Начальником*

97 Зек – прозвище отца Наташи Роскиной – Сергея Дмитриевича Спасского.

98 Льва похоронили 3 июля, а через два дня они уехали, т.о. Литфонд эвакуировали 5 июля.

99 Наталья Александровна Роскина (3.11.1927-1.11.1989) – мама Ирины Роскиной.

100 Вера Львовна Роскина – бабушка Наташи.

101 Ирина Роскина – ближайшая родственница Роскиных, которая составила книгу «Письма военных лет». В ней собраны письма её родственников.

102 Владимир Бахтин – фольклорист, историк литературы, критик.

лагеря в 1941–1943 годах была критик А.И. Лаврентьева-Кривошеева¹⁰³, ей помогли жены писателей» [2].

Нам удалось выяснить, что Александра Ивановна в мирное время была литературным редактором, критиком, литературоведом. Когда началась война, она также оказалась в эвакуации с Литфондом. В Гавриловом-Яме Кривошеева стала начальником лагеря и выполняла свои обязанности до 1943 года, работая с детьми также и во второй период эвакуации, когда лагерь был переведён в деревню Чёрная Пермского края.

Первый этап эвакуации продлился до сентября 1941 года. В сентябре лагерь был отправлен сначала железнодорожным, потом водным путём в Молотовскую область. В переписке Розы Рабинович¹⁰⁴ с Ларисой Гринберг¹⁰⁵ от 21 сентября 1941 года читаем: «Дорогие мои, сколько вам

приходится переносить, думаю о вас непрерывно. Мы подъезжаем к Горькому на прекрасном пароходе. Дети устроены во втором классе. Маленькие очень хорошо, старшие страшно тесно. Погода неважная, свежо. Одеты дети достаточно тепло и получают удовольствие от катания по Волге. Рассчитываем ориентировочно прибыть в Пермь 26-го, но пока там получим путёвку и устроимся...» [4]. Сейчас, в мирное время, путь от Ярославля до Нижнего Новгорода (во время войны – города Горького) занимает два дня. Поэтому благодаря письму можно предположить, что лагерь Литфонда выехал из Гаврилова-Яма в районе 19 сентября. До Ярославля детей везли по железной дороге, затем по воде отправили в Молотовскую область. Так начался второй этап эвакуации, который мне ещё предстоит подробно изучить.

«Память сердца»

Авдоненкова Алена,

учащаяся 8 класса, МБОУ «Черновская СОШ» Краснокамского городского округа Пермского края, (руководители – Бабушкина Л.Н., Литова Г.Т.)

С октября 1941 года по 1944 годы семьи ленинградских писателей, поэтов – лагерь Литфонда жили, работали и учились в селе Черная, Молотовской области. Для 140 детей, их мам и бабушек Черная стала вторым домом.

Литературный фонд СССР – организация при Союзе писателей СССР (основана в 1934 году, оказывала материально-бытовую помощь писателям). Литфонд создал в 1941 году лагерь для отдыха писательских детей. 22 июня, когда началась война, многие дети были в этом лагере под Ленинградом в посёлке Келломяки.

С началом войны, дети Литфонда были отправлены в эвакуацию и впоследствии оказались в с. Черная. Будучи уже взрослыми людьми они поддерживали связь с Черновской школой и поделились своими воспоминаниями о жизни в селе Чёрная во время эвакуации и рассказали о той роли, которую сыграл Урал и Черная в их становлении как личности.

С чувством благодарности вспоминает Чёрную Мирра Зельцер: «Я всегда помню, что дала каждому из нас Чёрная, и считаю себя вечной должницей»...

Олег Башинский: «Если бы не было Черновской школы и трёх лет жизни среди изумительной природы и замечательных людей, моя жизнь была бы неполной».

Наташа Рождественская: «Природа вошла в наше существо именно в Чёрной. Именно там сформировалось чрезвычайно важное и дорогое понятие – Отчизна. Чёрная – это моя вторая родина».

Среди воспитанников лагеря был Михаил Козаков: «Я прожил в Чёрной три года. Эти годы оставили свой след в моей душе, они совпали с тем временным отрезком жизни, когда формируется душа. И я благодарен судьбе за эти памятные занозы и рубцы, без которых каждый из нас, и я в том числе, не стали бы такими, какими нам суждено было стать».

Изредка кто-либо из писателей и поэтов навещали свои семьи. Послушать приехавших собиралось всё население.

Здесь побывали В.А. Рождественский, В.Б. Азаров, Н.Л. Браун, Р.С. Гор, М.Л. Слонимский.

Тогда они были военными корреспондентами, им было что рассказать ребятам, и они, затаив дыхание, слушали рассказы с передовой о положении на фронте, о зверствах фашистов, о мужестве советских людей.

В ходе исследовательской работы нам удалось узнать, что многие ленинградцы, ученики нашей школы во время эвакуации, стали известными людьми (Олег Башинский – архитектор; Наташа Рождественская – искусствовед, кандидат наук; Михаил Герман – доктор искусствоведческих наук, профессор; Саша Грюнберг – доктор филологических наук, профессор; Михаил Козаков – киноактёр и режиссёр).

Александра Ивановна Лаврентьева написала книгу о колхозной жизни в годы войны «У себя в Пылаях» (она работала секретарём партийной организации). Ирина Валерьяновна Карнаухова написала книгу «Повесть о дружных», где рассказывается о жизни одной из уральских начальных школ – прототипы жители нашего села.

На прощании ленинградцы отправили благодарственное письмо в Краснокамский горком ВКП (б), посадили на школьной территории деревья. Слова благодарности звучали во всех письмах ленинградцев.

В память о жизни лагеря Литфонда на здании школы открыта мемориальная доска, на торжественном митинге, посвященном 65-летию со Дня Победы, на котором присутствовала бывшая воспитанница лагеря Литфонда Заводчикова Татьяна Владимировна, которой было представлено почетное право открытия мемориальной доски.

В саду, заложенном ленинградцами, установлен памятный камень, в рамках проекта «Память сердца», реализованного учащимися и педагогами школы в 2016 г.

Побывали в селе после войны Ирина Фехтнер и Борис Вахтин (сын Веры Пановой), неоднократно Мирра Зельцер, Светлана Томская с мужем, на 50-летие школы приезжали

¹⁰³ А.И. Лаврентьева-Кривошеева была начальником лагеря до 1943 г.

¹⁰⁴ Роза Наумовна Рабинович (урожд. Матусовская, 1880–1951) – прабабушка Ирины Роскиной; бабушка Наташи Роскиной.

¹⁰⁵ Роза Наумовна Рабинович (урожд. Матусовская, 1880–1951) – прабабушка Ирины Роскиной; бабушка Наташи Роскиной.

Мирра Зельцер, Наталья Рождественская, Олег Башинский, Ирина Владимирова, Татьяна Заводчикова и Воля Трифонова.

На юбилейном вечере Н. Рождественская прочитала своё стихотворение «Память сердца», назвала село Чёрная «второй родиной».

Эта крепкая нить памяти из прошлого в нашем небольшом школьном музее, где собраны материалы о лагере Литфонда. Большую помощь в сборе материала оказали сами ленинградцы: книгами, документами, воспоминаниями.

Неуловимо бежит время. Многих и многих уже нет в живых. Но память, неуловимая ниточка связи, передаётся из поколения в поколение. И Чёрная в душе ленинградцев, воспитанников лагеря Литфонда, как родина, которую нельзя забыть.

В том, что Ленинград выстоял и сумел сохранить и продолжить свои славные традиции – есть вклад тысяч тружеников трудового Прикамья, которые не только ковали оружие для фронта, но и смогли, отдавая последнее из немногого, согреть и приютить детей и взрослых блокадного города – будущее Ленинграда. В этом есть и заслуга жителей нашего села Чёрная.

«Под свое крыло тепло приняли обездоленных детей»

Лядова Ольга Николаевна,

учитель МАОУ «Сылвенская средняя школа» структурное подразделение Лядовская школа Пермского муниципального района Пермского края

Война – это не только ужас, не только смерть и горе... Во время войны проявлялись и самые добрые человеческие качества: милосердие, сопереживание, желание помочь.

В пределах Молотовской области (ныне Пермский край) с 1941 по 1945 годы размещались 136 эвакуированных школьных интернатов с количеством детей в них 11524 человека: 111 Московских интернатов с количеством детей в них 8 5924 человека и 25 Ленинградских интернатов с количеством детей 2930 человек.

«Прошло всего семь дней с тех пор, как по радио прозвучали слова о войне. Но как за эти дни изменилась жизнь! У подъезда Эрмитажа стояли большие тщательно заколоченные ящики. В одной из комнат музея происходило заседание штаба по эвакуации художественных ценностей. Заместитель начальника штаба предлагает создать свою группу на базе детского сада. В помощь руководителю группы Любови Владимировне Антоновой мобилизуют работников школьного кабинета» (из воспоминаний Любови Владимировны Антоновой).

6 июля 1941 года. Дворцовая набережная имела необычный вид. К Малому подъезду Эрмитажа тянулась вереница детей. Их сопровождали бабушки, матери с тюками на плечах, некоторые везли вещи на тележках. Вскоре в вестибюле музея стало тесно.

Приказом по Государственному Эрмитажу № 203 от 24 июля 1941 года в глубокий тыл было отправлено 146 детей и сотрудников Эрмитажа во главе с заведующей просветительским отделом Любовью Владимировной Антоновой.

Сначала дети находились в Ярославской, затем в Горьковской области.

9 июля 1941 года. Первая остановка деревня Искробол. Станция Красный Профинтерн Ярославской области.

И все же, по воспоминаниям Любови Владимировны Антоновой, «душевного покоя не было. Сообщения

Список использованной литературы и источников

1. Альтерман С. Голоса из блокады : ленинградские писатели в осаждённом городе, 1941–1944. – СПб. : Наука, 1996. – С. 234–239.
2. Ленинградские писатели-фронтовики, 1941–1945 : автобиографии, биографии, книги / авт.-сост. В.С. Бахтин. – Л. : Советский писатель, 1985. – 519 с.
3. Протасова Е.В. Уральские школы в годы Великой Отечественной войны // По материалам архивов и музеев Пермского края. – Пермь, 2018. – С. 244–264.
4. Роскина И. Из семейного архива. Ч. 4 : Переписка военных лет, 1941–1945 гг. – URL: <https://clck.ru/Lhtxa> (дата обращения: 12.07.2019).
5. Шварц Е.Л. Телефонная книжка. – М. : Искусство, 1997. – 640 с.
6. Шишлова Т.Н. Интервью. 1 октября 2019 г.
7. ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 1 (План эвакуации от 5 июля 1941 г. по Октябрьской дороге).

Информбюро, а радио было только в сельсовете, слушались с напряженным вниманием. В них говорилось о тяжелых боях от Белого до Черного моря. Дыхание войны дошло и до Искробола».

29 октября 1941 года связь с Ленинградом была нарушена. Было принято решение к 2 часам дня 30 октября доставить ленинградских детей на пристань «Красный Профинтерн». Только **7 ноября** вечером на камский пароход «Короленко» последний ребенок поднялся по трапу, последний узел брошен в люк. Пароход медленно тащится по Волге. Вновь появилась течь. Качаем воду без перерыва. Но разве Волгу перекачаешь ведрами? Машинное отделение работает с трудом. Все устали, измучились. Горький не принимает, река Волга стала. Ждать нельзя. Придется всем возвращаться и высаживаться в Городце.

14 ноября. В Городце они проживут несколько дней, пока отдохнут дети, а затем железной дорогой отправятся на Урал. В городе Городце свирепствовала токсическая форма кори и 11 детей заболели. Любовь Владимировна и Дина Григорьевна остаются в больнице с детьми. За сутки три смерти.

В ноябре 1941 года в связи с осложнившейся обстановкой на фронтах дети прибыли в город Молотов, современную Пермь.

Вот он, Молотов! Большой вокзал, электрический свет, звучит радио, работают газетные киоски. Состав расформируют, интернаты разъезжаются по разным направлениям. «Дорогу не вынесли семеро больных детей. Из них четверо умерли в городе Городце, один – в Молотове в больнице. Среди умерших двухлетняя дочь нашей заведующей, маленькая дочка и семилетняя племянница одной воспитательницы, мой Андрюша – четверо «родительских» детей, детей персонала», – из воспоминаний Ольги Павловны Орловой.

«А пока мы продолжаем путь. Последняя ночь. Наши вагоны прицепляют к какому то составу и тянут с невероятной тряской. Просыпаемся утром, чувствуя, что стоим на месте. Да, мы на запасных путях, недалеко от станции. Это и есть Ляды. Оказывается, всего два часа езды от Молотова по железной дороге. Начинается разгрузка».

Под свое крыло тепло приняли обездоленных детей работники сельсовета и местные учителя. Разместили ленинградцев в школьном двухэтажном кирпичном здании в деревне Новая (центр современных Лядов), здесь они жили. «Колхоз стал ежедневно снабжать интернат дровами. Но кончались продукты. Отправилась я на заседание правления колхоза. Сидели одни старики и женщины, обратилась с просьбой снабдить нас овощами и молоком. Собрание молчало... И тут вскочила с места женщина и звонким голосом крикнула: Да вы что, мужики? Ведь у неё государственные дети! Что мы их по миру пустим? Все сразу заговорили. – Говорить нам нечего. Кому как не нам помочь? Дадим, что можем. На следующий день утром на интернатский двор въехали сани с картофелем, мукой, бочкой квашеной капусты и бидоном молока» - вспоминает Ольга Павловна Орлова.

Здание Усть-Сылвенской неполной средней школы Вехне-Городковского района Молотовской области, расположенной на привокзальной площади станции Ляды в 100 метрах от железной дороги, было отдано под интернат для ленинградских детей.

Вот тогда и пришлось вести занятия в приспособленном здании барачного типа на пустыре между деревней Новой и деревней Карагай. Классы школы дополнились эвакуированными учащимися с 1 по 7 класс.

Здание было холодное и часто на уроках и учащиеся, и учителя занимались в верхней одежде. В таких условиях

Через призму времени: судьба ленинградских детей, эвакуированных в поселок Сарс Молотовской области в годы Великой Отечественной войны

Зайцева Дарья, Шилова Ангелина,

учащиеся 8 и 9 класса МБОУ «Сарсинская СОШ имени А.М. Карпова» Октябрьского м.р. Пермского края

(руководители – Целищева А.В., Зайцева Г.И.)

Великая Отечественная война, затронувшая социально-экономические и политические аспекты советского общества, оставившая глубокий трагический след в истории страны и ее народов, не обошла стороной и духовную жизнь человека.

В военных условиях культура и образование стали связующим звеном между внутренним миром людей с их чувствами, переживаниями и страхами, а также внешней жестокой действительностью военных лет. Выполняя, в частности, мобилизационную функцию, культура и образование стали неотъемлемой частью общественной системы того времени, несмотря на ужасающие последствия войны и тяжелые материально-технические условия.

Война диктовала свои требования. Промышленные комплексы, производящие необходимые для фронта технику и продукцию, были эвакуированы с западных и центральных районов страны на Урал и в Сибирь.

Эвакуация рабочих и специалистов вместе со своими семьями коснулась и ряда промышленных предприятий Ленинграда. Осенью 1941 года по решению

школы работала до конца войны 1945 года, пока не уехали эвакуированные дети в свой родной Ленинград.

Соседний колхоз стал ежедневно снабжать интернат дровами. Дети отдыхали, поправлялись.

«Дети из Ленинграда учились вместе с нами, вспоминает Тамара Павловна Михеева (бывшая местная ученица школы). В нашем классе было семь ленинградцев. Классы у нас тогда были большие, до сорока человек. Приехавшие отличались от деревенских. Они были более развиты, хорошо учились, умнейшие были ребята. Жили обособленно, своей «республикой», с деревенскими мало общались. Им выделили землю возле бывшего школьного здания, где они сажали овощи, картофель. Летом собирали ягоды и грибы в лесу, делали запасы на зиму».

Все лето трудились, помогали колхозу, в сентябре жали и собирали колоски, убирали картошку. «Местные ребята так за все годы с нами тесно и не подружились, упорно называя нас «кувырканными» (искаженное «эвакуированные») из воспоминаний воспитанника интерната Виктора Орлова.

Семилетним мальчиком Витя Орлов с мамой (воспитательницей О.П. Орловой) и младшим братиком (к сожалению, умершим здесь от дифтерии) прожили в Лядах в это суровое лихолетье с 1941 по 1945 годы. Витя окончил четыре класса на «отлично» с похвальными грамотами.

А что было потом с Витей Орловым? Об этом мы услышим в 1995 году, когда совершенно случайно узнаем о рукописи «Дети Ленинграда на Урале», журнале «Мой 41-ый» и письме Виктора Павловича Орлова в библиотеку Пермского района. Так началась переписка Виктора Павловича с Михеевой Тамарой Павловной.

Государственного комитета обороны Сарсинский стекольный завод Молотовской области был переоборудован в завод оптического стекла. На наш завод прибывает ленинградский завод оптического стекла (ЛенЗОС) и зеркальный завод.

Вместе с эвакуированными мастерами рабочие Сарсинского завода начинают выполнять заказы для фронта, производя оптическое стекло – глаза танков, бронемашин и наблюдательных приборов – стекло Победы!

Около 50 эвакуированных из Ленинграда подростков вместе со своими сверстниками из п. Сарс трудились на стекольном производстве. Работать разрешали с 12 лет, поэтому дети совмещали учебу в школе и помощь родителям на заводе.

Из воспоминаний Т. Г. Раутиан, эвакуированной из г. Ленинграда в 15 лет: «Наши родители работали здесь как специалисты, а потом и мы, дети, стали работать – кто в контрольной лаборатории, кто в столярной мастерской.

Если не учиться, а только работать на заводе, это значит, что так и останешься с образованием в пять – шесть классов. Мама решила – этого нельзя допускать. И добились, чтобы

дети работали не 11 часов, как взрослые, а шесть. Чтобы после обеда ходить в школу. У школьников рабочий день начинался не в 8 часов, как у всех, а в 7. Дети работали до часу, потом обед, и в 2 часа начинались уроки в школе».

Встреча через 75 лет. Из рассказа В. Г. Раутиан на встрече с учениками в школьном музее осенью 2019 года: «Завод военный, поэтому тот, кто работал, получал хлеба 800 г. На обычных заводах давали 600 г, детям до 12 лет – 400 г. А те, кто не работал, старики и подростки старше 12, назывались иждивенцами и получали 250 г. Это так мало, что дети бросали школу и шли работать. Мама обратилась в дирекцию:

– Бросают школу! Этого нельзя допустить! Ведь тогда рухнет будущее целого поколения!».

И дети старались, не смотря на трудности, работали и получали образование.

До конца 1945 года все вместе одной единой семьей, стар и млад не жалея себя, днем и ночью сарсинцы и эвакуированные трудились и познавали мудрость производства оптического стекла, но с началом 1946-го начался демонтаж оборудования и реэвакуация завода в город на Неве.

В 1945 – 1946 гг. на заводе остались местные рабочие и часть эвакуированных. Около 70 рабочих были направлены в трест № 291 в Ленинграде.

Местные детишки получили сразу после войны в свое распоряжение отвалы с отходами завода оптического стекла с огромным числом отбракованных линзочек, увеличительных и цветных стёклышек, ставших замечательными зажигательными стёклами и елочными игрушками...

Самоотверженный труд рабочих и детей на заводе во время Великой Отечественной войны был отмечен правительством. В 1945 году многие труженики предприятия были награждены медалью «За доблестный труд в Великой

Отечественной войне 1941–1945 гг.». Главный инженер Н.Я. Сулима (эвакуированный специалист из г. Ленинграда) удостоился Государственной премии, его наградили орденом «Знак Почета», а местную работницу леса У.С. Чечушкову – орденом Красной Звезды.

Сарсинцы с доброй памятью хранят имена эвакуированных: В.А. Аганова, С.И. Ефремова, В.В. Бажанова, Н.Я. Сулима, К.Н. Баранова, Н.И. Кирьянова, М.И. Бочковских, Т.В. Курлякиной, Е.И. Галант, М.М. Ларина, М. С. Гомельского, А.Ф. Лариной, Л.И. Демкиной, А.Ф. Печенициной, Ираиду Даладугину с дочерьми Валентиной, Екатериной и Вероникой, В. Пичугину, Г.И. Полякова, Л.В. Сысоеву, М.Г. Капланову, М.А. Федорова и др.

В современном мире очень важным становится аспект исторической памяти. У нас есть много возможностей, чтобы изучать историческое наследие нашей страны. Нам надо не только бережно относиться к своему наследию, а знать его, изучать, понимать и осознать, что это за трагедия XX века, почему мы так бережно сейчас храним память об этой Великой Победе, почему это важно!

В преддверии 75-летнего юбилея великой Победы у нас появилась большая возможность пополнить фонды нашего музея материалами, связанными с жизнью эвакуированных рабочих и специалистов из г. Ленинграда, выяснить каким образом наши сверстники, совмещая учебу в школе и помощь родителям на заводе, получали образование и как сложилась их дальнейшая судьба.

Источники исследования: музейные и архивные материалы, архивные документы школы и района, нарративные источники, материалы, полученные на Интернет – сайтах и в периодической печати, литературные источники, воспоминания участников и очевидцев событий.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

Открытая городская конференция «Я на войне был школьником блокадным...» Работа образовательных учреждений Ленинграда в период блокады и в эвакуации

Секция 1

Работа образовательных учреждений в блокадном Ленинграде

Ведущий: Татьяна Геннадьевна Смирнова – зав. сектором исторического краеведения и школьного музееведения, руководитель ГУМО ГБОУ «СПб ГДТЮ»

Эксперты: Валерий Николаевич Селиванов – исследователь, житель блокадного Ленинграда; Александр Владиславович Кутузов – д.и.н., профессор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, ученый секретарь Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда; Валентина Александровна Невская – член Региональной общественной организации «Жители блокадного Ленинграда»; Татьяна Матвеевна Гусенцова – к.и.н., методист ГБУ ДО ДДЮТ Выборгского района Санкт-Петербурга.

Фурманова Ирина Борисовна, педагог дополнительного образования ГБУ ДО ДДЮТ Выборгского района Санкт-Петербурга

Чему учила блокадная школа?

Тимофеева-Козлова Елена Алексеевна, заведующий музеем ГБОУ СОШ №138 имени Святого благоверного князя Александра Невского Калининского района Санкт-Петербурга

Школа № 138 в годы блокады

Дохия Татьяна Альбертовна, зам. директора по воспитательной работе ГБОУ СОШ № 356 с углубленным изучением немецкого и английского языков Московского района Санкт-Петербурга

История школы № 356 Московского района Санкт-Петербурга

Макарова Ирина Анатольевна, методист ГБУ ДО Дом детского творчества Красносельского района, *Фёдорова Любовь Анатольевна*, методист, педагог дополнительного образования ГБОУ гимназия № 293 Красносельского района

Увековечивание памятными досками зданий, в которых размещались учебные заведения в блокадный период

Кольцова Екатерина, Грицынина Софья, студенты 1 курса Медицинского училища Института сестринского образования ПСПбГМУ им. академика И. П. Павлова

Ксения Владимировна Ползикова-Рубец – автор первой книги о подвиге ленинградских школьников (о чем говорят архивы)

Лончинский Алексей Николаевич, методист, заведующий музеем ГБУ ДО «Правобережный дом детского творчества» Невского района Санкт-Петербурга

Школы Володарского района в годы блокады

Столбова Наталья Павловна, методист ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района Санкт-Петербурга
Школы Охты в годы войны и блокады

Лунёва Ксения Сергеевна, учитель ГБОУ гимназии № 155 Центрального района Санкт-Петербурга
155 школа. Блокадное время

Королёва Алла Васильевна, учитель ГБОУ СОШ № 156 Калининского района Санкт-Петербурга, *Титова Елена Юрьевна*, учитель ГБОУ СОШ № 156 Калининского района Санкт-Петербурга

История школы в годы блокады

Секция 2

Работа образовательных учреждений в блокадном Ленинграде

Ведущий: Владимир Ильич Аксельрод – к.п.н., методист ГБОУ «СПб ГДТЮ», декан Юношеского Университета Петербурга

Эксперты: Никита Владимирович Благово – член Совета Русского генеалогического общества, зав. музеем гимназии К. Мая; Любовь Константиновна Ермолаева – к.и.н., автор концепции краеведческого образования школьников Санкт-Петербурга; *Лариса Анатольевна Рагузина* – методист, преподаватель Первого пограничного кадетского военного корпуса Федеральной службы безопасности Российской Федерации; *Варвара Вадимовна Пузатых* – методист отдела гуманитарных программ и детских социальных инициатив ГБОУ «СПб ГДТЮ».

Захарова Анастасия Александровна, заведующий музеем ГБОУ гимназия № 209 Центрального района «Павловская гимназия» Санкт-Петербурга

Гимназия в годы Великой Отечественной войны (эвакуационный госпиталь № 2015)

Захваткина Ирина Захаровна, методист медиатеки ГБОУ СОШ № 183 с углублённым изучением английского языка Центрального района Санкт-Петербурга

Трудные уроки. Школа № 183 в годы войны и блокады

Короткевич Александр Леонидович, педагог дополнительного образования, руководитель школьного музея ГБОУ СОШ № 50 Петроградского района

Восстановление блокадной истории школы

Митина Александра, уч-ся 10 класса, ГБОУ СОШ № 367 Фрунзенского района Санкт-Петербурга
«Легендарная 367»

Денисова Ирина Михайловна, руководитель Мемориального музея истории Второй Санкт-Петербургской гимназии

Блокадная история одной из ленинградских школ (по материалам Мемориального музея истории Второй Санкт-Петербургской гимназии)

Свидлов Владимир, уч-ся 9 класса, ГБОУ СОШ № 236 им. И. Ф. Морозова Фрунзенского района Санкт-Петербурга
Школа № 236 в годы Великой Отечественной войны

Лукьянова Ольга Юрьевна, заведующий музеем ГБОУ СОШ № 534 с углубленным изучением английского языка им. Героя России Тимура Сиразетдинова Выборгского района Санкт-Петербурга

О работе школ Выборгского района в дни блокады 1943–1944 гг.

Куликова Анна, уч-ся 11 класса, ГБОУ СОШ № 458 с углублённым изучением немецкого языка Невского района Санкт-Петербурга

Воспоминания Клавдии Николаевны Шуваловой, воспитателя Детского дома № 73

Безрукова Татьяна Петровна, заведующий музеем ГБОУ СОШ № 328 с углубленным изучением английского языка Невского района Санкт-Петербурга

Военные страницы истории школы

Секция 3

Работа образовательных учреждений в блокадном Ленинграде

Ведущий: Ольга Ивановна Савельева – педагог-организатор, руководитель ГУМО ГБОУ «СПБ ГДТЮ»

Эксперты: Ирина Алексеевна Зимнева – д.п.н., представитель общественного движения «Вечно живые»; Юрий Николаевич Антонов – председатель отделения общества «Жители блокадного Ленинграда» Петроградского района; Наталия Николаевна Мясникова – заведующий музеем ГБОУ гимназия № 148 им. М. Сервантеса Калининского района; Наталья Юрьевна Ковальчук – методист ГБУ ДО ДД(Ю)Т Фрунзенского района; Евгения Алексеевна Молчанова – вдова поэта А.В. Молчанова.

Телешов Сергей Владимирович, заведующий музеем ГБОУ СОШ № 189 «Шанс» Центрального района Санкт-Петербурга
Блокада глазами очевидцев-школьников

Бойко Татьяна Николаевна, заведующий музеем ГБОУ СОШ № 238 с углубленным изучением английского языка Адмиралтейского района Санкт-Петербурга

Исследовательская деятельность учащихся по теме «Наша школа в годы Великой Отечественной войны»

Пасынкова Светлана Владимировна, заведующий музеем ГБОУ СОШ № 206 Центрального района Санкт-Петербурга
Блокадные страницы в истории 206-й школы Ленинграда

Богачева Яна, студентка 4 курса, Санкт-Петербургское государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Педагогический колледж № 8»

«Я не сказала еще многого» (О подвиге воспитателей в годы блокады)

Ермилова Ирина Борисовна, заведующий музеем ГБОУ СОШ № 222 с углублённым изучением немецкого языка «Петришуле» Центрального района Санкт-Петербурга

Блокадный дневник Юры Ерофеева

Иванов Павел, кадет ФГКОУ «Первый пограничный кадетский военный корпус Федеральной службы безопасности Российской Федерации»

Работа спецшкол во время блокады Ленинграда

Саррина Мария Яковлевна, учитель, руководитель школьного музея «Служба 01» ГБОУ СОШ № 236 им. И. Ф. Морозова Фрунзенского района Санкт-Петербурга

О работе по созданию Зала Боевой славы в ГБОУ СОШ № 236

Грушина Людмила Борисовна, заведующий музеем ГБОУ СОШ № 47 им. Д.С. Лихачева Петроградского района Санкт-Петербурга

История школы № 47 в годы блокады

Секция 4

Работа образовательных учреждений в блокадном Ленинграде

Ведущий: Вера Александровна Петрова, заведующий отделом гуманитарных программ и детских социальных инициатив ГБОУ «СПБ ГДТЮ»

Эксперты: Исая Моисеевич Кузинец – д.и.н., профессор, житель блокадного Ленинграда, действительный член Академии военно-исторических наук; Светлана Владимировна Костышина – специалист Научно-просветительского отдела Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда; Мария Вадимовна Кондратович – методист, педагог дополнительного образования ГБУ ДО ДЮТЦ «Васильевский остров».

Ашанская Анастасия Юрьевна, заведующий отделением дополнительного образования детей ГБОУ СОШ № 222 с углублённым изучением немецкого языка «Петришуле» Центрального района Санкт-Петербурга

«Блокадный директор» Фаина Абрамовна Усвят

Урясьева Татьяна, уч-ся 11 класса, ГБОУ СОШ № 321 Центрального района Санкт-Петербурга

Блокадный учитель М.Д. Иващинцова в воспоминаниях школьников

Гершанюк Ульяна, уч-ся 11 класса, ГБОУ СОШ № 207 с углубленным изучением английского языка Центрального района Санкт-Петербурга

История школы № 207 в воспоминаниях блокадных учащихся

Овчинникова Анастасия, уч-ся 10 класса, ГБОУ СОШ № 340 Невского района Санкт-Петербурга

Школа № 11 Володарского района в годы блокады (по воспоминаниям блокадного ученика школы)

Быкарева Лариса Николаевна, заведующий Музеем педагогической памяти, учитель русского языка и литературы ГБОУ гимназия № 446 Колпинского района Санкт-Петербурга

Блокадная школа в Колпине

Калмыкова Елена Владимировна, учитель истории, руководитель школьного музея ГБОУ гимназия № 166 Центрального района Санкт-Петербурга

Марк Иванович Морозов – учитель, руководитель, человек (о заведующем РОНО Смольнинского района в годы

войны и блокады по материалам школьного музея ГБОУ гимназии № 166)

Демчук Валерия, Никифорова Елена, студентки 3 курса, Санкт-Петербургское государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Педагогический колледж № 8»

«Сквозь израненный город» (о подвиге воспитателей и творчестве детей блокады)

Тимир-Булатова Наталья Сергеевна, учитель ГБОУ СОШ №183 с углубленным изучением английского языка Центрального района Санкт-Петербурга

Учителя и сотрудники школы № 183 в годы войны и блокады

Секция 5

Работа образовательных учреждений Ленинграда в эвакуации

Ведущий: Елена Павловна Стальмак – педагог дополнительного образования историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБОУ «СПб ГДТЮ»

Эксперты: Эльвира Ильинична Архипова – ветеран педагогического труда, член Союза краеведов России; Ирина Васильевна Гороховец – заведующий отделом краеведения, методист ГБУ ДО «Правобережный Дом детского творчества» Невского района; Ольга Герасимовна Прутт – заведующий музеем ГБОУ СОШ № 235 им. Д.Д. Шостаковича Адмиралтейского района.

Стальмак Елена Павловна, педагог дополнительного образования историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБОУ «СПб ГДТЮ»

«Не геройствовала, а жила...» Евгения Николаевна Скотникова: ленинградские страницы биографии.

Говорова Арина, уч-ся 8 класса, ЦОДИВ Красносельского района Санкт-Петербурга, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБОУ «СПб ГДТЮ»

«Мои ордена – мои дети». Судьба ленинградского воспитателя Александры Алексеевны Трещаловой

Попова Анна, уч-ся 9 класса, ГБОУ СОШ №477 Пушкинского района, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБОУ «СПб ГДТЮ»

Эвакуация лагеря ленинградского Литфонда в Гаврилов-Ям по воспоминаниям воспитанников лагеря

Аксенова Полина, уч-ся 8 класса, ГБОУ гимназии №209 «Павловская гимназия» Центрального района Санкт-Петербурга, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБОУ «СПб ГДТЮ»

Спасенное детство Исаака Матвеевича Юдборовского

Исламова Юлия, уч-ся 8 класса, МБОУ «СОШ №5» г. Чернушка Пермского края

«Все мы дружная семья» (О жизни и судьбе заведующей Таушинским детским домом Бубновой Марии Гавриловны)

Жданкова Ольга Александровна, педагог-организатор ГБОУ школа-интернат №1 им. К.К. Грота Красногвардейского района Санкт-Петербурга, *Манилкина*

Светлана Александровна, руководитель музея ГБОУ школа-интернат № 1 им. К.К. Грота Красногвардейского района Санкт-Петербурга

Школа-интернат № 1 им. К.К. Грота в период эвакуации

Авдоненкова Алена, уч-ся 8 класса, МБОУ «Черновская средняя общеобразовательная школа», Краснокамский городской округ Пермского края

«Память сердца»

Лифоренко Марк, Богданов Вячеслав, студенты 1 курса Медицинского училища Института сестринского образования ПСПбГМУ им. акад. И.П. Павлова

Эвакуация ленинградских детских домов в Краснодарский край в 1942 г.

Лядова Ольга Николаевна, учитель МАОУ «Сылвенская средняя школа» структурное подразделение Лядовская школа, Пермский район

«Под свое крыло тепло приняли обездоленных детей»

Секция 6

Работа образовательных учреждений Ленинграда в эвакуации

Ведущий: Ирина Григорьевна Васильева – методист, педагог дополнительного образования ГБОУ «СПб ГДТЮ»

Эксперты: Оксана Владимировна Хухрина – начальник отдела по научно-просветительской деятельности СПб ГБУК «МВЦ» Исторический парк «Россия – Моя история»; София Геннадьевна Колосова – заведующий Музеем-библиотекой «Книги блокадного города»; Анна Семёновна Чупряева – заведующий отделом ГБУ ДО ДДТ Калининского района Санкт-Петербурга.

Газиева Людмила Леонидовна, к.и.н., преподаватель истории Медицинского училища Института сестринского образования ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова

Проблемы и противоречия эвакуации ленинградских детских учреждений в 1941 году

Васильева Ирина Григорьевна, методист, педагог дополнительного образования ГБОУ «СПб ГДТЮ»

История Легаевского интерната. В начале поиска

Павлова Тамара Анатольевна, заведующий музеем, педагог-организатор МБОУ «СОШ № 5» г. Чернушка Пермского края

Краснознаменный Легаевский интернат (О жизни детей Детского сада № 20 Октябрьского района г. Ленинграда в эвакуации)

Витвинская Екатерина, уч-ся 11 класса, ГБОУ «Академическая гимназия № 56» Санкт-Петербурга, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБОУ «СПб ГДТЮ»

Валентин Трыков, воспитанник Легаевского интерната

Кондырева Дарья, Рижко Елизавета, уч-ся 9 класса, МОУ «Некоузская СОШ» с. Н. Некоуз Ярославской области

Мы родом не из детства, из войны...

Белобородова Елизавета, уч-ся 8 класса, ГБОУ СОШ № 683 Приморского района Санкт-Петербурга,

историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБОУ «СПБ ГДТЮ»

О чем рассказали списки эвакуированных?

Зайцева Татьяна, уч-ся 9 класса, ГБОУ СОШ №238 с углубленным изучением английского языка Адмиралтейского района Санкт-Петербурга

Эвакуация 238 школы в село Шахово (по воспоминаниям В.И. Мордасова и М. Антоневиц)

Смирнова Мария, уч-ся 9 класса, ГБОУ СОШ № 534 с углубленным изучением английского языка им. Героя России Тимура Сиразетдинова Выборгского района Санкт-Петербурга

Письма из эвакуации

Каткова Кристина Фёдоровна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник СПб ГБУК «МВЦ» Исторический парк «Россия - Моя история»

Экспозиционно-выставочная деятельность СПб ГБУК «Музейно-выставочный центр» и работа с образовательными учреждениями города по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне

Савинских Виктория, уч-ся 8 класса, МБОУ «СОШ № 5» г. Чернушка Пермского края

«Дорога жизни» (О судьбе ленинградской девочки Людмилы Щегловой)

Секция 7

Работа образовательных учреждений Ленинграда в эвакуации

Ведущий: Анна Евгеньевна Ладыжникова – руководитель историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБОУ «СПБ ГДТЮ»

Эксперты: Людмила Владимировна Дербилова – заведующий Педагогическим музеем СПб АППО; Елена Игоревна Данилова – педагог дополнительного образования ГБОУ «СПБ ГДТЮ»; Светлана Юрьевна Попова – методист ГБУ ДО Дом творчества «Измайловский» Адмиралтейского района.

Ладыжникова Анна Евгеньевна, педагог дополнительного образования, руководитель историко-краеведческого клуба «Петрополь» ГБОУ «СПБ ГДТЮ»

Возобновление деятельности и направления работы Ленинградского Дворца пионеров в 1942 году

Михеева Екатерина, уч-ся 8 класса, МБОУ «СОШ №5» г. Чернушка Пермского края

«Судьба человека» (О судьбе ленинградских детей Морозова Юрия, Морщина Геннадия)

Шилова Ангелина, Зайцева Дарья, уч-ся 9 и 8 классов, МБОУ «Сарсинская средняя общеобразовательная школа имени А.М. Карпова» Октябрьского м.р. Пермского края

«Через призму времени»: судьба ленинградских детей, эвакуированных в поселок Сарс Молотовской области в годы Великой Отечественной войны

Верховская Светлана Николаевна, учитель ГБОУ школа №183 с углубленным изучением английского языка Центрального района города Санкт-Петербурга

Школа-интернат № 183 на Вятской земле

Кокин Вячеслав Леонидович, сотрудник музея ГБОУ СОШ № 235 с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла им. Д.Д. Шостаковича Адмиралтейского района Санкт-Петербурга

Из истории школы № 235: «От Тургенева до Шостаковича». Эвакуация в годы Великой Отечественной войны

Капленко Алина, уч-ся 10 класса, МОУ «Шестихинская СОШ» Ярославской области

Печали и радости школьников Некоузского района в годы Великой Отечественной войны

Литвинская Ева, уч-ся 8 класса, ГБОУ СОШ «Белогорье» № 555 Приморского района Санкт-Петербурга, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБОУ «СПБ ГДТЮ»

Первый этап эвакуации детского сада № 20 Октябрьского района Ленинграда

Куркина Наталья Анатольевна, инструктор по физической культуре ГБДОУ детский сад № 85 Красносельского района Санкт-Петербурга

Дети Ленинграда в Киргизии

В КОНФЕРЕНЦИИ УЧАСТВУЮТ:

Агапитова Светлана Юрьевна, Уполномоченный по правам ребенка в Санкт-Петербурге

Бабушкина Людмила Николаевна, заместитель директора МБОУ «Черновская средняя общеобразовательная школа» Пермского края

Бактиева Ираида Александровна, начальник Управления образования администрации Чернушинского муниципального района Пермского края

Бараненков Вячеслав Вячеславович, генерал-майор юстиции, доктор юридических наук, начальник Первого пограничного кадетского военного корпуса Федеральной службы безопасности Российской Федерации

Бирюкова Ирина Константиновна, член правления Региональной общественной организации «Юные участники обороны Ленинграда»

Борщевский Андрей Александрович, заместитель председателя Комитета по образованию Санкт-Петербурга

Бырдина Лариса Николаевна, заместитель директора МОУ Борковская СОШ Ярославской области

Веретин Александр Иванович, председатель Ленинградского объединенного Совета ветеранов партизанского движения, подпольщиков и их потомков

Зайцева Галина Ивановна, директор МБОУ «Сарсинская средняя общеобразовательная школа им. А.М. Карпова» Пермского края

Иконникова Надежда Александровна, заместитель директора МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 5» г. Чернушка Пермского края

Истомина Елена Станиславовна, ведущий консультант Аппарата Уполномоченного по правам человека в Пермском крае

Калугина Валентина Николаевна, член правления Региональной общественной организации «Юные участники обороны Ленинграда»

Катунова Мария Ренгольдовна, к.п.н., генеральный директор ГБОУ «СПБ ГДТЮ»

Лезик Елена Витальевна, директор Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»

Лейбович Роман Николаевич, член правления Региональной общественной организации «Юные участники обороны Ленинграда»

Литова Галина Трофимовна, учитель МБОУ «Черновская средняя общеобразовательная школа» Пермского края

Любимова Екатерина Александровна, учитель МОУ Шестихинской СОШ Ярославской области

Миков Павел Владимирович, Уполномоченный по правам человека в Пермском крае

Наумова Ольга Витальевна, педагог-организатор МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №5» г. Чернушка Пермского края

Никитина Антонина Георгиевна, эвакуированные дети блокады

Николайченкова (Шманцер) Валентина Васильевна, воспитанник Легаевского интерната

Омелина Елена Егоровна, заместитель главы муниципального района по социальным вопросам, начальник Управления социального заказа администрации Чернушинского муниципального района Пермского края

Сапожников Леонид Зиновьевич, эвакуированные дети блокады

Скрыльникова Елена Станиславовна, директор ГБОУ СОШ № 183 Центрального района Санкт-Петербурга

Соколова Ирина Юрьевна, директор МУ «Центр обеспечения функционирования образовательных организаций Некоузского МР» Ярославской области

Старцева Татьяна Николаевна, директор МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 5» г. Чернушка Пермского края

Тарасова Татьяна Борисовна, учитель истории МОУ Некоузской СОШ Ярославской области

Трубникова (Щеглова) Людмила Александровна, воспитанница Таушинского детского дома

Фарберов Исаак Хаимович, воспитанник Легаевского интерната

Черняга Олег Александрович, генеральный директор Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Музейно-выставочный центр»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ – Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации»

Государственный архив Кировской области - Кировское областное государственное бюджетное учреждение «Центральный государственный архив Кировской области»

Объединенный архив комитета по образованию Санкт-Петербурга - Санкт-петербургское государственное казенное учреждение «Объединённый архив комитета по образованию»

Отдел по делам архивов администрации Некоузского МР – Отдел по делам архивов административно-кадрового управления администрации Некоузского муниципального района

ЦГА СПб – Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Санкт-Петербурга»

ЦГАИПД СПб – Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга»

